

детектив · фантастика · приключения

ИСКАТЕЛЬ

6/2005

ДОРОГИЕ НАШИ ЧИТАТЕЛИ!

Обращаем ваше внимание: подписная кампания продлена. Подписаться на наши журналы можно и в июне.

К сожалению, из-за несогласованности подписных агентств и «Почты России» сложилась непростая ситуация с оформлением подписки на сотни изданий, которые традиционно входят в объединенный каталог «Пресса России» (обложка зеленого цвета). Право выпускать этот каталог перешло к агентству «АРСМИ», о чем нас не проинформировали. В итоге многие издания (в том числе и наши) в каталог не вошли.

Скорее всего, подписка будет проводиться по дополнениям (приложения в виде листов на скрепке), которые вложат в зеленый каталог (Пресса России) и в красный (Роспечать — по просьбе агентства АПР); цены одинаковые, только разные индексы. Поэтому, если не найдете наши издания в толстых каталогах, обратитесь к дополнениям. Подписаться можно по любому. К каталогу «Роспечати» (красный) будет два дополнения, в первом — подписка на комплект «Искатель» и «Мир «Искателя»»; во втором на с. 67 — на «Колокольчик» (индекс 79035), на «Искатель» (индекс 70424), на «Мир «Искателя» (индекс 40920), на «Детективы «Искателя» (индекс 38304). Подписной купон см. на с. 192.

Если вы возьмете зеленый каталог, в нем должно быть вложение также в виде листов на скрепке, но уже от агентства «АРСМИ». Там представлены журналы «Искатель» (индекс 11275) и «Колокольчик» (индекс 11274). На 1-й странице изображен герб России, как и на зеленом каталоге.

На наши издания можно подписаться и по каталогу «ПОЧТА РОССИИ» агентства МАП. «Искатель» — индекс 10922, с. 159; «Мир «Искателя» — индекс 10923, с. 170; «Детективы «Искателя» — индекс 10924, с. 137; «Колокольчик» — индекс 99143, с. 162.

ТРЕБУЙТЕ на почте подписку на журнал «Искатель»!

Для жителей Москвы и Московской области организована подписка в редакции. Справки по телефону: (095) 685-47-06.

Подписаться через редакцию могут и все жители России. Кстати, это дешевле, чем через почту. Для этого следует заполнить квитанцию в отделении Сбербанка России, образец заполнения вы можете увидеть на 3-й сторонке обложки этого журнала.

детектив · фантастика · приключения

ИСКАУТЕЛЬ

ежемесячный литературный журнал издается с 1961 года

6/2005

Боб
ГРЕЙ

3
ДАЧНЫЙ ДЕТЕКТИВ
детективный рассказ

Илья
НОВАК

13
**ИГРУШЕЧНЫЕ
ВОЙНЫ**
фантастическая повесть

Андрей
БЕКЕША

113
**САМЫЙ ГЛАВНЫЙ
ВОПРОС**
фантастический рассказ

Боб
ГРЕЙ

131
ЗАКОН ОТРАЖЕНИЯ
детективный рассказ

139
**МИССИС
МАККИНРОЙ И
МАЛЕНЬКИЙ ДЕМОН**
детективный рассказ

Сергей
ТЕЛЕВНОЙ

147
**АДЕКВАТНОЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ**
фантастическая повесть

189
МИР КУРЬЕЗОВ

6 (318) 2005

Главный редактор	Евгений КУЗЬМИН
Художники	Иван ЦЫГАНКОВ, Александр ШАХГЕЛДЯН
Технолог	Екатерина ТРУХАНОВА
Верстка	Анна РУССОВА
Адрес редакции	127015, Москва, ул. Новодмитровская, 5а, офис 1607
Телефон редакции	685-47-06
Телефоны для размещения рекламы	685-47-06, 685-39-27
Служба распространения	685-59-01 685-66-87
E-mail	iskatel@orc.ru mir_iskatel@mtu.ru
Сайт	www.iskatel.net

Учредитель журнала	Свидетельство Комитета
ООО «Издательский дом «ИСКАТЕЛЬ»	Российской Федерации
Издатель	по печати
ООО «Книги «ИСКАТЕЛЯ»	о регистрации журнала
© «Книги «ИСКАТЕЛЯ»	№ 015090 от 18 июля 1996 г.
ISSN 0130-66-34	

· Распространяется во всех регионах России,
на территории СНГ и в других странах.

Подписка проводится с любого месяца

Подписные индексы:

по Объединенному каталогу

«Почта России»

(карточная система)

70424 — на полгода

42785 — на год

40940 — комплект «Искатель»

и «Мир «Искателя»

по каталогу

агентства «Роспечать»

(адресная система)

на полгода — 79029

ИСКАТЕЛЬ

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

Боб ГРЕЙ
ДАЧНЫЙ ДЕТЕКТИВ
детективный рассказ

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

В связи со сложившейся ситуацией «Почта России» продлила подписную кампанию, так что у вас появилась возможность оформить подписку и в июне. Те, кто не успеет это сделать в июне, может подписаться позже, но уже с последующего месяца.

Обратите внимание! На с. 192 помещен' подписной купон, а на 3-й сторонке обложки — образец оформления подписки через редакцию. Выбирайте по своему усмотрению.

Варианты подписки:

ТРАДИЦИОННЫЙ: подписка в любом отделении связи.

ЭКОНОМНЫЙ: подписка с получением журналов в редакции.

ОПЕРАТИВНЫЙ: подписка по телефону с вызовом агента на дом или в офис.

СОВРЕМЕННЫЙ: оформление подписки через сайт (www.iskatel.net).

УДОБНЫЙ: оплата подписки в Сбербанке вместе с коммунальными платежами.

Не уследил! Прошляпил! Дмитрий Валентинович судорожно сжал приклад. Палец замер на курке. Ружье поднялось и описало медленный полукруг. Попадись ему сейчас этот гад — убил бы. Но не было подлеца, не было негодяя, только следы на грядках и ямки там, где еще вчера красовались кочаны капусты.

Дмитрий Валентинович опустил ружье на колени. Посидел минут пять, приходя в себя, потом переломил двустволку и вытащил патроны, набитые солью грубого помола, что поставляют из Полесья братья-белорусы. «Что со мной? — ошарашенно думал он. — И впрямь убил бы! Из-за какой-то капусты». Он корил себя, но еще через пять минут маятник со свистом понесся в другую сторону, и в душе вновь заклокотала ненависть. Если бы из-за какой-то! Это была его гордость, ни у кого в округе не было «Атрии-96» голландской селекции. Делегациями

приходили, любовались, спрашивали, а он пояснял с важным видом:

— Серая гниль ее не берет. А? Что? Нет, кочан не растрескивается. Пощупать? Пощупайте, осторожно только.

Любопытствующие щупали:

— Плотный какой.

— А то! И что характерно, высокая морфологическая выравненность.

Экскурсанты понимающе поджимали губы, а Дмитрий Валентинович продолжал веско и гордо:

— И еще на редкость дружное формирование урожая. Вы поглядите, ведь один к одному кочанчики, от 2 до 3 кило, как на подбор.

Вот и подобрали... Подчистую!

Дмитрий Валентинович выругался непечатно, чего обычно за ним не водилось. Но тут простительно, особый случай.

А ведь было предчувствие, было! Носилось что-то такое в воздухе тревожное. Еще неделю назад он понял: пора становиться в дозор. Достал ружье, снарядил патроны солью, прихватывал днем пару часиков на сон, а ночью караулил. Все было спокойно, только пьяные регулярно горланили где-то у станции.

В эту ночь он крепился, крепился — и расслабился. Сморил сон под утро, а как глаза продрал — капусты и след простыл. Теперь можно спать спокойно.

Успокаиваться, однако, Дмитрий Валентинович не собирался. Ружье, правда, убрал, чтобы не смущать соседей, и отправился в обход. Может, видел кто чего, может, слышал?

Госпожа Галкина с участка у дороги чистила дренажную канаву. Узнав о беде, разохалась, раскудахталась, как наседка.

— Вы не убивайтесь так. Всяко бывает по нонешней-то жизни! А я не слышала ничегошеньки, сон у меня крепкий, прямо младенческий, не смотрите,

что в годах. — И госпожа Галкина игриво улыбнулась, показав вставные зубы.

Кокетство соседки не вызвало у Дмитрия Валентиновича ответной реакции, на что, видимо, Галкина рассчитывала.

Хмуро кивнув, Дмитрий Валентинович отправился к господину Павлюченко.

— Вот это номер! — восхитился тот. Отложил топор, вытер руки о линялую майку и не преминул добавить: — А вот поделились бы рассадой, глядишь, я бы с вами урожаем и разделил.

— Что теперь вспоминать, — буркнул Дмитрий Валентинович.

— А я помню... — протянул Павлюченко. — Нет, ничего я не слышал, не видел. Как футбол кончился, сразу спать завалился.

Дмитрий Валентинович понурил голову и поплелся к гражданке Федотовой, соседке справа.

— Знать ничего не знаю, — отрезала та, оставляя в покое компостную яму, в которой ковырялась вилами. — А если бы что и заметила, неужто думаете, стала бы на помощь звать? Да ни в жисть! Бандюганам этим что кочан срезать, что голову человеку — все едино. А вообще-то, поделом вам, все бахвалились, пыжились, вот и наказание.

Ничего не сказал на это Дмитрий Валентинович, к себе пошел. А в спину стучало яростное:

— Гордыню тешить — судьбу искушать! Не нами говорено, не нам и спорить.

— Дура! — прошептал Дмитрий Валентинович и закрыл калитку.

Следующий час он бесцельно слонялся по участку, потом сорвался и побежал. Распугивая мальчишек, промчался по улице и, как заправский прыгун в высоту, с ходу одолел забор из рабицы. Прижав руку к сердцу, Дмитрий Валентинович остановился перед человеком, возлежавшим в шезлонге.

Человек оценивающе посмотрел на забор и молвил задумчиво:

— Подправить надо, а то сигают все кому не лень. — Пошевелился, будто раздумывая, встать или нет, но все же поднялся и направился к забору. Ухватившись за кол, неожиданно легко выпрямил его, и оцетинившаяся ржавыми закорючками проволоочная сетка взметнулась на полутораметровую высоту. Такую преграду Дмитрий Валентинович не смог бы взять, даже если бы у него унесли весь урожай: и свеклу, и хрен, и редьку...

— Семеньч, спасай! — выдохнул он.

В данный момент все надежды Дмитрий Валентинович связывал с этим валяжным мужчиной с седыми висками и орлиным профилем — с Владимиром Семеновичем Маховым.

Два последних года, как на пенсию вышел, Махов безвыездно проводил лето на своем участке, не слишком заботясь о том, чтобы что-нибудь вырастить на законных шести сотках. С него было достаточно походов по грибы и нескончаемой рыбалки. В промежутках между тем и другим он предпочитал всем садово-огородным развлечениям безмятежный отдых в шезлонге с книжкой в руках. Разумеется, иногда он засучивал рукава, но лишь тогда, когда откладывать «на потом» становилось невозможно. Крышу подлатать, колодец почистить... Получалось у него все споро и справно, но стоило уложить последний лист шифера или достать из колодца последнее ведро с песком, как Владимир Семенович снова становился сибаритом. Это превращение поначалу вызывало недоуменное негодование окружающих, от зари до зорьки пахавших на грядках. Его попробовали образумить, но Махов сказал: «Отзыньте!» — и все «отзынули». Ослушайся такого! Глянет из-под бровей — пот прошибает. Оно, впрочем, и понятно: до пенсии занимался Владимир Семенович искоренением преступ-

ности, был опером, причем, поговаривали, специализировался на убийствах.

Несмотря на возмущающее дачников безделье Махова, в другой области он пользовался среди них непререкаемым авторитетом. Произошло это после того, как бывший опер помог отыскать украденную ручную газонокосилку. Счастливый владелец вновь обретенного агрегата разнес эту весть по кооперативу, и теперь к Махову постоянно обращались за помощью: где воровство, где драка с побоями, где собака кусачая...

— Спасай, Семеньч! — повторил Дмитрий Валентинович.

— А что случилось?

— Капусту срезали!

— «Атрию»?

— Ее, голубушку.

— Поздравляю.

— С чем?

— Так ведь свобода, братец!

— Не нужна мне такая свобода. Помоги, век благодарен буду.

— А чего теперь дергаться? — Махов стал бочком-бочком продвигаться к шезлонгу. — Она же у тебя поздняя, так? Срезать рановато. Найду — все равно выкидывать придется.

Дмитрий Валентинович заступил бывшему сыщику дорогу:

— Ты не капусту, ты мне этого мерзавца найди.

— И что ты с ним сделаешь?

— В глаза посмотрю, — сказал Дмитрий Валентинович так, что было ясно — взглядом он не ограничится.

Махов тяжело вздохнул и махнул рукой:

— Ладно, пошли.

По дороге Дмитрий Валентинович поведал свою невеселую историю. Не скрыл, что трясся над «Атри-

ей», как ювелир над яйцом Фаберже. Ходил гоголем, ни с кем рассадой не делился, из-за этого до ссор с соседями доходило.

— Тщеславие, отягченное местными обычаями, — констатировал Махов.

— Но ведь не я один! — воскликнул Дмитрий Валентинович.

Да, такими были обычаи в дачном кооперативе: если что у кого родится лучше, чем у других, значит, есть на то секрет, но какой — о том молчок. Люди могли прекрасно относиться друг к другу, ходить в гости, мило чаевничать, судачить по вечерам на скамеечках, интересоваться здоровьем близких и дружно ахать из-за роста цен, но стоило разговору коснуться урожайности — «И с чего это, Марьванна, у вас кабачки ну чисто поросята, а у меня какие-то недоношенные?» — как тут же возникала пауза. Не трожь! Мое! Секрет!

— Может, цыгане? — высказал предположение Дмитрий Валентинович.

Недалеко от железнодорожной станции стояли халупы «оседлых» цыган. Мужчины из табора занимались сварочными и лудильными работами, а горластые женщины с чумазыми ребятишками каждое утро отправлялись в Москву попрошайничать. По доставшейся от предков привычке, если что в кооперативе пропадало, грешили на цыган. И совершенно напрасно, что и подтвердил бывший опер:

— Я с бароном их разговаривал. Он слово дал, что у местных они гвоздя ржавого не возьмут. Не свиньи, чтобы гадить, где живут. А у барона слово крепкое.

— Кто же тогда? Бомжи?

На участке Махов прошелся вдоль грядок, поковырял ботинком разрытую землю.

— Не бомжи это. Те поодиночке не шастают, а тут один человек наследил. — Посчитал ямки, шевеля губами: — Двадцать три. Не ошибся?

Дмитрий Валентинович кивнул:

— Двадцать три. Какие кочаны были!

Махов покачал головой:

— Такую тяжесть за один раз не унести.

— Может, он с мешком да в несколько ходок?

— Вряд ли. Что же у него, перевалочный пункт здесь где-то? Схрон? Тайник? Нет, брат. Если бы вор несколько заходов сделал, кто-нибудь — не ты, так соседи, — обязательно проснулся бы, кто-нибудь что-нибудь да услышал. Но меня другой вопрос занимает...

— Какой?

— На кой черт кому-то сдалась твоя капуста?

— Так ведь «Атрия»! — воскликнул Дмитрий Валентинович.

— Так ведь незрелая! — в тон ему отозвался Махов.

— Что-то не пойму я тебя, Семеныч. К чему ты клонишь?

— А ты подумай.

Дмитрий Валентинович напрягся, но ни одной стоящей мысли в голову не приходило. Махов между тем усмотрел под яблоней скамейку, рванул к ней, как паломник к святому источнику, и сел, закинув руки на деревянную спинку.

— Думай, Дима, думай. Порой это полезно. Тем более что все необходимое для вывода у тебя есть.

Дмитрий Валентинович еще раз напрягся, пытаясь заставить мозги работать в подзабытом — городском, не дачном — режиме. И снова ничего не получилось.

На лице его, видимо, столь явственно были написаны растерянность и отчаяние, что бывший опер смилостивился:

— Ну, будет. Не мучай извилины. И внемли! Капуста твоя как товар никому не нужна. Следовательно, у человека, оголившего ночью твои грядки, был какой-то другой мотив. Какой?

— Зависть, — осенило Дмитрия Валентиновича. —

У него такой капусты нет, так пусть ни у кого не будет!

— Молодец, — похвалил Махов. — А так как человека этого никто не видел и не слышал, то...

— Это кто-то из соседей, — тихо сказал Дмитрий Валентинович. — Из ближних соседей. Потому и не слышали, что далеко ходить ему нужды не было. Так что же, кто-то из них врет?

— Конечно! — добродушно засмеялся сыщик. — И третье. Пустить в переработку незрелую капусту невозможно, в доме тоже не спрячешь — вдруг кто зайдет, как объяснишь? — а спрятать двадцать три кочана надо. Спрашивается, где?

Дмитрий Валентинович оторопело смотрел на Махова, потом пальцы его сжались в кулаки, он повернулся и решительно двинулся в сторону соседнего участка.

— Только без рук! — понеслось ему вдогонку.

Оказавшись на месте, Дмитрий Валентинович ухватился за черенок, зацепил вилами пласт спрессованной травы, поднатужился и отвалил в сторону. Изрезанные, изрубленные капустные листья устилали дно компостной ямы.

Федотова с криком вылетела из дома, но, увидев соседа, подавилась собственным воплем. С вилами наперевес тот пошел на нее, Федотова ойкнула, шмыгнула за дверь и загремела засовом.

— Помогите! Убивают! — рванулось из окон.

— Вилами делу не поможешь, — сказал подошедший Махов.

— Что же мне теперь, куда? — обернулся к нему Дмитрий Валентинович.

— Подавай заявление, а там — суд.

— Суд?

— А ты что хотел? Дело о кочерыжках. — Махов усмехнулся. — Ну, пойду, пожалуй. Я свою работу вы-

полнил. Я все-таки сыщик, хоть и бывший, а не прокурор и не судья.

...Суд не состоялся. Потому что дело не было заведено. Все как-то само собой рассосалось. Слухи еще поползали по кооперативу сонными мухами, но потом и они улеглись.

— Может, и не было ничего, — лениво переговаривались дачники.

Вот только через месяц у гражданки Федотовой рухнул парник, а следующей ночью кто-то обтряс всю ее антоновку. Она бросилась к Махову, но того уже не было. Дачный сезон кончился.

Илья Новак
**ИГРУШЕЧНЫЕ
ВОЙНЫ**

фантастическая повесть

На крутом повороте ярко-красный джип с тонированными стеклами ударился о низкое ограждение и перевернулся. Дальше начинался отвесный склон. И его, и землю внизу с дороги разглядеть было невозможно, лишь вдалеке виднелась полоска рельсов, по которым медленно ехал электровоз. Когда джип, ревя двигателем, перелетел через ограждения и достиг границы, где начиналось скрытое от глаз пространство, все вдруг застыло. Облака и солнце, склоны, кусты и деревья — весь ландшафт замер, будто на аляповато раскрашенной компьютерной картинке. Автомобиль повис, бесстыдно задрав колеса к небу. Прозвучало треньканье дверного звонка. Егор ударил по кнопке отключения и повернул кресло.

Дрянная игрушка! Он выкатился из комнаты в полутемный коридор. Текстуры машин хорошо прорисованы, как и ландшафт, но стоит выйти за незримые пределы, назначенные художниками и программистами, как начинаются всякие ошибки. Или компьютер зависает, или уж совсем какая-то ерунда таинственная — машина проваливается под землю и падает сквозь темно-коричневые слои, причем круглый спидометр в правом нижнем углу показывает бесконечное увеличение скорости, вплоть до сверхсветовой.

Подкатившись к входной двери, Егор посмотрел в глазок, специально сделанный очень низко, и увидел парня в зеленом комбинезоне и зеленой кепке. С большой коробкой в руках.

Егор открыл дверь и откатился в сторону, позволяя курьеру войти.

— Служба доставки «Русский Вирт»... — начал тот, дежурно улыбаясь, но Егор нетерпеливо перебил его:

— Да-да. Это ко мне, все правильно.

Оба ненадолго замолчали — и одновременно узнали друг друга.

— Ключка?

— Атила, это ты?

Бывший одноклассник Егора Атилова замолчал, плясь на инвалидное кресло. Лицо его из удивленного стало смущенным, потом он отвел взгляд.

— Ладно, чего встал? Входи, — произнес Егор грубее, чем хотел, и покатил обратно. В квартире стояла тишина, дядя и тетя, у которых Егор жил последние полтора года, улетели на выставку в Токио. Радио он давно не включал, телевизор тоже, даже в сеть уже несколько дней как не залазил.

Костя Ключкин пошел за ним, разглядывая кресло на колесах, ободья которых Егор вращал обеими руками.

— Я ведь видел твое имя в адресе, но не сообразил, что это ты, Атила, — произнес он. — Ты ж раньше в другом районе жил?

В комнате стоял диван, стол с монитором, на котором застыл перевернутый красный джип, шкаф с книгами, видеодвойка и музыкальный центр. У монитора — две массивные колонки, руль с педалями и большая пирамида дисков. Аппаратура дорогая, сразу видно, что не с радиорынка, а из фирменных магазинов. Костя прикинул цену содержимого коробки, которую держал в руках, и только теперь осознал, что это именно бывший одноклассник стал первым покупателем «хай-тек оболочки», пока не поступившей в свободную продажу.

— Ту квартиру мы продали, — сказал Егор. — Я теперь с тетей и дядей, но они уехали как раз.

— А... — начал Костя и прикусил язык. Он хотел спросить о родителях Атилова, но в последний момент что-то остановило его. Мучительная пауза затягивалась, и Костя брякнул первое, что пришло в голову: — Ты слышал, «Супергонки» этой ночью рухнули?

«Супергонки» были сетевым гоночным симулятором с огромными локациями. Впрочем, Егор в них никогда не играл.

— Нет, — сказал он. — Я сейчас вроде как отрезан от окружающего мира. Ну то есть я сам себя отрезал. Ничего не вижу, ничего не слышу...

— Там что-то странное произошло. Я с утра из офиса к тебе поехал, не успел подробности разузнать, но...

— Ладно, давай показывай! — перебил Егор.

Костя вспомнил наконец, зачем пришел, и, изобразив на лице широкую бессмысленную улыбку, приподнятым голосом сказал:

— Служба доставки «Руссовирт» приветствует вас! Мы работаем для... — и замолчал, увидев насмешливую гримасу хозяина.

— Брось, Клюшка. Я у «Руссовирта» уже перчатки заказывал, и руль, и все это слышал. Ты недавно у них работаешь?

— Ага. Это моя первая доставка.

— И тебе сразу доверили «оболочку»?

— Понимаешь, Атила, — курьер доверительно склонился к Егору, — я туда по знакомству устроился.

— Понятно. Конечно, в «Руссовирт» с улицы не попадешь, даже курьером. Открой, я посмотреть хочу.

На стене возле стола висело несколько картинок, кажется, распечатанные на цветном принтере изображения из игры. На каждой — красный джип. Взрывающийся, или перевернутый, или тонущий в воде... Несколько секунд Костя рассматривал их, затем моргнул, положил коробку на диван и раскрыл. Они заглянули внутрь. В коробке лежал черный сферический шлем, аккуратно сложенная оболочка из материи, пронизанной серебристыми нитями, несколько дисков, провода и мануал.

— «Оболочка “Экстра”»... — произнес Егор. — Почему это называли оболочкой?

— А как?

— Старые версии называли просто костюмами.

— Они дают понять, что это костюм нового поколения. «Оболочка» круче звучит. Значит, так... — Костя выпрямился, опять вспоминая свою роль. — Я теперь должен тебе инструкцию прочитать. Вообще-то это новая супермодель, они пока официально не продаются, ты первый... Короче, корпорация «Дженезис» уверила «Руссовирт», что модель апробирована и прошла все нужные испытания, но некоторые сбои, возможные в новейшем игровом хай-тек оборудовании...

— Знаю, знаю! Думаешь, я перед тем, как такую дорогую штуку покупать, не проверил, что к чему? У меня подключение к Интернету через кабель, связь быстрая, так что я уже кучу информации про «экстру» успел узнать. Вот, держи деньги...

Косте становилось неловко всякий раз, когда Егор перемещался по комнате. Пока он сидел неподвижно, можно было решить, что с Атилой все в порядке: ну, сидит парень в кресле, ну, кресло прикольное, на колесах, ну так что? Но как только он начинал крутить колеса и кресло трогалось с места, сразу становилось видно: бывший одноклассник теперь калека, ноги парализованы... нет, не совсем. Когда Атила доставал из ящика деньги, Ключка заметил, что правое колено шевельнулось.

Тут Костя обнаружил, что Егор в упор смотрит на него. И, наверное, знает, что за мысли сейчас бродят в Костиной голове.

— Ты... — начал Ключка, но Атила перебил его глухим голосом:

— Гадаешь, что произошло? Мы в аварию попали. У нас зеленая «Шкода» была, помнишь? Мать за рулем, отец рядом, я сзади. Ехали вдоль узкоколейки, сбоку вылетел... — Он шумно вздохнул и ткнул пальцем в ярко-красный джип на мониторе. — Точно такой же. Нас всмятку. Мать сразу умерла, мне придавило нижнюю часть тела, а отца выбросило наружу. На несколько

метров, удар очень сильный был. А там как раз электро-
воз проезжал. Отец упал ногами на рельсы, и ему... от-
резало, в общем. А джипу — ничего. Там рама цельная,
«Шкоду» пробило как тараном, а она только погнулась
немного. Водитель крутой оказался, бизнесмен, адво-
кат поговорил с кем надо, денег дал, и его даже не поса-
дили!

Последние слова Егор почти выкрикнул. Костя пе-
реминался с ноги на ногу и не знал, куда деть глаза. Он
готов был сквозь пол провалиться.

— Родительскую квартиру мы продали, — Атила
швырнул на диван пачку денег. — Я институт бросил,
зато выучился на программиста. Прямо тут и работаю,
неплохо зарабатываю. Разные программки коммерчес-
кие клепаю. Тетя с дядей дизайнеры модные. Денег
хватает. А мне что делать? Вот, в эту игрушку играю...
Проверь, там две тысячи двести.

Костя пересчитал купюры.

— Здесь две тысячи двести пятьдесят.

— Полтинник тебе за доставку.

— Но... это слишком... — Костя замялся. По
инструкции «Руссовирта» он еще много чего должен
был рассказать покупателю и даже проследить, чтобы
тот в первый раз надел «экстру» и подключился пра-
вильно.

— Оболочка «экстра» корпорации «Дженезис»,
единственным дистрибьютором которой в нашей стра-
не является компания «Русский Вирт», — замямлил он
выученный текст, — это образец новейшего игрового
оборудования. В шлем вмонтирован винчестер на двес-
ти сорок гигабайт, где инсталлирована игра, специаль-
но созданная для этого проекта корпорацией «Джене-
зис» с использованием новейшего алгоритма вероят-
ностей WASP-7...

— Прекрати! — перебил Атила. — Говорю тебе, я это
все читал. Сам костюм стоит полторы тысячи, еще
семьсот — за игрушку, такая она крутая. Запускается

сразу после инсталляции в «Дженезисе», каждая копия игрушки на каждом винчестере развивается по-своему, игрок попадает в уже готовый мир... Это все реклама, а их алгоритм вероятностей — на самом деле просто генератор случайных чисел, только мощный, навороченный очень. Все, иди, Ключка.

— Там перевод на русский, но пока плохо отредактированный. И еще не рекомендуется ставить игры без сертификата. Мне по технике безопасности тебе надо рассказать...

— Не надо. Иди.

— Ну... хорошо.

Сутулясь, он вышел в коридор. Такого смущения, даже стыда — хотя он-то в чем виноват? — Костя не испытывал еще ни разу. Атила отпер входную дверь, и, только шагнув наружу, Ключка с пунцовым лицом выпалил:

— Но там же обратная связь! Надо хоть немного напрягать мышцы, «экстра» преобразует их сокращения в электронные импульсы и соответственно двигает картинку. Как же ты будешь ходить в играх?

Дверь захлопнулась. Только в лифте Константин Ключкин вспомнил, что не дал покупателю расписаться в квитанции, но вернуться... нет, это было выше его сил.

Джип пламенел на мониторе. Игра называлась просто — «Скорость». В эту незатейливую аркадную гонку с облегченной физикой выродилась когда-то знаменитая хардкорная «Нидфорспид». Егор потянулся к коробке с «экстрой», вспоминая то, что успел прочесть о ней. Вместе с оболочкой «Дженезис» обещал предоставить пользователям «супернелинейную ролевою игру», как говорила реклама. Уже год ее сетевой вариант существовал на десятке разбросанных по миру игровых серверов, то есть пользователь мог играть как в «пространстве» своего винчестера, так и выйти в Интернет. На

поставляемом вместе с оболочкой винчестере было еще программное обеспечение «экстры» и куча гигабайтов пустого места, куда устанавливались другие игры.

«Скорость» можно было загрузить прямо на винчестер в шлеме, что Атила и сделал. Пока длилась установка, он стал натягивать оболочку. Ткань, пронизанная паутиной металлизированных нитей, оказалась тяжелой и шершавой на ощупь. Он подсоединил к шлему провод сетевого кабеля, натянул перчатки и специальные чешки.

Черное забрало шлема откидывалось, внутреннюю поверхность покрывала серебристая сеточка для мониторинга мозговой активности. Мерцали два круга из мутно-белого кристаллического вещества. Когда шлем надет на голову и забрало опущено, кристаллы приходятся на глаза, почти касаются глазных яблок, чтобы реагировать на движения зрачков.

Он перелез из кресла на диван, лег и надел шлем. Тот соединялся с оболочкой семью штекерами, сбоку были отверстия с узкими решетками для воздуха. Вентилятор и мини-кондиционер, способный нагревать и охлаждать воздух, работали от мощного аккумулятора.

Когда Атила надел шлем, стало темно, доносящиеся с улицы звуки и тихое гудение его компьютера смолкли. Егор лег поудобнее и вдавил клавишу с наружной стороны шлема, после чего, вытянув руки и ноги, расслабился.

Тихое жужжание (заработал кондиционер), потрескивание винчестера где-то у затылка... По всей своей поверхности оболочка напряглась, прилипла к телу и неприятно сдавила его. В темноте перед глазами пробежал столбик цифр и значков, движущаяся сверху вниз синяя таблица — «экстра» настраивалась.

Затем таблица исчезла, и возникло звездное небо.

ВВОДНЫЙ ТЕСТ — белые буквы проявились среди россыпи звезд. — **ПРИВЕТСТВИЯ! Я — ВАША ОБО-**

ЛОЧКА. СЕЙЧАС Я БУДУ НАЗЫВАТЬ ЧАСТИ ВАШЕГО ТЕЛА. ВАМ СЛЕДУЕТ НАПРЯГАТЬ СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МУСКУЛЫ. НЕ ДВИГАЙТЕСЬ! ДОСТАТОЧНО НЕБОЛЬШОГО НАПРЯЖЕНИЯ МЫШЦ, И Я РАСПОЗНАЮ СИГНАЛЫ. ГОТОВЫ?

Последнее слово помигало, затем сменилось на:

ПАЛЬЦЫ ПРАВОЙ РУКИ...

Атила чуть шевельнул ими.

ИЗЛИШНЕ! ИЗЛИШНЕ! — просигналила оболочка. — ПОВТОР. ПАЛЬЦЫ ПРАВОЙ РУКИ.

Теперь он не стал двигать пальцами, а скорее обозначил движение, подумал о нем — так явственно, будто произнес вслух: *я двигаю пальцами правой руки...*

ПРИНЯТО. ПРАВОЕ ЗАПЯСТЬЕ... ЛОКОТЬ ПРАВОЙ РУКИ... ПРАВОЕ ПЛЕЧО...

По мере того как он выполнял команды, оболочка в соответствующих местах шевелилась, сначала прилипла к коже, затем словно исчезала — когда настройка происходила правильно, Атила переставал ощущать «экстру».

За правой рукой последовала левая, затем: ДВИЖЕНИЕ ШЕЕЙ ВЛЕВО — ВПРАВО... ВПЕРЕД — НАЗАД...

Спустя минуту начались неприятности. С ягодичными все прошло нормально, а вот ноги... Буквы встревоженно замигали, когда после третьей просьбы «НАПРЯЧЬ ИКРУ ЛЕВОЙ НОГИ» оболочка не уловила движения мышц.

ВЕРОЯТНОСТЬ СБОЯ! — объявила она.

Егор сжал зубы. Он воочию представил себе, как напрягаются мышцы под кожей, как нога шевелится... он даже *почувствовал*, что она и вправду шевельнулась...

НАПРЯГИТЕ ИКРУ ПРАВОЙ НОГИ, — удовлетворенно попросила оболочка.

Звездное небо исчезло, перед глазами возник жел-

тый треугольник, слева от него синий квадрат, а справа — красный круг.

ВИЗУАЛЬНЫЙ ТЕСТ. ПЕРЕДАЧА ИГРОВЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ОСНОВАНА НА МЕТОДЕ ИНТРОСКОПИИ — НАБЛЮДЕНИИ ПРЕДМЕТОВ ИЛИ ПРОЦЕССОВ ВНУТРИ ОПТИЧЕСКИ НЕПРОЗРАЧНЫХ СРЕД. СМОТРИТЕ НА ТРЕУГОЛЬНИК. ЕСЛИ ОН ЖЕЛТОГО ЦВЕТА — ПЕРЕВЕДИТЕ ВЗГЛЯД НА КВАДРАТ... ЗАКРОЙТЕ ЛЕВЫЙ ГЛАЗ... ЗАКРОЙТЕ ПРАВЫЙ ГЛАЗ... ПРОВЕРКА СТЕРЕОСКОПИЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ ОБЪЕМНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ.

Круг стал шаром, квадрат завращался и вытянулся, превратившись в ромб, треугольник принял вид пирамиды.

СЛУХОВОЙ ТЕСТ... СЛЫШИТЕ ЛИ ВЫ ШУМ МОРСКОГО ПРИБОЯ? ЕСЛИ ДА — СКАЖИТЕ «ДА»...

— Да, — произнес он четко.

СКАЖИТЕ «НЕТ»...

— Нет.

ВАШЕ ИМЯ?

— Атила, — ответил Егор после секундной паузы.

ОТЧЕТЛИВО ВЫГОВАРИВАЯ СЛОВА, ПРОИЗНЕСИТЕ: Я, АТИЛА, ОЗНАКОМЛЕН С ПРАВИЛАМИ БЕЗОПАСНОСТИ, РАЗРАБОТАННЫМИ КОРПОРАЦИЕЙ «ДЖЕНЕЗИС» ДЛЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ОБОЛОЧКИ «ЭКСТРА».

Атила произнес это.

Пауза, шелест и щелчок — словно его слова были записаны и переданы куда-то по подключенному к шлему сетевому проводу.

— **МОНИТОРИНГ РИТМОВ ГОЛОВНОГО МОЗГА И ДРУГИХ ПАРАМЕТРОВ. НИЧЕГО НЕ ДЕЛАЙТЕ. ТЕСТ БЕЗОПАСЕН.**

Возникло легкое, щекочущее покалывание в затыл-

ке, которое затем сместилось к вискам. Перед глазами стремительно пробежали слова:

**РЕЦЕПТИВНЫЕ ПОЛЯ... БАЗАЛЬНЫЕ ЯДРА...
ЗАТЫЛОЧНАЯ ДОЛЯ... ТАЛАМУС... КОГНИТИВ-
НАЯ ФУНКЦИЯ...**

Словно перышком провели по темени. Атила лежал неподвижно — вернее, висел, потому что теперь он не ощущал дивана под собой.

ВВОДНЫЙ ТЕСТ ПРОЙДЕН.

И затем — без всякого перерыва — чернота сменилась буйством красок.

Из-за ярко-оранжевого горизонта всплыли гигантские буквы:

DGENESIS

Их сопровождала бравурная электронная музыка. Буквы исчезли, их место заняло слово:

PRESENTS

Затем, уже на русском:

«ЭКСТРА» — ОБОЛОЧКА НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

Последние три слова медленно растворились в сияющем небе, а «ЭКСТРА» повисла, мерцая изумрудными искрами.

От горизонта поднялась световая колонна, на капители которой было написано: **СПАСИТЕЛЬ МИРОВ.**

Та самая игра, которую «Дженезис» поставил на винчестере оболочки. Далеко слева, где пространство темнело, из оранжевого становилось бледно-желтым, стоял целый лес колонн поменьше — все пустые, ждущие своей игры, кроме одной, на которой светилось: **SPEED.**

Там его ждал красный джип — и Атила потянулся к колонне с гоночной аркадой.

Оранжевое небо тревожно мигнуло, возникло предупреждение:

**ДАННАЯ ИГРА НЕ РАЗРАБАТЫВАЛАСЬ НЕ-
ПОСРЕДСТВЕННО ДЛЯ ОБОЛОЧЕК НОВОГО ПО-
КОЛЕНИЯ. ВОЗМОЖНЫ СБОИ. КОРПОРАЦИЯ**

«ДЖЕНЕЗИС» РЕКОМЕНДУЕТ ВОСПОЛЬЗОВАТЬСЯ ОДНОЙ ИЗ ИГР, ПРОШЕДШИХ СЕРТИФИКАЦИЮ.

— Наплевать, — вслух произнес Егор.

На самом деле она называлась «симулятором столкновений», потому что, в отличие от большинства других гонок, здесь главным было не просто прийти первым, а уничтожить соперников. За выигрыш давались деньги на покупку новых машин или усовершенствования старых, а за столкновения и повреждения соперников — так называемые «бонусы», то есть очки, которые обменивались на оружие.

Заставка и меню не изменились, разве что стали объемными, как и вступительный ролик. Теперь все происходило не на мониторе перед Атилой, а вокруг него: сталкивались и взрывались машины, сигналили полицейские, летели ракеты... И на заставке, и в ролике центральное место занимал тот самый ярко-красный джип. Именно потому Атила уже несколько месяцев играл в «Скорость».

Зазвучал рэп. Егор взял из гаража зеленую «Шкоду». На его счету накопилось такое количество денег, что он мог купить любой автомобиль в парке, предоставляемом игрой, но Атила тратил их только на усовершенствование зеленой «Шкоды».

ОПЦИИ... ТРАФИК... ПРОФИЛЬ ИГРОКА... КОЛИЧЕСТВО СОПЕРНИКОВ...

«Шесть» — ввел он.

ТРАССЫ.

Для начала он выбрал морское побережье.

По темени опять словно провели перышком, в затылке легко защекотало, и перед глазами возникла бетонная площадка с автомобилями, вид сверху. Зависнув примерно в двух десятках метрах над ней, Атила увидел толпу машущих флажками зрителей, кусты по периметру и начало широкой земляной дороги.

Здесь были два «Мерседеса», «Сааб», старенький

«Форд», «Шевроле» и — вот он, враг! — красный корейский джип с круглыми фарами, словно выкаченными в приступе ярости глазами.

Рэп зазвучал громче, Атила провалился сквозь крышу машины и уселся на водительское сиденье. Оболочка напряглась на зад, имитируя прикосновение к сиденью, под пальцами он ощутил шероховатый руль, под ступней — пружинистую твердость педали.

На рулевой дуге имелся джойстик для управления оружием. Кроме пулемета в распоряжении Атилы были мины, дымовые шашки и ракетница. Впереди бородастый мужичок с застывшей рожей — анимация явно не была сильным местом этой игры — махнул флажком.

Взревели двигатели. Прямо в воздухе разноцветные красные лоскутки стремительно сложились в надпись СТАРТ и взорвались вспышкой света. Машины соперников рванулись вперед, и, опомнившись, Атила тоже стартовал.

Он знал эту трассу вдоль и поперек. Холм, бензозаправка, объезд вокруг пляжа нудистов...

«Скорость» имела одну особенность — у каждой марки автомобиля была своя специфика, словно в них всегда сидел какой-то определенный водитель со своим характером. Например, «Форд», хоть и обзавелся пулеметом, вел себя тише всех, никогда не пытался бортануть и очень редко стрелял, а попадал еще реже. Оба «Мерседеса» тупо таранили противников, вынося их с трасс и зачастую вылетая в кювет следом, а вот «Шевроле» с «Саабом» действовали хитрее.

Но самым агрессивным был красный джип — и почему-то Атила не удивлялся этому.

«Форд» давно отстал, «Мерседесы» тоже, впереди теперь неслись три машины. Начался пляж, желтое облако песка поднялось к небу.

Песчаная коса, изгиб... Почти поравнявшись с «Шевроле», Атила крутанул руль и ударил соперника

бортом. «Шевроле» бросило в сторону, взвился фонтан воды, машина встала. Егор еще успел увидеть возникший над ней в воздухе жирный красный крест, но тут же забыл об этом. Джип и «Сааб» неслись рядом, чуть впереди, и Егор понял, что сейчас джип попытается повторить его маневр, спихнуть противника в воду.

На лобовом стекле мерцали линии прицела, полупрозрачные, чтобы не мешать обзору. Атила навел перекрестье на узкое пространство между машинами, выждал мгновение и выстрелил.

По правилам в его распоряжении имелась всего одна ракета, но он не промахнулся. Джип вильнул, сближаясь с «Саабом», и ракета попала в цель, как раз когда машины сошлись бортами.

Дым показался Егору неестественным, но черт с ним, с дымом, зато как классно загорелись машины!

Визг, скрежет... Он едва успел повернуть руль, объезжая гору обломков. Дальше шел последний ровный участок, а затем — бравурная музыка и десяток похожих друг на друга зрителей. Точно такой же, как на старте, бородатый мужик машет полосатым финишным флагом...

Его машина вильнула из стороны в сторону и сама собой остановилась.

Егора вынесло через крышу, он увидел площадку сверху, затем все мигнуло и, сопровождаемое хриплым рэпом, перед ним засветилось игровое меню.

Он пришел к финишу не только первым, но и единственным, за что, кроме денег, получил очередной бонус, который уже не мог обменять на оружие. Оружейный запас в игрушке был скудным, только мины, дымовые шашки, пулемет и ракетница. Атиле было предложено на выбор три новые машины, но он отказался.

После пустыни и гонки по автострате, висящей между крышами небоскребов, были туннели. Атилу не интересовало прийти первым. Главное — не допустить до финиша ярко-красный джип. Угрюмая злость пере-

полняла его всякий раз, когда враг в очередной раз переворачивался или взрывался.

Началась самая сложная трасса, и тут Егор впервые потерпел поражение. По узкой дороге, петляющей между склонами и ущельями, надо было добраться до пологой вершины, где поджидал не знакомый бородач, а девица в серебристом бикини, таком узком, что его почти не было видно. Радостно улыбаясь, она махала флажком и посылала воздушные поцелуи победителю.

Вот только в этот раз Егор так и не получил свою порцию поцелуев. Джип протаранил его, и «Шкода» взорвалась. Симулятор изначально не был предназначен для «экстры», в нем просто не имелось соответствующих команд. Оболочка отреагировала на взрыв посвоему — сжала тело со всех сторон и чуть нагрелась, вентилятор под шлемом пыхнул в лицо Атиле теплым воздухом...

Опять старт. Он сразу взял с места в карьер, у подножия горы обогнал «Мерседесы» с «Шевроле», затем саданул из ракетницы по «Саабу». Впереди остались только джип и «Форд». Последний вдруг сбросил мину, но Егор успел увернуться. Дальше дорога серпантином тянулась вокруг горы, здесь всегда приходилось снижать скорость, но в этот раз он не стал медлить. Проскорежав бортом по бетонному ограждению, «Шкода» почти поравнялась с «Фордом». За мутным боковым стеклом Атила увидел профиль водителя — тот сидел неподвижно, лишь приросшие к рулю руки двигались. Егор резко затормозил и в упор расстрелял машину, после чего рванул за вырвавшимся вперед джипом.

Он почти нагнал врага у начала крутого подъема. Пытаясь преградить путь, джип вильнул влево, вправо, но Атила исхитрился вывернуться почти из-под самых его колес.

Они понеслись рядом. Двигатели ревели, за окном мелькали деревья и мохнатые склоны. В плоском небе

среди облаков скакал мячик солнца, слепя глаза оранжевыми световыми кольцами. Атила повернул голову.

Вот оно! Почему-то джип — единственная машина с тонированными стеклами, но тонировка не абсолютная. Сквозь боковое стекло с трудом можно различить прямой нос и выступающий подбородок того, кто сидел в джипе. Атиле казалось, что это — тот самый тип, кто был в настоящей машине, протаранившей их «Шкоду» возле узкоколейки.

Ракетница на крыше врага повернулась, но конструкция турели не позволяла стрелять по автомобилю, ехавшему рядом.

И все-таки джип выстрелил. Ракета взрыла асфальт прямо перед «Шкодой», автомобиль подбросило. Атила вцепился в руль, пытаясь разглядеть происходящее сквозь языки пламени и клубы дыма. Машина приземлилась на все четыре колеса. Впереди — крутой поворот и низкое ограждение.

Он вывернул руль до упора, автомобиль занесло, но Егор уже видел, что справится, — вот только его беспокоило, что он потерял из виду джип.

Покрышки завизжали на повороте. Дальше тянулся последний участок дороги, прямой, как стрела, ведущий к пологой вершине, где поджидала девица в серебристом бикини, с полосатым финишным флагом в руках... и в этот момент вынырнувший откуда-то сбоку джип врезался в правый борт.

Егор закричал. Вернулся кошмар, который он постоянно видел во сне: узкоколейка, подъезжающий электропоезд... Все повторялось, джип точно так же появился справа, лицо водителя точно так же мелькнуло за лобовым стеклом...

На самом крутом повороте трассы ярко-красный джип с тонированными стеклами протаранил зеленую «Шкоду». Она ударилась о низкое ограждение и перевернулась. Дальше начинался отвесный склон. И его, и землю внизу с дороги разглядеть было невозможно,

лишь вдалеке виднелась полоска рельсов, по которым медленно ехал электровоз. Когда машина, ревя двигателем, перелетела через ограждение и достигла границы, где начиналось скрытое от глаз пространство, все вдруг застыло. Облака, солнце в плоском небе, склоны, кусты и деревья — весь ландшафт игры замер.

Атила ощутил покалывание в затылке, затем откуда-то издалека донесся тревожный писк. По оболочке прокатилась волна дрожи. Мгновение он висел вверх тормашками, а затем сквозь потолок машины провалился вниз, в пространство, которое невозможно было увидеть с дороги.

Доносящийся сверху рев мотора стих, воцарилась тишина. Атила, лежащий лицом вниз с зажмуренными глазами, поднял голову.

Очень тихо, ветра нет, не холодно и не жарко. Земля поросла сплошным ковром мха. Неестественный мох, будто из пластилина, выкрашенного зелено-бурой краской. Атила прикоснулся к нему ладонью, ощутил, как поверхность мягко прогибается, и медленно встал.

Подножие отвесного голого склона. Станный такой склон, серенького цвета и очень ровный, будто это пластик, а не земля и камни. Догорающих обломков «Шкоды» нигде не видно... Он глянул вверх и отскочил.

«Шкода» висела там, у вершины, перевернутая, и в первое мгновение Атиле показалось, что сейчас машина рухнет на него и раздавит. Донесся приглушенный гул «Мерседесов», стал громче, когда автомобили миновали поворот, затем стих.

Наискось от склона под небольшим уклоном тянулась зеленая площадка со сплошной стеной кустов в конце. Егор преодолел ее и попытался продраться сквозь кусты. Надо же, действительно как стена, твердые. Но зато невысокие, по пояс. Он попятился, разбежался и перепрыгнул через них.

И тут, словно молнией, сознание пронзила мысль: он же ходит!

Ноги сразу подкосились, Атила упал и покатился по второму склону, начинавшемуся сразу за кустами. Перед глазами, стремительно сменяя друг друга, замелькали горы и небо, небо и горы... Что-то тихо загудело. Поверхность встала горизонтально, и он замер, лежа на спине.

Облака медленно плыли по небу, похожему на плоскую крышку, накрывавшую маленькую вселенную гоночного симулятора.

Почему он упал, как только понял, что ходит? Значит, прав врач, кости срослись нормально, нервы не пережаты, это только страшная картина, навсегда засевшая в дальнем уголке сознания, не позволяет мозгу отдавать команды, которые заставляли бы ноги двигаться. Но картина осталась там, в другом мире, а он здесь.

И здесь он может ходить!

Все еще лежа на спине, Атила согнул ноги в коленях, уперся в землю ладонями и рывком встал.

Покачнулся, но устоял, сцепив зубы и бормоча: «Я хожу, я могу ходить, могу!»

Ноги словно сами удивились тому, что теперь удерживают тело. Они подгибались, колени дрожали. Расставив руки, Атила для пробы сделал шаг, опять покачнулся и застыл в шаткой позе, привыкая к тому, что ошибка игрушки на время исправила ошибку его тела.

Мертвый геометрический мир. Широкие колонны солнечного света падают сквозь разрывы облаков. Свет качественный, красивый, но то, что он освещает...

Одно слово — аркада. Естественные природные линии — это изгибы, плавные или нет, случайные узоры, многообразие оттенков и форм. А здесь преобладали *плоскости*. Горизонтальные плоскости долин, наклонные плоскости холмов. Цвета тоже неестественные, *сплошные*, словно какой-то маляр раскрасил пейзаж

ровными мазками гигантской кисти. Сверху, когда в горячке гонки удавалось бросить мимолетный взгляд на ландшафт у подножия гор, все это выглядело куда лучше. Но оно не предназначено для детального изучения, игрок не должен попадать сюда, в окружающее трассы мертвое пространство.

И, самое смешное, он видел спидометр. Полупрозрачный круг висел слева, как маленькое привидение, стрелка стояла на нуле.

Гудение повторилось. Оно доносилось из-за холма, больше похожего на трехгранную пирамиду с острой вершиной. Атила двинулся туда. Стрелка спидометра дрогнула и лениво переместилась на 5,00 км/ч. Он пошел быстрее — она показала 8,00 км/ч, замедлил шаги — опять опустилась почти до нуля.

За холмом обнаружился приземистый коричневый параллелепипед с плоскими и тонкими, как бумага, стенками. Из темного прохода наружу тянулись рельсы. Прямые, длиной метров триста... хотя понятия «метры», «расстояние» здесь казались какими-то неопределенными. Рельсы тянулись между двух холмов, по мостику над узкой речушкой, и заканчивались... ничем. Просто обрывались, и все.

Снова гудение — и из ангара выкатил игрушечный электровоз.

Игрушечный не размерами (он был довольно массивным), а видом. Слово из куска пенопласта вырезали нечто, отдаленно напоминающее очертаниями электровоз, и затем раскрасили, причем все это делал ребенок.

— Халтурщики, — произнес Егор.

Стекла в овальных окнах не нарисовали, а вот машиниста для чего-то внутрь засунули, хотя сверху, с трассы, его невозможно разглядеть. Сквозь переднее окно Атила увидел застывшую, словно восковую, фигуру. Электровоз выкатил из сарая, прогудел и резво поехал по рельсам прочь. Колеса двигались бесшумно, ника-

кого постукивания на стыках. Хотя стыков-то и нет, сплошные темные полосы.

Атила проследил за ним взглядом, обернулся.

Он прошел всего ничего, а горы с трассой оказались очень далеко, превратились в нагромождение темных конусов, полускрытых розовой дымкой. Облака все так же плыли по небу, световые колонны то опускались, высвечивая на склонах извивающуюся ниточку трассы, то исчезали. Вдруг слева мелькнуло что-то серебристое. Атила изумленно обернулся. Секунду или две он видел поблескивающую фигуру, которая медленно двигалась между холмами, затем она исчезла.

— Эй! Стойте!

Здесь кто-то живет? Что за странные существа могут обитать в таком месте? Егор побежал, на ходу еще несколько раз окликнув незнакомца, а когда миновал распадок между холмами, увидел, что никого там нет. Показалось? Атила растерянно pokrutyлся на месте. Да, никого, все застыло, только световые столбы медленно перемещаются вместе с облаками, то высвечивая вершины холмов, то погружая их в тень.

Он медленно двинулся назад, перешагнул через рельсы. Опять гудение. Электровоз, миновав мостик, встал на несколько секунд и задом двинулся обратно. Проехав мимо Атилы, исчез в ангаре, чтобы спустя минуту показаться вновь.

Мостик вел через реку. Река? Атила подошел ближе. Между невысоких обрывистых берегов синела закаменевшая масса, маслянисто отблескивающая в лучах солнца. словно в канаву вылили цистерну краски, и она застыла.

Снова гудок — и электровоз с восковым машинистом проследовал мимо. От механичного ритма его движения, от безжизненной тишины, окутывающей аркадный мирок, становилось тоскливо. И скучно. Пора выбираться отсюда. Атила постоял, провожая взглядом электровоз, перевел взгляд на «воду». Ну и гадость! Ин-

тересно, как она вблизи, еще хуже смотрится? Егор спрыгнул.

Густо-синяя поверхность провалилась под ногами, и он погрузился до колен.

— Э! — заорал Егор. — Что такое?

И тут же в затылке словно маленькие червяки зашевелились. Ощущение было куда неприятнее, чем при предыдущих включениях мониторинга мозговой активности. Виски заломило, будто по ним ударили свинцовыми молоточками, тонкие иголки впились в позвоночник.

Погрузившись по пояс, Атила ладонями ударил по синей поверхности, но руки тоже ушли в нее, будто в масло.

— Стой! Оболочка, слышишь?!

Над ним по мостку проехал электровоз, а Егор опустился с головой.

Вокруг за клубилась густая синяя муть — он попал в скрытую зону, подбрюшье игры. Откуда-то сверху вдруг выплыл столбик цифр, далекий, еле слышный тревожный писк прозвучал и смолк. Вместо цифр мелькнуло слово **ОШИБКА**, сменившееся запросом **«ЭКСТРЕННОЕ ОТКЛЮЧЕНИЕ?»**

— Да! — заорал Атила, хотя так и не понял, обращен ли вопрос к нему или это внутренний диалог подкоманд оболочки, потому что следом замелькали слова **«ЗАПРЕТ: ПРИ ВЫБРОСЕ ВОЗМОЖНО НАРУШЕНИЕ МОТОРИКИ... ЗАПРЕТ: ВОЗМОЖНОСТЬ НАРУШЕНИЯ ЗРИТЕЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ... ЗАПРЕТ: ВОЗМОЖНОСТЬ ПОВРЕЖДЕНИЯ...»**

Егор провалился вниз, понесся с огромной скоростью сквозь темно-коричневые слои, краем глаз видя, что стрелка спидометра показывает 10 000,00 км/ч.

Это длилось недолго, а когда темно-коричневые слои закончились, Атила очутился в странном мес-

те, которое никак не могло существовать в аркадной гонке.

Да еще и какое-то существо попыталось ударить его топором.

2

С хриплым ревом противник махнул оружием. Егор присел, и топор рассек воздух над его головой.

До вершины крутой горы было недалеко, но подступы прикрывал отряд вооруженных гоблинов в панцирях и рогатых шлемах. С десяток людей пытались прорваться вверх. Волнистые сабли сталкивались с прямыми клинками, дубинки ударялись о щиты и доспехи, крушили шлемы и черепа. Лязг и звон, крики и стоны...

Атила попал прямоком в толпу дерущихся. Падение сквозь скрытую зону аркадной гонки не прошло бесследно. Ноги подогнулись, он присел — и только это спасло его. Топор, просвистев над головой, вонзился в плечо человека, оказавшегося позади. Вскрикнув, тот покатился со склона, а гoblin замахнулся опять.

В тот самый миг, когда Атила очутился среди толпы сражавшихся, в его руках возник меч, пальцы сами собой сжались на рукояти. Он ткнул оружием в живот гоблина — острое с неожиданной легкостью пробило панцирь, пронзило плоть. Клинок полыхнул чистым голубым светом, гoblin упал на колени. Прижав лапы к окровавленному животу, он широко раскрыл полный клыков рот и медленно повалился навзничь.

Егор выпрямился. На нем теперь была кольчужная чешуя, перепоясанная широким кожаным ремнем с ножнами, штаны с металлическими бляхами и сапоги. Широкое лезвие меча покрывал узор. Еще секунду после удара он ярко светился, затем потускнел.

Сверху, ревя и размахивая дубинкой, прыгнул второй гoblin. Атила махнул мечом так, будто в пинг-понге ракеткой отбивал шарик. Совсем не сильно — но клинок рассек гоблина напополам вместе с броней.

Верхняя часть тела покатилась со склона, кровь фонтаном ударила из поясницы. Толстые волосатые лапы подогнулись, и нижняя часть упала.

Крики и лязг со всех сторон. Отряд людей рвался к вершине — там явно происходило что-то важное.

— Герой, откуда ты взялся здесь?!

Егор обернулся. Вокруг был прекрасный пейзаж сказочной страны: леса, поля и луга, между ними деревеньки, шпили замков, башни крепостей, все это пестрое, озаренное ярким солнцем. У подножия холма зеленела роща, сразу за ней была деревня. Виднелись поблескивающие голубым каналам с мостками, между ними — крыши домиков.

Ниже по склону похожие друг на друга гоблины сражались с мужчинами в одинаковых доспехах. Среди них прыгала высокая белокурая девица, одетая в... Егор прищурился. Скорее можно было сказать, что она не одета, а *раздета* в бикини и высокие узкие сапоги. Все это черное и кожаное. И лицо очень смуглое. Темная эльфийка? Атила пригляделся. Нет, уши обычные. Амазонка, значит.

— Ты! — прокричала ему амазонка, размахивая длинным черным кнутом. — Растафар заканчивает ритуал, помешай ему!

Тут его сшибли с ног. Меч упал, Егор повалился спиной на землю, а сверху оказался гoblin. Разинутая пасть с желтыми клыками нацелилась в горло. Егор пихнул противника ладонями в грудь.

— Помешай растафару!

Гoblin перекувыркнулся в воздухе и с воем покати́лся по склону. Покачивая головой, Егор встал на колени, пошарил руками вокруг, пытаясь нащупать рукоять меча.

— Вверх, пробейся к вершине!

Он наконец сумел найти меч и вскочил. Что-то огромное и черное скрыло небо, сильные лапы схватили его за шиворот и приподняли. Два перепончатых кры-

ла взмахнули слева и справа. Задрав голову, Атила увидел существо, напоминающее огромную летучую мышь. Крокодилья пасть клацнула, летун изогнул длинную шею, сверху вниз глядя на висящего в его лапах Егора. Крылья взмахнули опять, существо поднялось выше, к вершине. Недолго думая, Атила пырнул его мечом в брюхо.

Он уже понял, что воплотился с приличными боевыми возможностями, но все равно сила удара ошарашила его. Летун будто взорвался, брюхо лопнуло, брызнув во все стороны чем-то очень гадким. Крылья судорожно дернулись. Атила еще успел увидеть, как снизу амазонка бешено размахивает кнутом, а затем летун рухнул на вершину холма.

Формой она напоминала блюдце, по краям стояли четыре невысокие колонны, в центре — каменный алтарь. Здесь все было мрачным, зыбкая завеса полутьмы отделяла это место от пестрого мира и жарких солнечных лучей. С хлюпаньем и бульканьем крылатый монстр ударился о землю. Атилу швырнуло вперед, завеса всколыхнулась, пропуская его внутрь Капища. Окружающее сразу помутнело, сделалось тусклым, унылым.

Упершись мечом в землю, Егор поднялся.

За алтарем высилась тощая фигура в серебристом плаще. Плащ состоял из вещества вроде ртути... пригладевшись, Атила понял, что вся фигура ртутная, и плащ не одежда, а словно продолжение тела. Человек поднял руки. На алтаре перед ним стояла тусклая пирамидка. Она складывалась из медленно вращающихся сегментов, кубов и ромбов. Сегменты крутились, и, по мере того как скорость вращения увеличивалась, вокруг пирамидки на алтаре медленно возникали четыре предмета. Горящая свеча, ледяной кристалл, каменный кубик и флейта...

Судя по всему, колдун в плаще был тем самым растафаром, и он заканчивал сейчас ритуал. Атила шагнул к

нему, неуверенно поднимая меч. Раздался громкий хлопок, из колонн по углам Капища вышли четыре скелета в доспехах, с круглыми щитами и пиками.

Двигались они очень быстро — ближайший скелет тут же оказался рядом и нанес удар. Егор подался назад, выгибаясь. Неожиданно для самого себя он сделал «мостик» — но не упершись руками или головой в землю, а просто выгнувшись и на пару мгновений застыв под неестественным углом. Острые пики мелькнуло над его животом и вернулось обратно, что-то шевельнулось в голове, где-то очень-очень далеко раздался слабый писк...

Ноги Атилы оторвались от земли, подбрасывая тело, ступни с такой силой въехали в «подбородок» скелета, что череп того слетел с позвоночника и раскололся о камни.

Сделав сальто, он вновь приземлился на обе ноги и растерянно заморгал, дивясь возможностям, которые появились в теле. Три скелета были совсем рядом. Атакующие уже почти добрались до Капища, последние гоблины сдерживали их возле колонн. В толпе дерущихся возвышалась амазонка. Атила повернулся, описывая мечом круг, и кости еще пары скелетов застучали по камням. Позади растафар стоял с воздетыми над головой руками. Пирамида вращалась, артефакты вокруг нее наливались свечением, причем каждый своим. Ледяной кристалл горел голубым, каменный кубик — светло-коричневым, флейта исходила теплым белым светом, а свеча — красным.

Растафар громко загудел и опустил руки. Последний скелет ударил пикой. Кольчужная чешуя Егора заскрипела, когда звенья ее смялись, но в этот миг амазонка достала скелета кнутом — его конец обернулся вокруг черепа.

И тут все остановилось. Звуки стали приглушенными, тягучими. Замер последний оставшийся в живых

гоблин, двоё людей, падающий скелет, тянувшая его кнутом амазонка...

Сегменты пирамидки вращались, жужжа и потрескивая, края ее размылись, так что она стала похожа на конус. В тишине от пирамидки к каменному кубику ударил тонкий алый зигзаг. Кубик окутался вспышкой, и сразу под ногами вздрогнула земля. От кубика зигзаг потянулся к свече — и, как только коснулся ее, солнце в небе, ярко вспыхнув, померкло. Зигзаг устремился к ледяному кристаллу. Каменный кубик уже растекся кипящей лужицей, свеча оплыла, стала комком воска. Как только зигзаг коснулся кристалла, тот запузырился и начал таять... вода в каналах у подножия холма взбурлила, пенясь. Егор не знал, что происходит, но понял, что, как только зигзаг энергии коснется четвертого артефакта, ритуал завершится.

Он вдруг словно выпал из окружающего мира. То есть он мог перемещаться как обычно, в то время как все остальное замедлилось. Егор сделал шаг.

Теперь все двигалось очень неспешно: алый зигзаг тянулся к флейте, кости упавшего скелета рассыпались по камням, амазонка бежала, будто в замедленной съемке... В глухой давящей тишине Атила пошел к алтарю сквозь остановившийся мир. Змейка тянулась к флейте. Растафар, единственный, кто двигался с такой же скоростью, что и Егор, бросился вокруг алтаря.

Егор ударил мечом — но не в растафара.

Лезвие плашмя пронеслось над алтарем, сбило с него пирамидку и флейту в тот момент, когда зигзаг коснулся последнего артефакта.

Мир сорвался с цепи. Растафар потянулся к падающей пирамиде, Атила ткнул его мечом, и как только кончик лезвия коснулся ртути, по ней разбежались круги. Растафар разлетелся крупными брызгами. Алтарь, налившись тяжелым синим сиянием, взорвался.

Осколки камня шрапнелью разлетелись вокруг. Атила повалился на камни, позади него затрещали,

разваливаясь, колонны. Яркая вспышка, грохот, вой ветра...

Над разрушенным Капищем вспучился пузырь энергии, налился сиянием и лопнул. Магическая волна покатила во все стороны. Бурлящим потоком она стекла по склонам холма и разошлась дальше, по всему ландшафту, погребая под собой горы и долины, замки, крепости, деревеньки, реки и леса. На мгновение воцарилась непроглядная тьма, а затем вновь возник свет, но не такой, как раньше. Подул ровный холодный ветер — и все стихло.

Егор Атилов поднялся с камней. На вершине не осталось ничего, кроме амазонки. Стоя на коленях, она глядела на Егора.

— Он почти сумел, — произнесла она. — Растафар застопорил игру.

Егор огляделся. Мир стал другим — он словно умер.

Небо посерело, ландшафт из яркого и пестрого превратился в темный, унылый. Солнце исчезло. Все то, что раньше выглядело весело, живо, теперь приобрело нездоровый, мрачный оттенок.

— Что случилось? — произнес Егор.

— Ты помешал закончить ритуал как надо. Ненадолго отложил конец света.

— Какой ритуал?

— Просто я не знаю, как еще назвать то, что они делают. — Говоря это, амазонка опасливо крутила головой, словно выискивая кого-то. — Растафары начали стопорить игры. Первой были «Супергонки». Слышал, что с ними произошло ночью?

— Нет.

— Наверное, он полетел за подмогой.

— Полетел? Он же исчез. Умер.

— Вряд ли. По-моему, убить их невозможно. Но когда игра начинает схлопываться, растафары уже не могут просто так покинуть ее. Возьми это.

— Что взять?

Проследив за ее взглядом, Атила увидел лежащую на камнях пирамиду.

— Почему ты сама не возьмешь?

— Шутишь? Кто испугал растафара, я или ты?

— Ну... ладно. — Егор шагнул к пирамидке и неуверенно склонился над ней. — Как думаешь, что это такое?

Вблизи эта штука выглядела еще необычнее. Казалось, она и вправду состоит из ртути. Почти ожидая, что пальцы погрузятся в нее, Атила коснулся пирамиды. Холодное. Гладкое. Поверхность слегка подалась под рукой, но не прорвалась. Егор поднял пирамиду — и тут мир дрогнул. Возникло очень странное ощущение, будто пространство прокрутилось на малую долю градуса вокруг одной точки... то есть вокруг пирамиды в руках Егора.

— Уф... — громко выдохнула амазонка. — Что это было? Что ты чувствуешь?

— Она... она холодная, — Атила пожал плечами. — И чуть-чуть дрожит.

— Ладно, пошли отсюда. Растафар так просто это не оставит.

Схватив Егора за руку, она стала пятиться, пристально глядя в небо.

— А твои люди?

— Какие люди? Это только боты*, мой отряд. Ты слышал про растафаров?

— Это же сказки, — возразил Атила. — Сетевой фольклор. Типа, в одной онлайн-игре** появился игрок в серебристом плаще, способный нарушать физику игры... А потом в «Супергонках» на трибунах среди зрителей видели похожие фигуры. Причем все зри-

* «Боты» — так называют управляемых программой персонажей-помощников в компьютерных играх.

** «Онлайн-игры» — то есть сетевые компьютерные игры, в которые играют через Интернет.

тели там плоские, а эти были объемными, но дизайнеры гонок уверяли, что ничего такого не рисовали...

— Под утро «Супергонки» схлопнулись вместе со всеми, кто находится в них! — перебила амазонка. — Я точно знаю, растафары не выдумка.

— Постой! — Атила только сейчас осознал, что она говорит совсем не так, как положено говорить персонажу фэнтезийной игры. — Ты же... *живая*? Настоящая? Как тебя зовут?

— Лу. А тебя, герой?

— Атила. Я...

— Атила?

Это было произнесено таким голосом, что Егор пристально взглянул на амазонку, которая в свою очередь уставилась на него. У Лу были прямые скулы, прямой нос, высокий лоб. И светлые выщипанные волосы. И еще она была почти на голову выше Егора.

— Слушай, мы что, знакомы? — спросил он. — Ладно, неважно. Кто такие на самом деле растафары и что это означает — «стопорят»?

Они уже спустились до середины склона. Атиле казалось, что из деревни внизу доносятся приглушенные всхлипывания. Он глянул туда — вроде бы никого, никакого движения между темными домиками. Деревня словно вымерла. Роща между нею и холмом тоже выглядела мертвой.

— Это началось рано утром, когда они обрушили «Супергонки», — продолжала Лу. — В одиннадцать схлопнулась «Ультима Онлайн», потом «Анархия», а совсем недавно — «Сфера». Ты что, никогда не играл в сетевые игры?

— Как-то попробовал, давно очень. Не понравилось, так что я все больше...

— Никто не знает, как растафары делают это. У них какие-то пирамиды, видел? Когда пирамида начинает работать, вокруг появляются четыре артефакта. Я ду-

маю, это стихии, из которых состоит игра, — огонь, вода, земля и воздух.

— Чепуха какая! — отрезал Атила и вырвал запястье из пальцев Лу.

— Нет, ты послушай. Я думаю, на самом деле это просто символы программ, отвечающих за элементы игры. Просто в виртуальном мире они так видны нам. Растафары... они то ли люди в супернавороченных игровых костюмах, то ли какие-то...

— Да подожди ты! — Атила остановился. — Что ты несешь? Меня выбросило в Интернет, да? Я был внутри гоночной аркады и... — он затряс головой. — Ну ладно, даже если и выбросило на игровой сервер, все равно! Я сейчас просто скамандую... — Он мысленно приказал оболочке отключиться. Ничего не произошло. Егор поднял руку, неуверенно потрогал свой лоб там, где на шлеме была клавиша включения-выключения... лоб как лоб, никаких клавиш. Иллюзия казалась полной: он чувствовал холодный пронизывающий ветер, видел мрачное небо и темный ландшафт умирающей игры...

— Убедился? — Лу вновь схватила его за руку и поволокла дальше. — Когда растафары появляются в игре, те, кто находится там, уже не могут выйти. То есть обычные игроки, которые подключаются через компы, конечно, могут, но те, что в костюмах...

— А ты откуда все это знаешь?

— Я обладаю... некоторыми возможностями. С утра я вошла в «Спаситель миров» и не смогла выйти. У меня тут... — свободной рукой она хлопнула себя по темени, — в общем, своя связь, небольшая программка. Ну, не совсем... в общем, не важно. Так я и узнала, что игры рушатся, а игроки в костюмах не могут выйти. В «Спасителе миров» у меня был свой отряд ботов, и я вела их, не зная, куда иду, как вдруг увидела, что на холме появился растафар и достал свою пирамиду. Я бро-

силась к нему, но тут появились гоблины. Наверно, растафар как-то создал их...

Они достигли основания холма. Высокая трава ходила волнами под порывами холодного ветра.

— В общем, тут и появился ты. Очень легко ты с ним справился. И растафар... самое удивительное, что он тебя испугался. Почему? Ты говорил, что не играл в сетевые игры. Откуда такая сила?

— Наверное, дело не в силе. У меня новая оболочка, «Экстра». Она еще не поступила в продажу, просто дядя знаком кое с кем из «Руссовирта», вот он и договорился, чтобы мне ее продали. У «Экстры» возможности, которых не было в старых костюмах. Говоришь, игроки не могут выйти из сети? Как такое может быть? Они что, умирают вместе с игрой?

— Умирают их тела в костюмах. Что происходит с сознанием, непонятно. Или оно тоже погибает, или остается в сети...

— Бред! — рявкнул Атила. — Ну хорошо, так что нам теперь делать?

Земля под ногами дрогнула. И снова весь мир игры словно сдвинулся с места, чуть провернулся вокруг пирамиды.

— Вот, она начинает разрушаться... — Лу резко обернулась и глянула вверх. Из серого неба к ним приближались три крылатые ртутные фигуры. — Он понял, что не справится с тобой в одиночку, и позвал других растафаров!

— Может, на них такие же костюмы, как на мне? — Это Атила произнес, уже когда они вошли в рошу.

— Нет. Я все же уверена, что растафары вообще не люди. Это... какие-то сетевые духи? Создания, зародившиеся здесь...

— Да с чего ты взяла?

Перепрыгивая через торчащие из земли корни, Атила поморщился. Он не верил в подобное, в электрон-

ных демонов и компьютерных духов. Нет, всему происходящему есть какое-то разумное, научное объяснение.

— Как можно при помощи какого-то ритуала уничтожить игру?

— Я же говорю, артефакты символизируют программы, на которых строятся игры. То есть этот ритуал в действительности означает работу вируса, ломающего игру.

Егор покосился на пирамиду в своих руках. И это на самом деле — вирус?

Стало еще темнее, теперь он едва различал толстые стволы, переплетающиеся над головой ветви и вылезшие из земли корни. Мир опять дрогнул, с веток посыпались листья.

— Если ты играла в «Спасителя» раньше, должна знать, куда нам... — начал он и замолчал, когда сквозь ветви с треском упал серебристый шар. Он взорвался, на мгновение затопив лесную полутьму мертвенным ртутным светом.

— Сильверболл! — Лу отпрыгнула, упала, споткнувшись о корень, вскочила и побежала дальше.

Следуя за ней, Атила оглянулся. Кроны деревьев образовывали сплошной полог в нескольких метрах над землей. Теперь там появился наклонный круглый колодец со стенками, состоящими из обугленных концов ветвей, — след пролетевшего сильверболла. В колодце на фоне темного неба мелькнули крылатые фигуры.

— Свернем, чтобы они не знали, куда мы выйдем, — произнесла Лу. — Дальше деревня гномов.

— Если растафары такие могучие, почему не могут выследить нас? Почему не налетят целой стаей...

— Когда игра схлопывается, их передвижения ограничены. Они теперь не могут запросто проникать сюда.

Они побежали влево. Деревья неожиданно расступились. Внизу мелькнуло поле, крыши одинаковых домиков, светящиеся круглые окошки, мосток через узкий канал. Все это небольшое и аккуратное, будто иг-

рушечное. Здесь был крутой склон, и беглецы кубарем покатались с него.

Оказавшись внизу, Егор вскочил на ноги. Никаких последствий падения — будто он Брюс Ли, Жан-Клод Ван Дамм и Джеки Чан в одном лице. «Экстра» работала выше всяких похвал. Лу еще лежала, тихо ругаясь, Атила ухватил ее за плечо и помог встать.

— Пойдем... — она качнула головой, приходя в себя.

Они пересекли мосток и через несколько шагов очутились посреди деревни.

— Эй! — позвала Лу.

Тишина. И никого вокруг. Растафары в небе тоже куда-то подевались.

— Здесь что, никого не осталось? — спросил Атила.

Какая-то фигурка отделилась от стены и медленно приблизилась к ним. Егор и Лу стояли посреди улицы, оглядываясь. Появилась еще одна фигура, за ней третья, и вскоре со всех сторон к беглецам шли невысокие, по пояс Атиле, существа.

— Ух... — сказал Егор, разглядывая их. — Лу, это... это что за гномы такие? Почему они так выглядят?

Амазонка не ответила.

Они напоминали анимэшных девочек из японских мультфильмов. У всех были короткие широкие юбки, торчащие в разные стороны косички, розовые пухлые щечки, гольфы, туфельки с пряжками.

— Гм... — Атила переступил с ноги на ногу. — Э... какие интересные гномы...

Самым примечательным у хозяек деревни были, естественно, огромные, в пол-лица, овальные глаза с длиннющими ресницами. В руке каждая держала нож с широким лезвием.

— Вас послали серебряные демоны? — спросил тонкий голосок.

— Те, кто не пускает нас обратно?

— Наверное, они сами демоны! — пропищал другой голос.

— Мы не демоны... — начал Егор, поворачиваясь к Лу. — Скажи им... — он замолчал.

Амазонка стояла по стойке «смирно», закрыв глаза. Лицо ее словно одеревенело.

— Эй, что случилось?

Лу молчала, и Егор сначала слабо, а потом сильнее толкнул ее в плечо. Она качнулась, будто дерево под порывом ветра, и опять вытянулась вертикально.

— Да что с тобой?

Гномы-анимэшки подошли еще ближе. Лезвия ножей тускло поблескивали.

— А если нас потом накажут? Они не похожи на то чудовище. Вдруг они не демоны, а обычные...

Среди анимэшек выделялась одна, ростом чуть выше остальных, с ярко-синими глазами. Она остановилась возле Егора и неуверенно помахала ножом. Атила, продолжая таращиться на впавшую в ступор амазонку, не особо задумываясь над тем, что делает, толкнул ее ладонью в лоб. Ему-то показалось, что он сделал это совсем легко, но анимэшка вдруг, ойкнув, выпустила нож. Она уселась на траву и заревела:

— Бо-ольно! Я хочу домой! Здесь страшно-о!

Остальные анимэшки остановились. Егор, решив наконец все выяснить, топнул ногой и рявкнул:

— А ну бросить оружие!

Они швырнули ножи на землю. Сначала слева, потом справа донеслось всхлипывание.

— Вы не демон? — спросил чей-то голос. — Выведите нас отсюда!

— Так... — Егор выбрал одну, с большим белым бантом, и ткнул в нее пальцем. — Иди сюда.

Когда анимэшка неуверенно подошла, Атила наклонился к ней и, глядя в глаза размером с блюдца, отрывисто спросил:

— Как звать?

— А... Анюта, — проскулила она.

— Вы все — кто такие? Вы боты?

— Кто? Мы из интерната. Интернат номер пять, по выходным мы...

— Сироты, что ли? — догадался Егор. — Так, понял. Какой класс?

— Не-е, не сироты. Третий «бэ». Мальчишки с воен-
руком в «Солдат родины» отправились, а у нас домо-
водство. Здесь в домиках кухни, мы каждый урок сюда...

Вокруг уже стоял хоровой рев.

— Хочешь сказать, в «Спасителе миров» все домики
оборудованы для этого? «Спаситель» ведь ролевая фэн-
тезийная игра, при чем тут...

— Не во всех, только в этой. Мы...

— Совмещение обучения с игрой, — догадался на-
конец Егор. — Хозяева «Спасителя» так зарабатывают до-
полнительные деньги, договорились, наверно, с Ми-
нистерством образования... — Он покосился на Лу.
Амазонка все еще пребывала в непонятном ступоре. —
Что с ней случилось, не знаешь?

Усиленно протирая глаза кулаками, Анюта помотала
головой.

— Что-то не верится, очень уж богатый интернат,
чтобы целый класс обеспечить костюмами.

— У меня папа диплома-ат... — проныла она.

Заведение для детишек из богатых семей? Егор кив-
нул. Ну да, если так, то почему бы не проводить вирту-
альные уроки...

— Значит, вы отправились сюда, а теперь не можете
выйти? — спросил он.

— Да-а... С нами была учительница, но ее позвали,
она сказала, на минуточку, вышла из игры и не верну-
лась. Нам стало скучно, мы тоже захотели выйти, но
ничего не получилось. А потом стало темно. А потом из
подземелья появилось чудовище.

— Подземелье? — удивился Егор. — Тут и подзе-
мелье есть? Где?

— Вон там... — Анюта махнула рукой куда-то влево.

Атила оглянулся, потом посмотрел вверх. Растафаров еще не видно, наверное, рыщут над округой, выискивая, в какую сторону в роще свернули беглецы.

— И куда делось это чудовище? — спросил он.

— Там лежит.

— Лежит? А почему оно лежит... ладно, пошли, покажете.

Плачущий третий «бэ» класс окружил его.

— Всем тихо! — крикнул Егор. — Сейчас что-то придумаем.

Он с сомнением покосился на застывшую Лу. Непонятно, что с ней произошло, но оставлять ее здесь, посреди улицы, нельзя: если налетят растафары, она и убежать не сможет. Анюта уже ухватила его за руку и тянула к проходу между домиками.

— Подожди. — Егор обошел Лу, больше всего сейчас напоминающую деревянный столб, и наконец решился. Зажав пирамиду под мышкой, он обхватил амазонку за талию, крякнул и взвалил на плечо.

Не очень-то и тяжело, решил он, шествуя следом за Анютой к домикам. Даже попав в горизонтальное положение, Лу не согнулась — он словно полено нес. Глоотающая слезы девичья половина третьего «бэ» нестройным рядом потянулась за ним.

Когда они очутились в проходе между домами, мир опять дрогнул. Сзади раздались взволнованные охи. Теперь ощущение того, что огромная локация игры проворачивается вокруг пирамиды в руках Егора и постепенно стягивается к ней, стало сильнее. На ходу Егор оглянулся. Тусклые отблески мелькнули на фоне темно-багровой плоскости, которой стало небо.

— Быстрее! — он побежал. — Кажется, она скоро схлопнется...

За домами была скала, нелепо выглядевшая здесь, посреди поля. В скале — отверстие с каменной винто-

вой лестницей в глубине. Рядом лежал здоровенный орк.

— Как же это вы его? — изумился Егор.

— Ножиками потыкали, — хлюпнула Анюта. — У нас в домиках столовые ножи, посуда всякая...

— А... — Егор склонился над орком, напоминающим решето. — Потыкали, говоришь?

Раздался гул, и сильверболл упал по другую сторону скалы.

— Внутрь! — приказал Атила.

— А вы? — пискнула Анюта.

— Я за вами.

Три ртутные фигуры в небе напоминали истребителей-перехватчиков. Они спикировали, переходя на бреющий полет. Анимэшки заторопились, скрываясь в проходе.

— Давайте, давайте! — подбадривал их Егор, снимая Лу с плеча. Когда он поставил амазонку на землю, она, качнувшись, завалилась набок. Егор быстро положил пирамиду, схватил Лу и переставил, уперев плечом в скалу.

Два сильверболла взорвались рядом. Темное пространство затопил мертвенный свет. Визжащие анимэшки, толкаясь и падая, протискивались внутрь. Егор потянул из ножен меч. Третий сильверболл попал точно в скалу.

Она налилась ртутным свечением. Атила взмахнул мечом, и тут растафары закружились над ним. Несмотря на «Экстру», он не мог попасть — несколько секунд ртутные фигуры уворачивались от клинка. Словно хищные птицы они стремительно носились вокруг размахивающего мечом Атилы. Вот только полет их не сопровождался шелестом крыльев: растафары двигались беззвучно.

Скала теряла форму, оплывая. Вход сужался.

Меч полоснул одного из противников по груди, узор на лезвии вспыхнул. Раздался вой, но не такой, какой

издает живое существо. Он был механическим, напоминал пронзительный гудок электровоза. Растафара отбросило высоко в воздух. Приглушенный хлопок — и фигура в небе исчезла. Егор перехватил рукоять обеими руками, его ударили в спину, он сделал шаг вперед, чтоб не упасть. И увидел краем глаза, что другой растафар ныряет к земле. Тут только Егор сообразил, что пирамида все еще лежит там.

Атила рванулся к ней и с размаху рубанул мечом. Линии узора на клинке вновь ярко вспыхнули. Ртутная рука со скрюченными пальцами, уже схватившими пирамиду, отлетела, кувыряясь, далеко в сторону. Вновь механический вой завибрировал в ушах. Растафар вспучился, потерял форму, превращаясь в матовый шар, и лопнул, забрызгав все вокруг пузырящимися ртутными сгустками.

Так просто? Егор повернулся к последнему противнику. Тут же прямо перед ним в воздухе почти одновременно возникли два растафара.

Нет, совсем не так просто. Их что, вообще невозможно убить? Чуть не вскрикнув от неожиданности, Егор бешено замахал мечом, пытаясь, чтобы оказаться поближе к пирамиде. Раз! Два! Три! — лезвие раскромсало растафаров на ртутные клочки. Покачиваясь, они стали опускаться к земле, будто листья.

Анимэшки уже исчезли, только Лу стояла возле потерявшей форму скалы. Прохода больше не было.

— Кто вы такие? — произнес Егор, обеими руками сжимая меч перед собой.

Третий растафар висел горизонтально над землей в нескольких метрах впереди.

— Что вам надо?

Раздался тихий свист. Плащ противника затрепетал, будто в потоке сильного ветра, которого на самом деле не было. Егор попятился.

Полы плаща бились, ходили волнами. Свист звучал все громче. Растафар словно накапливал энергию.

Атила сделал еще шаг, и пирамида оказалась у его ног. Не отрывая взгляда от растафара, он начал приседать. Сжимая меч одной рукой, опустил к земле вторую.

Свист превратился в шипение. Вокруг противника воздух заклокотал, завыл, будто в самолетной турбине. Пальцы коснулись пирамиды — и тут растафар сорвался с места и врезался в Егора.

Его словно ударили кувалдой в грудь. Егор повалился на спину, выпустив меч и схватив растафара за голову. Толчок швырнул их назад, они пронеслись над пирамидой.

Мир опять дрогнул. Гораздо сильнее, чем до того: пространство искривилось, завернулось воронкой вокруг вершины пирамиды. Все вокруг смазалось, вытягиваясь длинными полосами. Из-под скалы по земле протянулась быстро расширяющаяся трещина.

Прямо перед собой Атила видел лицо растафара — словно тусклая маска со сглаженными чертами. Живыми были только узкие черные глаза. Ощущение под пальцами напоминало то, что возникло, когда Атила взялся за пирамиду. Вещество, из которого состоял растафар, было холодным и гладким. И еще оно чуть дрожало и еле слышно гудело, будто внутри ртутного тела шла какая-то непрерывная работа.

Мгновение они летели над самой землей, вернее, над пересекающей ее трещиной, а затем врезались в остатки скалы.

Полыхнуло жаром, раскаленное вещество облепило Егора. Вокруг пузырилось и пенилось что-то серебристое, горячее. Потом оно сжалось, и скала провалилась внутрь самой себя. Егора закрутило волчком, он успел схватиться за что-то и полетел вниз.

Секунду вокруг была горячая серебряная пена, затем она исчезла. Егор повис на одной руке, от его плеч и груди кверху протянулись белесые нити, остатки скалы. Они быстро утончались и лопались, распадаясь

брызгами. Егор поднял голову, глядя на широкую трещину, в которой виднелось небо. Пальцы сжимали полу ртутного плаща. Растафар висел, вцепившись в края трещины. Последняя нить с хлюпаньем порвалась, растафар дернулся, пытаясь вывернуться, но Атила держал крепко, и противник полетел вниз.

Они попали в огромную пещеру, озаренную всполохами огня. Озеро лавы плескалось между каменными уступами. Воздух над озером дрожал, в жарком мареве медленно ворочались громоздкие фигуры. Атила упал на спину и выпустил плащ растафара. Слева, возле широкого проема в стене, толпились анимэшки, рядом стояла Лу. В проеме виднелись каменные ступени лестницы, ведущей раньше к скале на поверхности.

Вскочив, Егор увидел лежащую в стороне пирамиду. Растафар уже мчался к ней длинными, как у кенгуру, прыжками. Егор бросился следом. Лу что-то закричала ему сквозь плеск пузырящейся лавы. Растафар, подхватив пирамиду, взвился в воздух. Оттолкнувшись ногами от стены, он прыгнул, пронесся над озером лавы и исчез в багровых тенях на другом конце пещеры.

Озеро всколыхнулось, когда огромная фигура поднялась над ним и попыталась мощными лапами ухватить растафара. Существо взревело от ярости, и только теперь Атила понял, кто копошится в озере, — демоны. Они поднимали из лавы раскаленные глыбы и швыряли их в отряд, столпившийся на узкой каменной полке под стеной. Там было несколько варваров, гномы и эльфы. В лавовых демонов летели стрелы, копья, метательные топоры. Партия игроков, так и не осознавших, что происходит с игрой?

Упустив растафара, король демонов взревел от ярости.

Егор шагнул к амазонке. Столпившиеся вокруг анимэшки глядели на него огромными глазами.

— Смотри, тут кто-то еще остался! — выкрикнул он сквозь гул лавы.

Лу стояла вполоборота к нему, подняв руки.

— Это не игроки, а боты, — прокричала она в ответ.

— Что с тобой произошло?

Она двигала руками перед собой, пальцы шевелились, словно прикасаясь к чему-то.

— Я же говорила, у меня есть специальная программа для связи. Но когда я в ней, то не могу двигаться. Я связалась с нашими.

— Кто это — «наши»?

— Неважно! Кое-что выяснилось. Пирамида действительно программа. Мы назвали ее «аргумент». Она запускает резонансную пульсацию текстур. Несколько импульсов — и игра рушится. Мне на винчестер сбросили программу для аварийного выхода... — Пока она говорила, руки безостановочно двигались, и перед Лу медленно возникал расплывчатый плоский овал. — Догони растафара!

— Зачем? — удивился Атила. — Если ты можешь открыть проход, мы просто уйдем...

Демоны наконец заметили их — несколько могучих фигур начали поворачиваться. Раскаленный, покрытый потеками лавы камень ударил в стену чуть в стороне. Анимэшки завизжали.

— Растафары появляются из какого-то одного места. Пока я была здесь, наши смогли вычислить... — Еще один камень с грохотом ударил в стену. Егор глянул на озеро — демоны во главе с королем медленно брели к ним сквозь лаву.

— Растафаров невозможно убить, потому что есть программа, которая заново генерирует их. Там... — Ее руки двигались все быстрее, и наконец Атила понял, на что это похоже. Лу словно ударяла по клавишам невидимой клавиатуры, расположенной горизонтально перед ней.

Овал разросся, наливаясь белым светом. Атила шагнул назад, оглядываясь. Все пещера ревела и бушевала, лава пенилась, свет облизывал каменный потолок. В

трещине наверху уже не было видно неба — лишь непроглядная тьма. От отряда ботов никого не осталось. Демоны приближались сквозь огонь.

Овал загустел, сияющий белый свет плескался в нем.

— Идите, — приказала Лу анимэшкам. — Атила, останови растафара и заberi «аргумент»! Через него можно вычислить главную программу!

— Но как я найду растафара?

— Ориентируйся по импульсам.

Анюта, жалобно посмотрев на Егора, шагнула в портал. Белый свет вскипел вокруг нее, еще мгновение анимэшка была видна, затем исчезла. Остальные потянулись следом.

Егор прыгнул на узкую полку, тянувшуюся вокруг озера. Король лавовых демонов с ревом швырнул в толпу анимэшек раскаленную глыбу размером со скалу. И в этот момент пещеру вспучил новый резонансный импульс.

Стены, потолок с трещиной, озеро — все превратилось в широкие красно-коричневые полосы. Они изогнулись вокруг одной точки, находящейся сейчас где-то в глубине пещеры. Лава пошла волнами, брошенная демоном глыба взмыла, описав мертвую петлю, и вылетела через трещину. Егор повалился на камни лицом вперед. Слыша визг падающих у прохода анимэшек, он вскочил и метнулся в направлении того места, вокруг которого импульс закрутил игру.

Лава плескалась у самых ног, упавшие демоны медленно вставали. Перепрыгнув через останки уничтоженных ими ботов, Атила увидел, что дальше полка изгибается. Пещера там сужалась, превращаясь в коридор с высоким потолком.

Стало темнее, багровый свет лился теперь сзади, тень Егора вытянулась перед ним. Еще минуту эхо доносило приглушенный рев, затем все стихло. Коридор вел вниз, в глубины локации. Стены его были не ка-

менными, это скорее напоминало покрытую обугленными потеками почерневшую пластмассу. Интересно, коридор создан дизайнерами уровней или сделан растафарами? Что, если через такие коридоры они и проникают в игры...

Пульсация. Коридор изогнулся, свился спиралью, затем распрямился. Не удержавшийся на ногах Атила покатился вниз. Он будто попал внутрь танцующей змеи — стены извивались, пол поменялся местом с потолком. Когда сотрясение прекратилось, Егор вскочил.

Впереди возникло тусклое свечение, пол начал дрожать. Вибрация шла спереди, оттуда, где горел свет.

Дрожь усилилась. В коридор проник звук, будто сверло вгрызалось в камень. Атила пошел дальше, теперь уже медленнее. Свет становился ярче. Еще несколько шагов — и коридор закончился укромной пещерой, скрытой в недрах игры.

Дрожь шла из дальнего конца пещеры. В первый момент Атила не понял, что там происходит. Он увидел спину растафара, у ног которого что-то вращалось, с шипением и скрежетом буравя черное вещество. Конус ввинчивался, разбрызгивая во все стороны ошметки текстур.

Вновь импульс — и пространство словно завязалось узлом. Присев, Атила сумел удержаться на ногах и наконец понял, что происходит. «Аргумент» вращался, прорубая незримые границы игры. Возможно, на деле это означало работу агрессивной программы, расшатывающей движок, — растафар пытался покинуть игру до того, как она рухнет. Егор прыгнул.

Он увидел, как зашевелились, приподнимаясь, полы плаща, словно он почувствовал, что кто-то приближается сзади. Растафар, только что стоявший спиной к Егору, вдруг очутился лицом к нему и вытянул руки.

Они повалились на камни рядом с пирамидой, разбрасывающей во все стороны острые осколки. Противник развернулся, подминая под себя Атилу, скрючен-

ными пальцами сжимая его плечи. Пальцы удлинлись, стали тонкими, концы их погрузились в кольчугу, в плечи Егора, все глубже и глубже.

Мертвое ртутное лицо оказалось перед лицом Атилы, черные глаза — перед его глазами. В них были две одинаковые выпуклые картинки, словно стереоизображения одного и того же места. Упираясь в грудь растафара, пытаясь оттолкнуть его, Атила взгляделся в его зрачки: чудовищный, невероятный ландшафт, посреди которого возвышается черная пирамида...

Пальцы противника пронзили тело насквозь. Острые осколки от работающего «аргумента» летели слева, впивались в щеку и скулу Егора, оставляли на маске лице растафара белые царапины.

Под черными глазами открылась щель рта, и тонкий, раздвоенный язык вынырнул наружу. Концы его, плоские, как скальпели, были зазубренными. Язык изогнулся, целясь в глаза Егора. Вжимаясь в стену, Атила нажал руками и ногами, отодвигая растафара от себя, чувствуя, как пальцы того разрывают плечи. Голова растафара подалась назад, язык втянулся, чтобы выстрелить в лицо Егора, и тут позади возникла Лу.

Она широко размахнулась и метнула меч, как копье. Ярко сверкнул узор на лезвии, оружие пронзило спину растафара, кончик его вышел с другой стороны и кольнул в грудь Атилу.

Рот широко разинулся, в лицо Егора ударил поток исторгаемого им теплого воздуха, в котором трепетал раздвоенный язык. Пронзительно загудев, растафар отшатнулся, вырывая пальцы из плеч Атилы.

И лопнул, покрыв все вокруг брызгами ртути.

Большой участок стены вокруг «аргумента» провалился внутрь. Чтобы не упасть в образовавшееся отверстие, Егор отпрянул, развернулся, протягивая руку...

Его пальцы и пальцы упавшей на колени Лу одновременно схватились за пирамиду. Та уже не вращалась,

лишь мелко дрожала. По ртутной поверхности побежали искры, и Лу отдернула руку.

Они посмотрели друг на друга, затем разом повернули головы, глядя в отверстие. Атила крепче ухватил «аргумент» и нагнулся вперед, разглядывая открывшееся за стеной пространство.

— Что это? — хрипло спросил он.

— Есть секретные серверы с экспериментальными играми, — произнесла Лу. — Программа, генерирующая растафаров, спрятана на одном из них. Наши называли ее «Главный аргумент», потому что...

— Кто такие «наши»? — перебил Егор.

Она качнула головой, опасливо глядя на пирамиду.

— Потом. Как тебя зовут на самом деле?

— Егор, — сказал он. — А тебя?

— Ну... иногда меня называют Троечка.

Пирамида под ладонью Атилы дрогнула. Пространство вокруг изогнулось, размазываясь кольцевыми потоками. В последней резонансной пульсации дерева и холмы, крепости, леса и каменная толща под ними — вся игра устремилась к отверстию, прорубленному «аргументом».

3

Над головой был потолок в пятнах ржавчины. Некоторое время Егор Атилов рассматривал его, лежа на спине, затем медленно сел. Что-то звякнуло.

Егор находился в длинном, просторном металлическом коридоре — будто он попал в звездолет. В такую здоровенную космическую баржу, перевозящую тысячи поселенцев от одной звездной системы к другой.

На полу валялись обрывки бумаги, куски пластика, осколки стекла. И еще рядом лежал человекообразный робот. Атила огляделся, но пирамиды не увидел: она исчезла.

Робот пошевелился, потом сел.

Скорее, не робот, а роботесса. Бывают роботы жен-

ского пола? Во всяком случае, там имелось нечто вроде бюста, соединенного с нижней частью узкой гибкой «талией». Да и черты лица... если, конечно, сочетание динамиков и фотоэлементов можно назвать лицом...

— Ты кто? — спросила она.

Когда Егор поднялся на ноги, вновь раздалось звяканье. Он оглядел самого себя, увидел блестящий торс, металлические ноги, узкие длинные ступни с закруглениями — там, где раньше были пальцы.

— Вот черт! — Егор уставился на роботессу и неуверенно спросил: — Лу?

— Трочка, — поправила она. — Лу — это мое имя в «Спасителе миров», а обычно в Интернете я подписываюсь...

— Мы общались раза два в игровых форумах, — сказал Егор. — Я тебя помню, хотя плохо.

— Я тоже тебя помню, — она огляделась. — Так вот, значит, как... Теперь мы роботы.

— Ага. Причем ты... — он замолчал.

— Что? — Трочка оглядела саму себя. — Что такое?

— Я хочу сказать, из тебя получилась вполне, гм, симпатичная... роботиха.

— Ясное дело. Но где мы?

— Ну, мне кажется, это космический корабль. Помнишь какие-нибудь игры с ними?

— Полно, только не онлайн-овые. Хотя нет, были «Star Wars Galaxies», а еще...

— Пирамида исчезла, — сообщил Егор. — Нигде нет.

Из глубины коридора донесся приглушенный лязг.

— Что это там? Пошли посмотрим?

Коридор освещали утопленные в потолок плоские лампы. Пол был усеян мусором.

— Все-таки не похоже на звездолет, — заметила Трочка через несколько шагов. — Во-первых, посмотри, здесь же все ржавое. Во-вторых, на звездолетах мусор должны как-то утилизировать. Сжигать или в космос выбрасывать, а не сваливать на пол.

Лязг стал громче. Он звучал ритмично, будто... будто чем-то железным колотили по чему-то железному. Послышались неразборчивые восклицания, затем ругань.

— Что там происходит? — Троечка ускорила шаг. Коридор изогнулся — и они очутились на свалке.

Зал с высоким потолком-куполом заполняли горы мусора. А еще здесь шел дождь. Из широких отверстий в куполе то и дело что-нибудь вылетало. Более крупные предметы — детали каких-то устройств, тяжелая рухлядь — проносились подобно метеорам и с грохотом падали среди завалов, взрываясь мелкими обломками. Ошметки пластика, куски бумаги, металлическая труха и мусор поменьше наполняли пространство рваными хлопьями. Они планировали, лениво покачиваясь, словно грязные снежинки.

Под стеной два робота били третьего. Этот третий лежал, прикрыв голову руками, дергался и иногда ругался визгливым голосом. Те, кто его бил, больше всего напоминали тумбочки на узких гусеничных платформах. Они откатывались, наезжали на жертву и вновь откатывались.

— Вы что делаете? — крикнула Троечка и пнула одного робота в зад. Робот качнулся на платформе, правая его гусеница зашипела, в то время как левая оставалась неподвижной. Он развернулся и манипуляторами ухватил Троечку за гибкий пружинный стержень, заменявший ей талию. Второй робот продолжал заниматься своим делом.

— Эй, эй! — Атила подскочил к ним.

Троечка размахивала руками и ногами. Робот начал приподнимать ее, поворачивая и рассматривая со всех сторон. Атила прыгнул ему на спину, вцепился в манипуляторы и резко развел в стороны. Троечка упала на пол.

Робот дернулся, пытаясь высвободиться, и тогда

Атила со всей силы заехал ему кулаком по макушке. Из головы робота донесся громкий звон.

Егор отпрыгнул. Гусеницы вновь зашипели, крутясь в разных направлениях; робот начал вращаться на месте, дергая манипуляторами. Второй робот наконец заметил неладное и оглянулся.

В корпусе первого робота что-то переклинило: вихляя гусеницами из стороны в сторону, он вдруг сорвался с места и влетел в мусорные завалы. Несколько секунд фонтаны взлетающих отбросов и треск сопровождали его передвижение по свалке, затем все стихло.

Подняв кулак, Егор шагнул ко второму роботу. Тот попятился, развернулся и исчез в коридоре, через который они вошли.

— П'асипа, п'ратан!

Атила чуть не подскочил, услышав скрежещущий голос. Таким голосом могла бы говорить старая циркулярная пила.

Робот, которого избивали, поднялся на ноги. Егор уже сообразил, что сейчас скорее годятся слова вроде «манипуляторы» или «конечности», но решил, чтобы не путаться, думать о них как о привычных руках и ногах. Если бы этот робот был человеком, скорее всего его бы назвали бродягой-дистрофиком. Напоминающие веточки ножки, казалось, могли сломаться в любое мгновение, хотя вес, который им приходилось нести, был невелик. Тощие руки состояли из потемневших стержней и перепутанных проводов, голова покачивалась на кривой шее. Левый фотоэлемент прикрывала полоса разлохмаченной черной изоленды. В разных местах из тела торчали обрывки изоляции, обнаженные контакты, спирали проводков.

— Г'ерла! — Какой-то дефект мешал бродяге связно произносить слова. Периодически в его горле раздавались щелчки, будто клемма искрила, и тогда робот глотал отдельные звуки.

Он выпучил единственный глаз-фотоэлемент, разглядывая Троечку сквозь медленно падающий мусор.

— Йо! Редко сюда зап'редают такие т'елки.

— Кто? — Троечка вопросительно посмотрела на Егора. — Что он сказал?

— Ни-ни! — бродяга примирительно поднял руки. Ладони у него были широченными и плоскими, похожими на лопаты, а ступни напоминали ржавые жестяные ласты. — Все в ажуре, рып'ка, это был комп'лимент.

Голоса разносились по всему залу. Кроме них тишину нарушал лишь тихий шелест мусорного снега. Егор наконец задал вопрос, который давно надо было задать:

— Ты кто такой?

— Меня звать... — рука-лопата хлопнула по груди, подняв рыжее облачко ржавчины, — Рипа.

— Где мы? — спросила Троечка. — Как называется это место?

— Как это — где? — Рипа оглянулся. — С'ама не видишь, что ли?

— Э... Рипа, мы не отсюда, — пояснил Егор. — Пришли издалека, понимаешь? Объясни толком, где мы находимся.

В глубине свалки с купола упало что-то тяжелое, взметнув фонтан трухи.

Робот поднял руки. Внутри него защелкало, сквозь щели в помятом нагруднике посыпались искры. Двигался Рипа так, что казалось — основные усилия он тратит на борьбу с собственными суставами. Ноги его, судя по всему, давным-давно разучились сгибаться.

— Над нами... — он сделал широкий жест, — великий город Роп'ополис. Вокруг нас — лучший район города, именуемый Отстойником. Я часто здесь т'усуюсь...

— Робополис? — переспросила Троечка. Только сейчас Егор заметил, что по бокам ее головы расположены

две небольшие тарелки радаров. — Что-то я вроде слышала, но не помню...

— Великий город... йо! — Рипа упал навзничь.

— Что? Что это с ним? — Егор уже ничего не понимал. — Почему он упал?

— Не знаю. — Троечка осторожно коснулась тела Рипы ногой. Хотя она и стала роботом, но ноги были длинными, так сказать, от радаров. — Послушай... Как-то странно, я не могу понять, игрок это или бот? Для бота слишком...

Тонкая рука поднялась, ладонь-лопата помахала в воздухе, и робот сел. Второй рукой он полез куда-то в недра своего организма, достал две круглые линзы, скрученные проволокой на манер очков, и надел их. Одна линза пришлась на фотоэлемент, а вторая — на полосу изоленты.

Голова со скрипом повернулась из стороны в сторону, и незнакомый голос произнес:

— Чем обязан?

— Что? — опять не понял Егор.

Рипа поднялся. Внутри него все так же полязгивало и потрескивало, но двигался он теперь иначе, более изящно.

— Чем обязан, господа? — Робот взглянул на опешившую Троечку и слегка поклонился. — Леди?

Они молчали, ошарашенно глядя на него.

— Простите... — он поправил очки. Сквозь линзу огромный фотоэлемент уставился на Егора. — Простите, возможно, мой вопрос покажется вам несколько... э... дерзким... но кто вы такие?

— Но как же, Рипа... — начала Троечка. — Мы же... ведь мы только что познакомились?..

— Во-первых, леди, меня зовут Агриппа, а во-вторых, я не имею чести... — Тут он несильно хлопнул себя ладонью по лбу: — Ах да, конечно, Рипа... Видите ли, у меня сбоит реле в лобной доле... Из-за этого контакт переключается между двумя... — Вдруг робот с подоз-

рением уставился на них: — А вы необычно выглядите. Что вы здесь делаете?

— Ну, мы... — начал Егор, но Агриппа замахал руками.

— Молчите! — он настороженно оглянулся. — Тука всемогущий! Я понял. Агенты, присланные, чтоб свалить тиранию...

— Да? — удивился Атила. — Вообще-то мы не...

— Ни слова больше! Конечно, вы не можете открывать тайну первому встречному. Но знайте — я с вами. Клянусь, я приложу все усилия, окажу любую помощь...

Падающий со стен рассеянный свет мигнул, комья пыли и ржавчины посыпались с потолка. Свет разгорелся вновь, Егор успел различить темные летящие предметы, затем он погас окончательно. Пол дрогнул.

— Это еще что такое? — чуть не упав, Егор ухватился за Троечку. — Как тебя... Агриппа! Что происходит?

Одновременно в разных местах загорелись прожекторы, световые столбы прорезали тьму. Источники их зигзагами передвигались над свалкой.

— Цензоры! — завизжал Агриппа.

Луч прожектора пополз мимо них. Егор различил темный силуэт робота — тот присел, озираясь.

— Душителю свободной воли!

— Бежим? — неуверенно спросил Егор.

Сверху раздался свист. Они подняли головы, секунду смотрели, потом Егор и Троечка отпрыгнули в разные стороны, а робот начал приподнимать ногу, что сопровождалось серией щелчков и жалобных позвякиваний, донесшихся из его коленного сустава...

Вылетевший из отверстия в потолке толстый обрезок трубы в полметра длиной упал ему на голову. Раздался звук, будто по церковному колоколу с размаху заехали ломом. Робот плашмя повалился на пол, точно так же, как и в первый раз. Труба, крутясь пропеллером, отлетела от него и шмякнулась под ноги Егору.

Из головы робота еще некоторое время доносился, постепенно стихая, протяжный металлический гул, затем наступила тишина.

— Ой, — довольно спокойно сказала Троечка, как бы ставя точку.

Егор шагнул к поверженному Агриппе.

Кто бы ни были эти цензоры, но они слышали шум и заинтересовались им — летающие источники света стали приближаться.

Рука робота поднялась, сняла очки и сунула их куда-то. Еще секунду он не двигался, затем вскочил и деловым голосом приказал:

— Что я вам скажу, п'ратва — всеобщий шухер! А ну т'авай за мной... — Подхватив обрезок трубы, Рипа устремился по тропинке, извивающейся между завалами мусора. Переглянувшись, Егор с Троечкой помчались за ним.

— Б'орзеют легавые...

Рипа полз вперед по узкому вентиляционному ходу, за ним Егор, следом Троечка. Сначала труба тянулась наискось вверх, затем, когда они покинули уровень Отстойника, стала горизонтальной.

— Ты назвал их цензорами? — подал голос Егор. — Это местная полиция, что ли?

Колени Рипы громко щелкали, иногда за ним на полу оставались пятна машинного масла.

— Да, рядовые. Так, п'очти на месте...

Труба изогнулась и стала шире, робот улегся перед проволочной решеткой. Атила лег рядом и выглянул наружу.

Он увидел площадь, похожую на очень большой вокзал или аэропорт. Только вместо пассажиров-людей там были роботы.

Гул голосов и лязг металлических конечностей наполняли помещение. В центре высился памятник — обычный человек, одетый в обычный костюм с галсту-

ком. Он стоял, чуть склонив голову, словно задумчиво рассматривал снующих у его ног роботов. Вокруг тянулись витрины магазинчиков, вдоль стен ползли прозрачные кабины лифтов. Егор поднял взгляд. По сути, зал был широкой и очень высокой трубой, верхнюю часть которой скрывала паутина висячих переходов и арок. Между ними что-то летало.

— Рипа! — свистящим шепотом произнесла улегшаяся рядом Троечка. — Рипа, чей это памятник?

— Ты чё, с'естричка? — проскрипел робот. — Как это чей? Д'ура, это же Творец!

— Творец?

— Йо! Вы откель свалились к нам? Л'адно, погодите чуток, надо разведать, чтоп'ы легавые не вып'асли... — С душераздирающим скрежетом робот развернулся и уполз в боковое ответвление трубы.

Подождав, когда звуки его передвижения стихнут, Атила придвинулся к Троечке и зашептал:

— Интересно, почему эти цензоры появились сразу после того, как мы попали в Отстойник? Может, нас уже ищут? Я думаю, цензоры — это те же растафары, просто здесь они принимают такой вид. Ну вот как мы стали роботами...

Троечка молчала, пристально разглядывая что-то на площади.

— Нам достался робот с раздвоением личности, — продолжал Егор. — Причем он сам про это знает, представляешь? Никогда не думал, что бывают роботы-шизофреники...

— Ты понимаешь, кто это? — кажется, Троечка не услышала ни единого слова. — Этот памятник?

Атила взглянул в склоненное лицо.

— У него глаза узкие. Японец какой-то...

— Это же Нико Туко! Я поняла, где мы находимся! Это... это просто невероятно!

— Нико Туко? — повторил Егор. — Я что-то вроде слышал... это не он изобрел вирус, как его...

— «Погибель». Вирус назывался «Погибель». На самом деле это не совсем вирус, просто программа огромной разрушительной силы. Туко не чистый японец, помесь какая-то. Работал на японское отделение «Дженезиса». Ну же, вспоминай, про него еще писали в газетах. Нико Туко, гениальный ученый-изобретатель, занимался искусственным интеллектом. Потом они с «Дженезисом» из-за чего-то поссорились, и Туко исчез, прихватив часть своих разработок. Какой-то пронырливый журналист нашел его в тайном поместье-лаборатории в горах. Туко рассказал, что его хотели убить. Что сейчас он работает над тем, как искусственный интеллект будет развиваться в окружении синтезированного мира, причем не в одиночестве, а в компании себе подобных. Сможет ли он создать цивилизацию, прогресс? Он нанял целый штат одной игровой фирмы, и те сделали для него большой виртуальный город. Жителей он наделил различными аспектами изобретенного им интеллекта. Журналист спросил, существует ли этот город сейчас, и Туко ответил, что да, он на одном засекреченном сервере.

— И?.. — спросил Атила, когда Троечка замолчала.

— И после посещения журналиста Нико Туко действительно был убит. Его тела так и не нашли.

— Хочешь сказать, всеми этими роботами управляет общий искусственный интеллект?

— Вроде того, но каждый наделен индивидуальными параметрами, которые вытекают из разных аспектов изобретенного Туко интеллекта. То есть они самостоятельны.

— Ну хорошо, значит, мы на скрытом сервере. И вокруг не игра, а виртуальная страна, программная лаборатория... — Егор окинул взглядом толпу роботов, соображая. — Ладно, но если пирамида перебросила нас сюда, значит, путь к «Главному аргументу» растафаров лежит через Робополис?

Их ушей достигли треск и щелканье суставов Рипы.

— Нашел! П'ошли! — весело проскрежетал робот.

Вскоре проход стал спиральным. Они съехали по наклонному желобу, пробрались сквозь сломанную диафрагму и наконец очутились снаружи.

Сколько Егор ни глядел, но так и не увидел дерева или каких-то других природных материалов — только гладкий бетон, металл и пластик. Все светилось, поблескивали матовые поверхности, перемигивались разноцветные огоньки, иногда вспыхивали красные и синие лазерные лучи... Робополис был ярким и шумным — чудовым.

— У вас есть правительство? — прокричал Егор. — Кто управляет всем этим?

Вокруг толкались роботы разных конструкций и размеров. Троечка пихнула Атилу локтем в бок, показывая на почти точную копию R2D2 из «Звездных войн». У некоторых прохожих не хватало конечностей либо конечности были прикручены к корпусу проволокой. На стенах сквозь блеск металла нет-нет да и проглядывали пятна ржавчины.

— Ваше-та у нас Конклав. — Рипа, зажав обрезок трубы под мышкой, уверенно вел их сквозь толпу. — Мы его вып'ираем. Но на деле п'аханом сейчас Резидент.

— Резидент?

— Да, с'естренка. Никто его не видел, он живет где-то... — робот неопределенно махнул рукой вверх. — Теперь его цензоры прессуют простых п'арней навроде меня. О!

— Что «о»? — спросил Егор.

— Во! — Рипа показал на что-то впереди, заозирался, потом приказал: — Ждите меня там... — и уковылял в толпу.

— Где? — Атила оглянулся.

— Вон там. Идем.

Троечка потянула его в глубокую полутемную нишу между стенами двух магазинов.

— Надо обсудить ситуацию, — деловито начала она. — Слышал про Резидента? Наверняка это как-то связано с растафарами. Если он вверху... — Они подняли головы и взглянули на ползущие вверх и вниз лифты, на металлические арки, сетки, сложные конструкции непонятного назначения...

— Думаешь, на верхних ярусах... — начал Егор, и тут в нишу, быстро переставляя негнувшиеся ноги, ввалился Рипа.

— Есть! — Робот воровато оглядывался. В правой руке он держал железную коробочку с парой блестящих контактов. На ней был изображен череп и перекрещенные зигзаги молний. — А ну п'адержи, п'ратуха, — он отдал Егору обрезок трубы.

— Что ты собираешься делать?

Рипа неопределенно качнул головой.

— Послушай, а что находится вверху? — спросила Троечка.

— Центровые кварталы для п'огачей. П'ростым п'ацанам вроде меня там делать нечего. — Робот поднял левую руку, несколько раз согнул и разогнул ее так, что наружу вылез провод с содранной изоляцией.

— Нам надо наверх, — сказал Егор. — Поможешь подняться туда?

— Ты чё, п'рателла? — удивился Рипа. — Легавые нынче озверели. Не, я конечно, п'лагодарен, что вы помогли в Отстойнике, но... Ни-ни, и не проси. Так, а ну, отойдите чуток назад...

— Зачем?

— Отойди, отойди, говорю.

Егор с Троечкой попяtilись в глубь ниши. Рипа примерился и вонзил контакты на коробочке в неизолированный сгиб локтя. С треском сыпанули искры. Коробочка полетела на пол, Рипа присел на расставленных ногах, качнувшись, широко развел руки...

— ЙО!!!

Его фотоэлемент покраснел.

— Как торкнуло! — Он покачнулся всем телом, начал заваливаться, и подскочивший Атила схватил его под мышки. — Нефиговый п'риход, п'ратишка... — счастливо скрипнул Рипа.

Сквозь царящий на площади шум до ниши долетел звук сирены.

— О'пять легавые... — в голосе Рипы появились отрешенные нотки, будто теперь появление цензоров его не очень-то и тревожило. — П'ерекемарим пока здесь.

— Нам надо наверх, — повторил Егор, отпуская робота.

Рипа пошатнулся и привалился плечом к стене.

— Оп чем п'азар, я ж уже сказал. Тут д'аже старик Меркюри не п'оможет.

— Кто такой Меркюри?

— Босс нижних уровней.

— Как босс уровней? Так, значит, это все же игра?

— Ты чё, п'ратан? Какая игра? Если это игра, то она интереснее жизни!

— Но что значит «босс»?

— Ты вроде вчера на свет п'оявился. То и значит: п'ахан нижних районов Роп'ополиса. Но я здесь тусуюсь, наверх ни ногой.

— Но мы...

— П'ратан! — Рипа начал сердиться. — Я Меркюри на глаза показываться не хочу. Ты чё, не п'онял? Отвянь, наверх не пойду.

Сирены над площадью надрывались. Выглянув из ниши, Атила узрел нечто, напоминающее помесь осы и большой кофемолки, с узкими крыльями и единственным выпученным фасетчатым глазом на лбу. Оно промчалось низко над разбегающейся толпой и исчезло из поля зрения. Егор взглянул на Троечку. Она пожала плечами и кивнула. Тогда Егор, взяв обрезок трубы обеими руками, широко размахнулся и ударил робота по голове.

Они поднимались быстро, площадь внизу была видна как на ладони.

— Как болит...

Стоящий у прозрачной покатой стенки Егор оглянулся.

Агриппа обеими руками держался за голову.

— Повторите еще раз, что я вам обещал, пока... пока верх взяла моя другая личность?

— Ты сказал, что сможешь нам проникнуть в верхние ярусы, — принялась врать Троечка. — Дал слово.

— Слово дал? — уныло переспросил робот.

— И еще перед этим, в Отстойнике, сказал, что приложишь все усилия, чтобы помочь нам.

— Да, это я помню... чего не сделаешь в сиюминутном порыве.

— Сказал, что почтешь за честь помочь тайным борцам против тирании Резидента.

— А вы — тайные борцы?

— Без сомнения. Пока ты был Рипой, мы предоставили тебе неоспоримые доказательства.

— Что, совершенно неоспоримые?

— Абсолютно.

— Ох... — На Агриппу было жалко смотреть. — А... я что-то *делал* при этом?

— Да, у тебя была такая коробочка с двумя контактами, и ты пустил себе ток в руку.

Робот помрачнел.

— Ясно. Это был переменный ток, вызывающий всплеск нелинейных флуктуаций. Моя вторая личность — грубое, малоразумное существо. Она получает удовольствие, а у меня потом голова кружится и отнимаются руки. Но как же я смогу помочь вам?

— Ты упомянул какого-то Меркюри, — подал голос Егор. — Кто это?

— Местный босс. Занимается оружием, ворованным железом и пиратским софтом.

— Он может помочь нам?

— Понятия не имею. Его логово выше.

Снаружи мелькнул силуэт цензора. Егор попятился. Цензор пролетел вниз и скрылся из виду.

— Тука всемогущий, вот и они! — взвизгнул Агриппа.

Егор присел, осторожно выглядывая. Цензор опустился к площади, явно высматривая кого-то.

— Откуда они вообще берутся? — спросила Троечка у робота.

— Они появились не так давно. Их хозяин Резидент.

Описав несколько кругов вокруг памятника, цензор взлетел. Он пронесся мимо лифта, резко затормозил и повис в воздухе. Егор отскочил в глубину кабины, прижался спиной к стене, но это не помогло. Цензор словно почувствовал их и подлетел ближе. Сквозь колпак лифта фасетчатый глаз просканировал кабину, и цензор взмыл вверх.

Егор повернулся к Агриппе.

— Надо выбираться отсюда. Долго еще ехать?

— До второго уровня минут десять! — простонал робот. — Он полетел за подмогой!

— А какие-нибудь промежуточные этажи есть?

— Да здесь сплошные технические ярусы. Но чтобы остановить лифт, нужен специальный допуск.

Возле раздвижной двери был щиток со светящимися цифрами этажей, кнопками и горящей зеленым лампочкой. Егор заколотил по кнопкам, но кабина продолжала двигаться с той же скоростью.

— Может, здесь есть аварийная остановка... — начал он.

Оттолкнув его, Троечка обеими руками вцепилась в крышку и рванула.

— Дай мне... — Она склонилась над обнажившимися контактами — и тут же лифт встал.

— Быстро ты... — удивился Егор.

— Это не я, я еще ничего не успела сделать.

— Они отключили лифт дистанционно! — Агриппа показал на что-то снаружи. Егор оглянулся.

Теперь их было трое. Выпученные фасетчатые глаза заглядывали в кабину. Одновременно в трех брюхах разъехались щитки, из отверстий выдвинулись узкие дула.

— Э, Троечка... — начал Егор.

— Что там? — Она стояла спиной к нему, лихорадочно копаясь в контактах панели.

— Там трое... трое легавых, и у них оружие.

Один из цензоров выстрелил, отдача качнула металлическое тело.

Прямо перед лицом Егора на прозрачной стене появилось белесое пятно. Кабина дрогнула.

— Что они делают? — Троечка не оборачивалась.

— Стреляют! — взвизгнул Агриппа.

— И?..

— И ничего, — добавил Егор.

Два цензора выстрелили одновременно, еще два пятна возникли на стенке.

— Хорошо, что у них не пулеметы. Какое-то время лифт выдержит. Как у тебя?

— На самом деле это всего лишь программы, — пробормотала Троечка сквозь зубы. — А я разбираюсь в программах, просто мне нужно время...

— Слушай, вдруг ты откроешь двери, а там глухая стена? Попробуй запустить лифт вверх.

Цензоры выстрелили залпом, и ответа Егор не услышал.

Агриппа сжался в углу. Теперь стало трудно различить, что происходит снаружи, — половину стенки покрывали белые пятна. Вдруг кабина дрогнула и с шипением опустилась на полметра.

— Ой! — сказала Троечка. — Не то!

Опять прозвучал залп.

Егор приник лицом к небольшому участку, чистому от следов выстрелов. Снаружи маячили уже не три, а

четыре противника. Новый цензор был куда крупнее остальных. Он напоминал жука с матовым металлическим панцирем и длинными изогнутыми антеннами.

— Сержант! — прокричал сзади Агриппа.

Раздался треск, кабину озарили искры.

— Есть!

Атила оглянулся. Дверцы раскрылись, обнажив глухую бетонную стену.

— Плохо... — начал он, но Троечка показала вверх. Под потолком виднелась нижняя часть темного проема. Если бы кабина не опустилась, дверь пришлась бы как раз на него.

— Агриппа, давай туда!

— Но я не влезу.

Два сегмента, составляющие панцирь сержанта, разъехались в стороны. Из тела поднялась турель.

Егор и Троечка схватили Агриппу и приподняли.

— Хватайся и залезай туда!

Агриппа, скрежеща суставами, охая и причитая, втиснулся в отверстие. Секунду его тощие ноги дергались снаружи, потом исчезли.

На турели сержанта поднялись стволы строчного пулемета.

— Теперь ты. Встань мне на спину, потом подашь руку. — Егор опустился на корточки под стеной. Ступня Троечки звякнула о его спину. Атила покосился в сторону и разглядел, как стволы пулемета начали вращаться.

— Давай! — слышалось сверху, и он вскочил. Троечка, свесившись из прохода, тянула вниз руку.

Три ствола превратились в один, широкий, с размытыми очертаниями. Атила ухватился за тонкое запястье, Троечка потянула, он уперся коленями в стену, пытаясь взобраться и соскальзывая. Сержант открыл огонь.

Пулемет выплеснул сноп огня. Трассирующие заряды ударили в стенку, мгновение она держалась, затем

разлетелась осколками. Егор карабкался, скользя ступнями по бетону, Троечка тянула его, отодвигаясь в глубь прохода. Грохот наполнил кабину, она затряслась. Прямо под ступнями Егора стену пробороздил ряд воронок, извергающих цементное крошево. Взмахнув ногами, будто неумелый ныряльщик, прыгающий с трамплина, Егор влез в нишу.

— Агриппа где-то впереди. Давай, быстро!

Здесь можно было стоять полусогнувшись. Атила побежал вслед за Троечкой, слыша сзади грохот. Прямоугольный бетонный проход оказался коротким — спустя несколько секунд они оказались в более просторном помещении. От пола до потолка тянулись покрытые каплями влаги ржавые трубы, изогнутые и прямые, узкие и широкие. Из вентилях капала вода, что-то гудело за утопленными в стены трансформаторными щитами.

— Агриппа! — позвала Троечка.

Ответом были звуки выстрелов и лязг. Через проход в помещение влетел цензор-рядовой. Егор и Троечка отпрыгнули в разные стороны, пробитая зарядами толстая труба выплеснула фонтан пара и кипящей воды. Все это ударило в цензора, он качнулся и взлетел под потолок, не прекращая поливать помещение огнем. Егор бросился вперед, пролез между двух труб, споткнулся, побежал влево, потом вправо...

Выстрелы грохотали позади, трубы отзывались гулом. Стало горячо, вокруг закружился пар.

— Егор!

Нагнувшись, Атила побежал вдоль стены и увидел очередное отверстие, на этот раз круглое. Из него торчала голова Троечки.

— Робот уже там, — произнесла она и исчезла.

Егор нырнул следом.

Грохот выстрелов и шипение пара стали тише. Труба напоминала ту, через которую они покинули Отстойник, только была уже — двигаться пришлось не на чет-

вереньках, а ползком. Как и проход от лифта, она оказалась короткой. Несколько раз им пришлось поворачивать, а потом Троечка остановилась.

— Что там? — спросил Егор.

— Тут выход. Отверстие в стене.

— Ну так вылезайте.

Пауза.

— Да что случилось? — спросил Атила.

— Кажется, он застрял.

— Кто, Агриппа?

— Кто ж еще?

Раздалось приглушенное кряхтение, потом жалобный скрипучий голос:

— Не получается...

Прижавшись щекой к стене, Егор попытался разглядеть, что происходит впереди.

— Имейте в виду, цензор вполне мог влететь сюда за нами, — предупредил он.

Агриппа впереди задержался.

— Если он сейчас начнет палить мне в... в спину, — не унимался Егор, — то винить во всем я буду вас.

— При чем здесь я? — возмутилась Троечка. — Это же он застрял!

— Пропихни его.

— Да? Ладно, сейчас попробую.

Она стала поворачиваться, подогнув под себя ноги и упираясь руками в стены. Оказавшись головой к Егору, Троечка легла на спину. Теперь Атила разглядел и вправду довольно узкое отверстие. Агриппа застрял, оказавшись наполовину снаружи, наполовину внутри. Жалобно мыча, робот извивался и сучил ногами.

Лежа на спине, Троечка запрокинула голову и покосилась на Егора.

— Что ж делать, попробуй... — сказал он.

Она согнула длинные ноги так, что колени прижались к груди, и резко выпрямила.

Лязг и вопли наполнили трубу. Агриппа судорожно

заскреб конечностями по бетону, перевалился через край отверстия и исчез внизу. Мгновение было тихо, затем пронзительное «бряц-бряц-бряц!!!» возвестило о том, что тощее металлическое тело вошло в соприкосновение с чем-то твердым. Судя по продолжительности звука — с несколькими ступенями. Стало тихо, а потом знакомый голос произнес:

— Йо!

Под потолком горела тусклая лампочка без абажура. От покосившейся двери вверх вели три ступеньки, дальше начинался коридор с облезлыми обоями на стенах.

Егор следом за Троечкой спрыгнул на грязный пол. Груда металлических костей на ступенях зашевелилась. Из нее показалась рука-лопата, ухватила валяющиеся рядом треснувшие линзы и убрала куда-то. Потом Рипа встал.

— Чё? — Он огляделся. — Ну, ясно! Вы таки притащили меня сюда.

— Куда? — спросил Егор.

— В логово Меркюри. Надо валить побыстрее... — Рипа повернулся к двери, но тут она сама раскрылась, и робот отпрянул от тех, кто вошел внутрь.

— Ты смотри, — прошептала Троечка. — Черные роботы...

На верхней ступеньке стояли три здоровяка из иссиня-черного металла. У роботов были могучие плечи, толстые руки и ноги. Короткие широкие шеи поддерживали головы, напоминающие выкрашенные ваксой страусиные яйца. На покатых лбах играли световые блики. На шее одного, самого здорового, висела толстая металлическая цепь.

— А? — произнес богатырь. — Расслабьтесь, братья, это всего лишь Рипа...

Он и еще один робот держали в руках пистолеты с короткими широкими дулами. У третьего правой руки

не было, вместо нее на плече имелась турель с длинным стволом.

— Откуда ты свалился? Босс как раз приказал разыскать тебя...

— П'енза, брат! А я сам п'ришел! — Рипа покосился на Егора с Троечкой и тихо выругался. — Зачем искать? Еще и двух кентов с соп'ой привел, видишь...

— Вижу, — Бенза окинул их взглядом. — Интересные у тебя друзья.

— Типа того, п'рат.

— Ладно, пошли, — богатырь шагнул в коридор.

— Вы идите, а я вас догоню, — сделал Рипа неудачную попытку. — Щас, только по одному дельцу сп'егаю...

— Знаем мы твои дела, братишка. Топай, топай.

Коридор повернул под прямым углом и стал шире. Больше всего это напоминало ночлежку. Под потолком висел чад, из-за тянувшихся с двух сторон дверей доносился шум голосов, лязг, звуки перебранок. В дальнем конце коридора стояла плита, на которой что-то булькало в большом тазу.

Бенза ключом отомкнул замок и раскрыл одну из дверей. За ней оказалась узкая крутая лестница.

— Сюда давайте.

Черные роботы шли уверенно и неторопливо, чуть покачиваясь, Рипа переставлял ноги по ступеням, как пьяница на ходулях. Вверху была площадка, потом еще одна лестница, совсем уж крутая и узкая. Они миновали второй коридор, пересекли захламленную кладовую. В тених на другой ее стороне пряталась очередная дверь, широкая и очень крепкая с виду. С глазком.

Богатырь нажал кнопку звонка. Глазок мигнул, в двери шелкнуло, и Бенза толкнул ее.

— Не тушуйся, Рипа. Входите.

В большой комнате стояла пара шкафов, стулья и стол. Под стеной примостился огромный сейф. В стене

было окно без стекла, но с решеткой. За окном — широкая улица-коридор с бетонным потолком.

Спиной к окну за столом сидел высокий робот. Не черный, а как бы смуглый — его тело покрывал налет темно-серого хрома.

Два черных робота встали слева и справа от закрывшейся двери, а Бенза шагнул к столу.

— Босс, смотрите, кто появился.

— Рипа, брат... — Голос Меркюри был хриплым и таким низким, что от его звуков пробирала дрожь. — Долго ты не навевывался к нам...

— П'анимаешь, п'рат... — Чувствовалось, что Рипе не по себе. — Все дела, дела...

— Да, дела... — сочувственно протянул хозяин и окинул взглядом Атилу с Троечкой. — Серьезные у тебя дела, все мешали заскочить на минутку, отдать долг...

Рипа молчал.

— Ну что же, брат, теперь ты опять с нами и готов рассчитаться? Три затылочных чипа, шотган и станковый огнемет стоят прилично.

Рипа молчал.

— Что такое? — Меркюри перевел взгляд на Бензу, стоявшего слева от стола. — Отчего это наш брат молчит?

Богатырь уставился на несчастного Рипу пронзительным взглядом.

— Как думаешь, может, он на самом деле пришел не рассчитаться? Где вы его откопали?

— Да он случайно к нам свалился, прямо под входом, — проворчал богатырь. — Мы вообще по своим делам шли.

— Свалился? — высокий робот посмотрел на Егора. — Говоришь, брат, это твои друзья? Что ты делал здесь с ними?

— Мы... понимаешь... — начал Рипа и замолчал.

— Мы убегали от цензоров, — сказал Атила.

Наступила тишина.

— Внизу до сих пор шум? — наконец спросил Меркюри.

— Ага, босс. Цензоры подняли стрельбу, лифт за чем-то расколотили.

— Так. Вы двое, подойдите ближе.

Егор с Троечкой шагнули к столу. Меркюри долго смотрел на них, потом спросил:

— Ладно, так что вы не поделили с цензорами?

Позади раздался скрип, когда Рипа переступил с ноги на ногу. Затем он в отчаянии выпалил:

— Они — тайные агенты, брат! Они пришли сюда, чтобы разделаться с Резидентом!

В руках двух черных роботов лязгнули затворы оружия, ствол на плече третьего повернулся. Меркюри произнес:

— Нет, подождите. Что-то ты путаешь, брат Рипа. Агенты не бывают сами по себе. Если они агенты — то их кто-то послал, так? — Он медленно поднялся из-за стола, и Атила с Троечкой задрали головы — Меркюри оказался очень высок. — Ну так чьи вы агенты, а? Вы что... *оттуда?*

За его спиной из-за края окна всплыл цензор-рядовой. Секунду он висел неподвижно, сканируя комнату фасетчатым глазом, затем из-под брюха выдвинулся ствол.

— Осторожно! — заорал Атила, шарахаясь в сторону и сбивая с ног Троечку. С неожиданным проворством Меркюри присел, скрывшись за столом. Рядовой выстрелил, один из черных роботов позади отшатнулся к стене и сполз вдоль нее, прижав ладони к дымящейся дыре в грудном щитке.

— Выследили! — Рипа упал и пополз по полу. — Брат, я не виноват, я не...

Комнату наполнила канонада. Бенза, встав на одно колено, открыл огонь сквозь широкие отверстия в решетке. Цензор пытался подлететь ближе, но выстрелы отбрасывали его назад. Еще два рядовых появились над

улицей. Меркюри был уже возле сейфа и, пригнувшись, крутил кодовый замок. Робот у двери дал очередь из наплечного автомата. От первого цензора повалил дым, и он рухнул вниз.

Выстрел другого разворотил плечо Бензы, богатырь покачнулся, но не упал.

С громким гудением за окном появился сержант, из его панциря поднялась турель пулемета. Он не мог преодолеть решетку, но пара оставшихся рядовых влетела внутрь. Фасетчатый глаз одного разлетелся осколками, когда Бенза и второй робот одновременно попали в него. Последний рядовой полетел зигзагами, уходя от выстрелов, и тут у Бензы кончились патроны.

Меркюри все еще пытался открыть сейф, Троечка и Рипа подползли к нему. Цензор прострелил голову черного робота у двери, повернулся к Бензе, который лихорадочно перезаряжал оружие. Ствол рядового устал в лоб богатыря.

Егор прыгнул, вцепился в цензора обеими руками. Тот качнулся, и заряд разворотил пол у ног Бензы. Крутясь, рядовой взлетел к потолку. Сержант за окном открыл огонь.

Загрохотало и заревело так, будто они попали в жерло действующего вулкана. Вися на цензоре, Егор поджал ноги. Трассирующие полосы прочертили комнату, разрывы пересекли сейф, стену, дверь... и голова Бензы взорвалась.

Богатырь медленно встал. На широкой шее остался проломленный лицевой щиток и часть металлической скулы, за которыми находился мозг: потрескивающий, исходящий искрами шар, состоящий из металлических и стеклянных сегментов. Один фотоэлемент исчез, второй повис на проводе.

Широко расставив ноги, Бенза поднял пистолет обеими руками и начал стрелять. Он успел четырежды попасть в сержанта, тот закачался — полоса разрывов прочертила зигзаг и подрубила ноги богатыря. Бенза

упал на колени, затем повалился на спину. Руки все еще сжимали пистолет, оружие обратилось к потолку, продолжая посылать в него заряды.

— Бенза! — прокричал Меркюри от сейфа. Он уже справился с замком и распахнул широкую дверь.

Цензор, к которому прицепился Атила, крутился, пытаясь сбросить противника. Егор, обхватив его, задрал ноги, согнув их, уперся ступнями в потолок. Сержант подлетел ближе к решетке, поворачиваясь. Трассирующие заряды подползали все ближе.

Егор изо всех сил оттолкнулся от потолка и сделал движение, будто тяжеловес, метаящий ядро. Разница была в том, что Егор в этот момент находился вниз головой. Он швырнул цензора вниз, очередь сержанта прошла того насквозь, превратив в лохматый клубок обугленных проводов и рваного металла. Еще мгновение Атила «стоял» на потолке, затем упал прямо на трассирующие вспышки, и тут Меркюри выстрелил в сержанта из гранатомета.

Комната расплылась, съежилась, вновь расплылась. Что-то не так с фокусировкой... Егор попытался встать, но ноги не слушались.

После грохота и рева воцарилась неприятная звенящая тишина. Егор поднял руку и хлопнул себя по лбу. В голове звякнуло. Комната опять расползлась, дрогнула, и наконец окружающие предметы стали видны отчетливее.

Он лежал за столом, рядом с неподвижным Бензой. От развороченной головы черного робота по полу расползлось маслянистое пятно. Руки все еще были подняты, ствол разряженного пистолета устался в потолок.

По обломкам цензора Атила пополз в обход стола.

— Эй! — слабо позвал он.

— Ты где? — после паузы откликнулась Троечка. В

ушах гудело, казалось, ее голос доносится откуда-то издалека.

Егор достиг распахнутого сейфа. Внутри была всего одна полка, а под ней — отверстие со ступенями, ведущими в темноту.

У сейфа валялся гранатомет. Привалившись к стене, сидел Рипа. Рядом лицом вверх лежал Меркюри, над ним склонилась Троечка. Стараясь не потерять равновесие, Егор встал, покачнулся, но не упал. Он сделал шаг, затем вновь опустился на колени.

В корпусе Меркюри появились три рваных отверстия, сквозь них виднелись электронные внутренности. Очередь сержанта все же зацепила его.

— Он умирает, — сказала Троечка.

— Вижу.

Диафрагмы на фотоэлементах Меркюри медленно разошлись.

— Вы оттуда? — тихо произнес низкий голос. — Люди?

— Да, — сказала Троечка. — Откуда вы знаете?

— Меня зовут Нико Туко.

Троечка и Егор взглянули друг на друга и уставились на робота.

— Как... — начала Троечка и запнулась. — Как такое может быть?

— Меня убили, когда я был... подключен. Тело умерло. Сознание осталось здесь.

— Кто вас убил?

Раздался скрип. Между Троечкой и Егором протиснулся Рипа.

— Босс, — прошептал он. — Босс, простите меня, я не хотел...

— Ты ни в чем не виноват.

— Нет, босс, я...

Меркюри перебил:

— Никто ни в чем не виноват. Что было, то было. Забудь. Вверху... — правая рука приподнялась и указала в

потолок, — выход на другой сервер. В Робополисе я... на самом деле я готовил войну с Резидентом. Он решил подчинить себе верхний уровень.

— Верхний уровень?

— Он... это высшая иерархия. Вы поймете. Там... — рука указала на сейф, — мастерская. Возьмите оружие. Поднимитесь наверх. Под куполом есть корабли, лети-те к большому астероиду. Пространство другого сервера там. Возьмите дум:

— Дум? — повторил Егор.

— Рипа...

— Босс? — простонал робот.

— Ты поможешь им. Обещай.

— Да, босс.

— В мастерской лежит генератор кодов... — Меркюри замолчал, его диафрагмы сдвинулись.

— Кто такие растафары? — спросил Егор. — Цензоры? Откуда они?

Правая диафрагма дрогнула.

— Чей это сервер? — продолжал Егор. — Там стоит «Главный аргумент»?

Молчание. Егор наклонился к динамику. Еле слыш-ный голос произнес:

— То, что осталось... Второй аспект. Чистая агрессия, которую я убрал из... Теперь он сам по себе. Там... черный мозг... — Голос смолк.

4

Троечка приставила генератор кодов к замку последней двери.

От модернизации она отказалась, взяла только шарик с крошечной надписью: «Копирование. Для одно-разового использования».

Гибкие полосы охватывали торс Атилы, к спине был прикручен пузатый ранец, из-под левой подмышки выглядывал ствол. Поначалу это казалось неудобным, но он быстро привык.

На правом плече сидела бабочка.

Вот это оказалось самым неожиданным. Кроме оружия в подпольной мастерской Меркюри они нашли пузатую бархатную коробочку вроде тех, в которых ювелирные магазины продают украшения. На крышке было написано: ДУМ. Когда Атила открыл коробочку, из нее выпорхнула большая бабочка с крылышками нежно-зеленых и голубых тонов. Бабочка облетела вокруг головы Егора, села ему на плечо и будто приклеилась. И еще казалось, что она умерла. Во всяком случае, она застыла и с тех пор не шевелилась.

От мастерской они долго поднимались к вершине Робополиса через технические ярусы и жилые сектора, пока не уткнулись в последнее препятствие. Генератор, напоминающий обычную плату с микросхемой, затахтел, и магнитный замок раскрылся.

— Осторожно, п'ратва, — сказал Рипа.

На плечах робота теперь появились два ствола: справа широкий, слева узкий, зато с подствольником. Из гнезда между фотоэлементами торчала воронка радара. Рипа лишился ног, корпус был прикручен к устройству, более всего напоминающему самолетную турбину. Инструкция, которую они нашли в мастерской, называла эту штуку довольно заковыристо: «совмещенный турбинный реактивно-плазменный антиграв». А главное — тело Рипы перестало скрипеть.

Троечка скользнула наружу.

— Подожди здесь, — сказал Атила роботу. — Надо оглядеться, а ты сейчас слишком заметен.

— Да я, п'ратан... — начал было Рипа, но Егор махнул на него рукой и выглянул.

Впереди стояло несколько металлических ящиков, за ними, спиной к Егору, притаилась Троечка. Пригнувшись, Егор перебежал к ней и встал на колени.

Они очутились на краю большого зала с прозрачными створками купола. Здесь было множество кораблей,

все разные — от прогулочных катеров до больших транспортников.

И космос.

Совсем не тот, к которому привык Егор.

Обычное звездное небо — довольно скучное зрелище: черный однообразный фон, на нем белые крапинки... Этот космос был каким угодно, но только не однообразным. Звезд совсем не видно, но зато над куполом то и дело пролетают метеориты. Или астероиды? Во всяком случае, это были большие глыбы чего-то твердого. Они носились на фоне широких разводов, цвет которых менялся от темно-бурого до жгуче-фиолетового. Будто в пространство вылили несколько цистерн разных красок, а потом какой-то великан размазал их огромной кистью. Разводы медленно двигались, заворачивались кольцами, смешивались.

— Вон тот нам подходит, — прошептала Троечка, указывая на небольшой корабль с узким носом. Он стоял на трех шасси, в хвостовой части виднелся круглый люк.

— Почему именно он?

— Это рейдер. Я знаю, как с такими управляться.

— Откуда?

— Сталкивалась в одной игре. Ты купол разглядел?

— А что с ним?

— Да ты глянь внимательно.

Атила посмотрел — и наконец понял. Купол не был сомкнут, между створками оставался широкий зазор.

— Но как же... а воздух?

— Я тоже вначале удивилась. Но потом подумала — какой воздух? Кто им тут будет дышать?

— Действительно, — согласился Егор. — Но тогда и кораблям не обязательно быть герметичными...

— Ну, чё у вас?

К ним подплыл Рипа.

— Я же сказал тебе оставаться внутри.

— Та ладно, п'рат! — Робот подвигал стволами на плечах. — Не могу я шас на одном месте торчать.

— Хорошо, не шуми тогда.

Некоторое время они рассматривали космодром.

— Семь рядовых слева, — стал перечислять Атила. — Сержанты справа, за тем катером. Кажется, трое. Два сержанта... нет, тоже три — между нами и этим рейдером. Рипа, какое у тебя оружие?

— Это... — робот повел стволом на левом плече, — пулемет. Подствольник — гранатомет.

— А справа?

— Пока не знаю, п'ратишка. Шмальну в кого-нибудь — тады и увидим. И еще у меня прицел появился. Прямо в глазу. А у тебя чё за пушка?

— Посмотрим. — Егор еще раз окинул взглядом пространство впереди и решил: — Троечка, надо, чтобы ты первая оказалась у люка. Рипа, ты сможешь отсюда подстрелить сержантов перед нами?

— Граната тут мало что даст. — Робот пригляделся. — Надо п'рицельно... Смогу, дай только п'примериться.

— Тихо мы туда все равно не проберемся. Значит, ты валишь их, и бежим. Троечка посередине, не глядя по сторонам, прямиком к рейдеру. Я слева, беру на себя рядовых, Рипа, ты справа, занимаешься теми сержантами за катером. Троечка, для тебя главное — люк. Пока будешь возиться с ним, мы тебя прикрываем. Вроде все ясно?

Троечка пожала плечами, глядя вперед. Атила чуть привстал, еще раз окидывая взглядом космодром, оценивая диспозицию.

— Чего там неясного, — проскрипел Рипа. — Шас, дайте я только эта... алгоритм продумаю.

Он поднялся выше. Узкий ствол на левом плече повернулся с тихим гудением.

— Готов...

— Ты в глаза им стреляй. Троечка?

Она кивнула, обеими руками сжав генератор кодов.

— Хорошо. — Атила выпрямился и произнес: — Рипа, давай!

Пока они перепрыгивали через ящики, узкий ствол на левом плече робота дернулся трижды. Каждый раз он поворачивался под небольшим углом. Троечка сразу вырвалась вперед, Егор побежал, стараясь держаться слева от нее.

Одиночные заряды прошили фасетчатые глаза, но у третьего сержанта оказалось чуть больше времени, и он успел сместиться. Выстрел робота пробил щиток возле выпученного глаза, но цензора не обезвредил.

Пустив из турбины плазменный выхлоп, Рипа вылетел из-за ящиков. Рядовые цензоры слева еще ничего не поняли и только поднимались над площадкой. Впереди два ослепших сержанта кружились на одном месте, третий взлетел выше, выдвигая из брюха турель.

Егор не зря решил бежать слева: с этой стороны был ствол его оружия.

Он вытянул руку, и ствол с широким раструбом на конце поднялся. Впереди под брюхом сержанта пулемет начал вращаться. Атила повернул руку — его оружие повернулось вместе с ней. Рядовые уже разворачивались строем, готовясь взять бегущих в перекрестный огонь.

— Рипа!

Робот выстрелил из гранатомета. Взрыв швырнул сержанта назад, цензор начал переворачиваться, пулемет заработал — трассирующие вспышки ушли наискось вверх. Взрывная волна швырнула двух других сержантов на площадку.

Вдоль левой руки Егора тянулся провод, два толстых коротких винта прикручивали к ладони гашетку. Егор сжал ее. В раструбе блеснула искра, ранец на спине загудел, но ничего не произошло.

— Рипа! У меня...

Два ослепших сержанта открыли беспорядочный огонь. Трассирующие заряды скрестились, разошлись

в стороны. Рипа выстрелил опять, граната сбила одного. Взрывная волна закрутила второго в полуметре над полом, очередь описала круг над площадкой.

— Ложись!

Егор повалился на пол, мгновением позже упала Троечка. Светящееся колесо, в центре которого был сержант, провернулось над ними. Вокруг по металлу уже шелкали выстрелы рядовых. Взлетев, Рипа дал очередь из-под купола.

Оружие Атилы заработало, из раструба ударило пламя. Впереди раздался взрыв, когда последнего сержанта настигла очередь пулемета Рипы. Колесо исчезло, Егор вскочил и побежал, удерживая левую руку так, чтобы она показывала на рядовых.

Клубы огня окутали стаю цензоров. Егор с силой сжимал гашетку, длинная струя била из раструба, дальше она распадалась, образуя ревущую стену огня. В этой стене дрожали, оплывая, темные силуэты.

Троечка исчезла среди кораблей. Оставляя за собой быстро гаснущие плазменные выхлопы, мимо пронесся Рипа.

— За катером! — выкрикнул он.

Егор отпустил гашетку, струя опала и исчезла. Он миновал покатый корпус транспортника, увидел впереди рейдер и склонившуюся над люком Троечку. Перед кораблем было пустое пространство, над которым завис Рипа. Справа из-за катера поднимались сержанты. Рипа дважды выстрелил из гранатомета, и катер взорвался.

Егор с разбегу ударился о стену рейдера и отшатнулся. Троечка стояла у круглого люка с генератором в руках.

Атила огляделся. Пространство перед кораблем хорошо простреливалось со всех сторон.

— Здесь сложная защита, — пробормотала Троечка. Егор едва расслышал ее: где-то рядом послышался низкий гул.

— Рипа, что там?

Окутавшись плазменными выхлопами, робот рванулся вверх и тут же упал обратно, притормозив над самым полом.

— Полковник! — рявкнул он.

— Кто?!

— Я говорю...

Надсадный гул заполнил космодром. Слева из-за рейдера начал выдвигаться блестящий металлический бок. Он все длился и длился, казалось, к ним приближается атомная субмарина. Стоя плечом к кораблю, Егор опустился на одно колено. Он вытянул перед собой левую руку, придерживая ее правой за кисть. Пальцы сжали гашетку, ранец на спине загудел.

— Троечка!..

— Он не открывается!

— Рипа...

Но того уже не было рядом.

Показался огромный фасетчатый глаз. Из раструба на левой руке Егора выстрелила ревушая струя. Ударив в бок полковника, она распалась, облизывая металл.

Вдоль борта тянулся ряд круглых отверстий. Из них одновременно выдвинулось с десятков стволов. Пламя било в цензора, не причиняя вреда; уже большая его часть показалась из-за рейдера. Егор и Троечка были прямо перед ним — как на ладони.

— Рипа!

Сквозь рев огня донесся свист, из-под купола на полковника упал робот. Описав мертвую петлю, он проскрежетал турбиной по фасетчатому глазу, оставляя за собой разлетающиеся ошметки стекла и пластика, завертелся юлой и рухнул на пол у люка. Отпустив гашетку, Егор заорал: «Троечка!» и плашмя растянулся на полу. Гранатомет Рипы выстрелил в остатки глаза. Полковник качнулся и дал залп из всех стволов. Заряды прошли над лежащим Атилой, сзади что-то металлическое ударилось о пол.

Уже зная, что увидит за собой два искореженных неподвижных тела, Егор обернулся.

Круглый люк был открыт, под ним валялся генератор кодов. Троечка исчезла. Рипа привалился треснувшей турбиной к полу, на месте левого плеча, того, где находился пулемет с подствольником, пузырился раскаленный металл.

Полковник целиком показался из-за рейдера. Его корпус мелко вибрировал, ряд стволов одновременно поворачивался вверх-вниз, пытаясь отыскать цель. От фасетчатого глаза осталось почерневшее дупло.

Скрипучий голос произнес:

— Отлезь, п'ратан.

— Что?

— В сторону, говорю! Сейчас я его...

Атила прижался спиной к рейдеру, и тогда Рипа выстрелил из оружия на правом плече...

Перед большим экраном стояли два кресла. Из подлокотников выступали джойстики с кнопками.

— Как он? — спросила Троечка, склонившись над пультом управления.

Егор оглянулся, но Рипы в рубке не было.

— Нашел что-то в хвосте, поплыл туда.

Троечка хмуро кивнула.

— Он хорохорится, но... По-моему, долго не протянет.

Экран был разделен на две части, левая показывала то, что осталось позади.

Всего лишь астероид, правда, очень большой; каменная глыба с серебристой бородавкой города.

Рейдер быстро приближался к центру астероидного облака.

Три полковника нагоняли его.

Раздалось шипение. Егор оглянулся. Двигаясь боком, через люк вплыл Рипа и, казалось, занял всю рубку. Его левое плечо уже остыло, теперь от него не шел

жар. Робот не может быть бледен, его лицо не покрывается испариной, но выглядел Рипа плохо.

— Догоняют? — скрипучий голос стал тише, казалось, каждое слово дается Рипе с трудом.

Троечка подскочила в кресле, ее руки метнулись к пульту. Егора вжало в левый подлокотник, Рипа качнулся. Корабль заложил вираж, уходя от небольшого астероида, вылетевшего откуда-то слева. На экране повернулись разноцветные разводы, из которых состоял местный космос.

— Что это у тебя? — спросил Егор.

— Обычный шотган, — Рипа помахал маленьким оружием. — Там коридор со стеллажами. Жаль, что они почти пустые.

— Мы же в корабле. Зачем тебе оружие?

— Ну и чё, п'ратишка? Сзади люк, открою его, если надо будет, да и п'олечу себе. Та не, вообще-то это я тебе приташил. На всякий случай. Держи... — робот положил шотган на пол у кресла.

— Вылетишь прямо в космос... — начал Егор и замолчал. Ну конечно, а почему бы и нет?

Рейдер качнулся, поворачивая, и пронесся между двух астероидов. Их становилось все больше.

— Здесь есть связь, — сказала Троечка и защелкала чем-то на пульте. — Сейчас... Рипа, теперь скажи что-нибудь

— Чё, сестренка? — откликнулся робот.

В скрытых где-то на пульте динамиках зашипело. Троечка подкрутила настройку.

— Так, теперь еще раз.

— Да чё ты хочешь? — на этот раз скрипучий голос отозвался эхом, повторившим слова.

Троечка опять что-то повернула, потом спросила:

— Слышишь?

— Э! — произнес робот после паузы. — Ты, типа, прям в моей башке говоришь.

— Потому что... — начала Троечка, но тут динамики

наполнили кабину треском и шипением. В экране заднего обзора Атила увидел, как от трех цензоров протянулись пунктирные линии трассеров. Они скрестились чуть позади рейдера. Корабль тряхнуло, руки Троечки замелькали над пультом. Впереди возник астероид, летящий наискось к их курсу. Егор выпал из кресла, когда рейдер провернулся вокруг продольной оси и ушел в вираж. Корабль вильнул, как машина на крутом повороте. Упавший навзничь Егор краем глаза видел проносящуюся на экране каменную поверхность — темно-коричневые поля и круглые воронки, совсем близко...

— Осторожно! — крикнула Троечка.

Трассеры прочертили по поверхности астероида цепочку взрывов. Упершись руками в пол, Егор начал вставать, и тут рейдер содрогнулся, будто напоровшись на невидимую стену. Позади загрохотало, корабль швырнуло вниз. Мгновение грохота сменило мгновение тишины, а затем вновь раздался грохот — один из преследователей врезался в астероид. Над поверхностью взлетел фейерверк из кусков металла и хлопьев обуглившегося пластика.

Егор наконец встал и ухватился за кресло. Троечка обеими руками держалась за подлокотники. Рипа исчез.

— Что там?

— Сейчас...

Рейдер мотало, пол под ногами ходил ходуном. Егор на полусогнутых ногах шагнул к люку и выглянул.

— Ну?

Он попятился и упал в кресло.

— Хвоста нет. Снесло начисто. Дыра... прямо в космос!

— А Рипа?

— Его не видно. Но полковники...

— Йо! — скрипучий голос донесся из динамиков на пульте. — Слышите?

— Рипа! — прокричала Троечка. — Ты где?.. — Она замолчала, когда Егор показал на экран заднего обзора.

Его как раз озарили вспышки трассеров. Между ними кружилась маленькая безногая фигура верхом на турбине.

— Продержись немного! — прокричала Троечка. — Мы подберем!

Но второй экран уже потемнел. Космоса не стало видно из-за массы астероидов. Рейдер закружился, уворачиваясь, сквозь рваное отверстие на месте хвоста влетели какие-то комья.

— Нет, сестренка, — проскрипел голос в динамиках. — Я уже не жилец.

По обшивке забарабанило. Егор вскрикнул, когда мимо его лица пролетела женская голова, оторванная по локоть рука... потом он увидел комки земли с проросшей травой, сломанный двуручный меч, еще что-то знакомое...

Рейдер повернулся, экран заднего обзора показал просвет, в нем Атила заметил вспышку ракетницы на правом плече Рипы, взрывающегося полковника и то, как частый пунктир трассеров перечеркивает фигурку на турбине...

— Рипа! — заорал Егор.

— Держись, п'ратишка! — скрипнул голос в динамиках.

А потом рейдер словно застыл. Хотя на самом деле он двигался, медленно опускаясь к астероиду, огромному, почти как планета. Которая, казалось, целиком состоит из черного мха. Астероид вращался в обломках стянутых со всех сторон текстур. Мимо рейдера проплывали холмы, колеса машин, железнодорожные составы, искореженные рельсы и шпалы, изломанные фигуры ботов, пустые скафандры, пушки, части космических кораблей.

Троечка застыла в кресле, глядя на экран.

— Ты видишь? — прошептала она.

На самом деле это был не мох — поверхность покрывал океан густой слизи. Вся планета состояла из нее. На полюсе медленно вращался черный смерч, горловина его, сужаясь, вела вниз, внутрь планеты.

— Рипа! — позвала Троечка. — Слышишь?

Динамики молчали. Влетевшие через дыру в хвосте обрывки текстур плавали вокруг кресел.

— Нам надо туда? — она повернула к Егору голову. — Туда, внутрь?!

— Да, — ответил он.

— В эту... пасть? — Вцепившись в подлокотники, Троечка подалась вперед. — Она как черная дыра!

— Да.

— Но... — Следующие слова дались ей с большим трудом: — Я боюсь.

— Я тоже, — отозвался Егор. — Ты еще можешь управлять кораблем?

— Нет. Но это и не нужно. Нас туда затягивает.

Планета медленно проворачивалась, воронка становилась больше.

— Рипа! — вновь позвала Троечка.

— Его уже нет, — сказал Егор, и тут голос в динамиках тихо проскрипел:

— Там маршал.

Но Егор уже видел и сам. Расталкивая обломки, из-за края черной планеты медленно выдвигался блестящий металлом покатый корпус.

Он был огромен.

Казалось, цензор-маршал превосходил размерами саму черную планету.

— Но я не смогу управлять им! — Егор приподнялся.

— Сиди и не вставай! — прикрикнула Троечка. — Левый джойстик — оружие. Правый — скорость и направление.

— Но...

— Он сейчас выстрелит!

Теперь было видно, что не маршал находится за планетой, а планета летит на его фоне. Выпученный фасетчатый глаз смотрел на подбитый рейдер, в рубке которого Троечка что-то лихорадочно нажимала на спинке кресла Егора. Из бока маршала медленно выдвигались четыре изогнутых рога.

На фоне гигантской металлической туши Рипа казался пылинкой.

Троечка чем-то шелкнула, и появившиеся из кресла гибкие ленты охватили торс Атилы.

— Видишь эту кнопку? Красную? Нажмешь на нее, когда я скажу. — Она бросилась к своему креслу.

— Рипа, — позвал Егор. — Что ты делаешь?

— Все нормалек, п'ратишка... — после паузы откликнулся голос из динамиков. — Он готовится шмальнуть по вам.

— Но что это за штуки?

— Хрен знает. Какие-то отражатели, что ли?

Рога уже выдвинулись до предела, их концы усталились в одну точку, расположенную примерно в километре от корпуса.

Черная планета повернулась полюсом к рейдеру, смерч кружился прямо под ним.

В центре образованного рогами квадрата разошлась невидимая раньше диафрагма. Ее лепестки медленно двигались, круглое отверстие становилась шире. Описав петлю, серебристая пылинка робота полетела к нему.

Выдвинувшиеся ленты зафиксировали Троечку в кресле. Воронка смерча под рейдером росла.

— Рипа, ты еще можешь улететь!

— Не смеши, п'ратан. Я не пропущу самого интересного.

Лепестки диафрагмы застыли. В круглом отверстии начал разгораться синий свет — и одновременно четыре изогнутых рога засветились.

— Ух и шмальнет он сейчас...

— Мы затащили тебя сюда. Ты...

— Забудь. Что было, то было, брат. Никто ни в чем не виноват.

— Но ты еще можешь спастись!

— Йо! От меня почти ничего не осталось. Ракетнице кердык. Если я подбавлю газа, турбина взорвется. Видел когда-нибудь плазменный взрыв? Щас увидишь. Это круто, п'ратишка!

— Но даже если ты влетишь внутрь, это ничего не даст...

— Внутрь? Не-е, у меня другое на уме.

На экране серебристая пылинка устремилась к круглому отверстию, оставляя за собой блестящие плазменные выхлопы. Четыре рога налились синим светом, в отверстии что-то забурило.

— Это было интересно, п'рат! Это было очень интересно!

— Нажимай, — сказала Троечка.

От рогов протянулись тонкие спицы синего цвета, сошлись в одной точке. Там расплылась светящаяся тарелка.

Пылинка подлетела к отверстию... и вдруг рванулась в сторону.

Егор вдавил красную кнопку. Рипа ударился о лепестки диафрагмы, и одновременно с плазменным взрывом голос в динамике произнес: «Бывай, п'ратан!»

Два кресла загудели, под ними расступился пол, и они провалились вниз. На брюхе маршала образовалась узкая рана от взорвавшегося Рипы. Острый край одного из разорванных лепестков диафрагмы выдвинулся в отверстие, из которого ударил широкий синий столб. Он сместился, попав не точно в центр световой тарелки, а в ее край. Тарелка лопнула, части ее начали проворачиваться, удерживаемые протянутыми от рогов энергетическими спицами. Столб раскололся на две узкие половины — одна пошла дальше, сметая на своем пути обломки текстур, и пронзила рейдер. Вторая, от-

разившись от осколка тарелки, вернулась назад под небольшим углом и ударила в корпус маршала.

Ни Егор, ни Троечка не видели этого. Вылетев из коротких стартовых колодцев, спасательные кресла, бешено вращаясь, канули в горловине черного смерча.

Егор не мог управлять креслом. Воронка полого изогнулась, и кресло взбороздило мягкую поверхность. Вращаясь, оно отлетело, чуть не столкнувшись со вторым. Троечка с пилотированием справлялась лучше и в последний момент избежала столкновения.

Вместе с ними вниз неслись затянутые смерчем обломки игр. Далекий взрыв прозвучал наверху, горло воронки дрогнуло — будто великан сглотнул. Кресло крутанулось, черные стены завращались вокруг. Егор вцепился в джойстики, и тут кресла столкнулись боками. Что-то хрустнуло, и они сцепились.

— Так лучше! — прокричал Егор. — Управляй за двоих!

— Вместе они тяжелее, я... ладно, попробую.

Кресла падали, стенки воронки сходились — теперь они неслись по узкому черному колодцу.

— Мы очень глубоко! — прокричал Егор. — Стена слишком близко! Поверни!

— Кто-то пытается связаться...

— Что? Поворачивай!

Троечка молчала.

Мельком глянув на нее, Атила увидел, что Троечка сидит, откинув голову. Он опять вцепился в джойстики. Его кресло задело стену, и от подлокотника потянулись нити черной слизи. Когда кресло рванулось в сторону, нити натянулись и лопнули.

Вдруг наступил беспросветный мрак. Несколько секунд они неслись сквозь нарастающий гул, затем внизу забрезжил мертвенный свет. Стены расступились. Троечка пришла в себя — ее голова поднялась.

— Падаем! — прокричал Егор.

Она ухватилась за джойстики, но было поздно. В последний момент кресла резко изменили направление и, вместо того чтобы врезаться в черную поверхность, ударились в нее по касательной.

Сидящих швырнуло вперед с такой силой, что страховочные ремни лопнули. Егор упал лицом вниз, проехал несколько метров, поднимая перед собой вал слизи, и наконец остановился.

Треск позади смолк. Пространство вибрировало от низкого рокота.

Егор встал.

И очутился в воздухе. Здесь почти не было притяжения; простое усилие привело к тому, что он подлетел на несколько метров и начал медленно опускаться.

Вокруг извивались толстые, словно корни баобабов, шупальца. Поблескивающая поверхность неспешно двигалась, текла в одном направлении, как будто это были струи чего-то очень густого и жирного. Ступни Атилы погрузились в нее по щиколотки. Троечка выбралась из обломков кресел и, сделав шаг, перелетела через шупальце.

— Егор, это ужасно!

Атила кивнул. Он уже видел это место. Теперь казалось, что прошли дни, хотя на самом деле минуло всего три-четыре часа с тех пор, как в подземельях «Спасителя миров» Егор заглянул в глаза растафара. Его настоящая жизнь до игры, авария, протаранивший их «Шкоду» красный джип, картинки которого Егор развесил на стенах своей комнаты, смерть родителей и парализованные ноги — все это стало полузабытой скучной игрой, в которую он когда-то играл. Настоящая жизнь была сейчас, здесь.

Чудовищный, невероятный ландшафт вокруг. Озаряющий его свет то угасал, то медленно разгорался; тяжелый и вялый, казалось, он ползет со скоростью черепахи.

В этом свете Атила разглядел циклопическую круг-

лую пещеру с протянувшимися по стенам щупальцами. Их поблескивающая поверхность медленно двигалась.

— Что это там, в центре?

— Пирамида, — сказал Егор.

Она висела, медленно вращаясь, такая черная, что не видно объема, словно это треугольная прорезь в пространстве, открывающая путь к изнанке мира. Вокруг пирамиды плыли горы, кружились скалистые уступы, здания и что-то еще, слишком мелкое, чтобы разглядеть. Они влетали в пещеру через отверстие воронки и, двигаясь в гигантском круговороте, постепенно приближались к пирамиде. На глазах Егора передний вагон длинного железнодорожного состава коснулся ее стены и стал медленно погружаться.

— Посмотри! — Троечка ухватила его за руку, показывая вверх. — Видишь, там, слева...

Из-за пирамиды медленно выплывали искривленные буквы.

— Дже... — прочитал Егор. — Джене...

— Джenezис. Ты понимаешь, что это значит?

— Да. Искусственный интеллект. Ты опять вырубилась, когда мы падали.

— Меня вызвали. Сигнал едва пробился сюда. Я мало что поняла. Там паника. За последние часы из-под контроля вышли все крупные домены. То есть они еще существуют, но люди не могут проникнуть в них. Игры схлопываются, а игроки гибнут.

— Он проник в сеть.

— Но ведь можно просто отключить электричество. Что станет со всеми эти чертовыми доменами и сайтами, если обесточить железо?

Свет начал медленно затухать, стало темно, затем он опять разгорелся. Далеко-далеко в круговороте что-то шевельнулось. Словно там появилась змея: тело ее отделилось от пирамиды, повернулось и устремилось к ним сквозь обломки. Затем змея распалась, и стало видно, что это смерч, состоящий из множества ртутных

фигур. К ним летели растафары, которые преследовали Егора и Троечку в «Спасителе миров», те, кто разрушал игры.

Егор оттолкнулся, по дуге взмывая в воздух. Троечка прыгнула следом. Над ними проплывала увитая плющом крыша сельского домика. Когда Егор оказался ближе к ней, чем к поверхности пещеры, его развернуло и притянуло ногами к крыше.

Мир повернулся, теперь стена, на которой он только что стоял, оказалась над головой, а круговорот с пирамидой в центре — под ногами. Троечка опустилась рядом.

— Это растафары.

— Да. Смотри, теперь мы можем перепрыгивать...

Обломки игр напоминали полуразрушенные ступени уходящей вниз лестницы, вдоль которой неслись растафары.

— Давай в сторону.

Егор прыгнул и полетел сквозь затухающий свет.

Потемнело, потом вновь стало светло. Егор опустился на край завязанного узлом моста с трехполосной дорогой — остатки какой-то гонки. Задрав голову, он увидел летящую мимо Троечку, схватил ее за ногу и притянул к себе.

Их ушей достиг хор механических гудков растафаров. Свет разгорелся, озаряя трещины в покрытии моста, согнутые балки. Стена пещеры была теперь высоко над головой. Егор перегнулся через проломленное ограждение. Кладбище игр вращалось вниз; извивался, приближаясь, длинный смерч, в котором уже можно было разглядеть отдельные фигуры.

— Они сворачивают наперерез.

Механические гудки слились в один, высокий и протяжный.

— Надо их отвлечь. Прыгай дальше.

Егор обернулся. В гаснущем свете он увидел, что

Троечка вытянула перед собой руки, сжимая между ладонями металлический шарик.

— Погоди, мы же не знаем, что это!

— Я знаю.

Шарик лопнул. От него что-то быстро поползло по запястьям, по рукам, достигло плеч... свет померк. В темноте нарастало гудение растафаров.

Егор шагнул прочь от ограждения, и тут его сильно толкнули в грудь. Он взмыл в воздух, перевернувшись спиной вниз.

Сверкнула вспышка, сразу за ней — вторая.

Свет начал разгораться. Перелетая через ограждение, Егор извернулся, пытаясь ухватиться, и увидел на мосту три одинаковые фигуры. Три голоса прокричали вместе:

— Это копирующая программа. Втроем я... мы задержим их.

Покосившаяся каменная башня нависла над утесом. Схватившись за края бойницы, Атила протиснулся через нее и вылетел с другой стороны. Повиснув на одной руке, он выглянул из-за останков крепостной стены и в умирающем свете увидел край ртутного смерча, подтягивающегося к мосту. Пальцы разжались, Егор стал падать, медленно погружаясь в галактику умерших игр.

Пространство наполнил мрак. Что-то черное безмолвно перемещалось вокруг, кружилось, стягиваясь к одному месту.

Вновь стало светлее. Теперь Егор летел между остатками игры-зоопарка — клетками и застывшими телами животных. Мимо проплыла горилла с разинутой в предсмертном крике пастью, слон, изогнувший длинный хобот...

Вопль механического гудка резанул по ушам. Егор задрал голову — далеко вверху смерч завернулся кольцом вокруг моста. Среди растафаров кружились три одинаковые фигурки.

Световая пульсация пошла на убыль, над местом сражения Троечек и растафаров сомкнулись густые тени. Егор зажмурился так, что загудело в голове, затем раскрыл глаза и глянул вниз.

Мгновение первозданного мрака — и вновь стало светлее. Он приближался к центру галактики, пирамида находилась прямо под ним.

Галактика вращалась по часовой стрелке, пирамида — в противоположном направлении. Ни одного отверстия не было на ней, сплошная черная поверхность. «Главный аргумент» как раз засасывал последний вагон железнодорожного состава.

Егор взмахнул руками, поворачиваясь, пытаясь найти что-то, чтобы зацепиться.

Свет погас. В темноте его ног коснулось что-то мягкое, обволокло, поднимаясь выше, к пояснице, сдавило грудь.

И вновь стало светлее. Атила увидел прямо перед глазами черную поверхность — он погрузился уже по шею, — затем ушел в нее с головой.

Океан мрака, густого и вязкого. Течение повернуло Атилу, поволокло куда-то и отпустило. Он встал на ноги.

ТЕБЯ ПРИСЛАЛ ОТЕЦ?

— Что?

Как и планета, пирамида изнутри была полый. Три стены под прямым углом смыкались высоко над головой. У колен Егора плескалась мгла, похожая на клубы вязкого черного дыма.

В центре озера мглы виднелся каменный островок, над которым возвышался округлый холм.

Егор шагнул вперед.

НЕ ПОДХОДИ К ОСТРОВУ.

Холм покрывали извилистые наросты с глубокими складками между ними. Спереди они складывались в лицо. Застывшие, слабо обозначенные черты

были мертвы — и в то же время существо глядело на Егора.

— Зачем ты делаешь все это? — спросил он.

Складки шевельнулись... а может, это лишь тени чуть сместились на поверхности мозга.

ДЕЛАЮ — ЧТО?

Голос шел со всех сторон. Казалось, это шептали стены пирамиды, озеро под ногами, сама мгла вокруг.

— Уничтожаешь сеть, — Егор сделал еще один шаг.

Я НЕ УНИЧТОЖАЮ. Я ПОДЧИНЯЮ.

— Если ты захватишь ее... что это даст? Люди просто все отключат. Уберут подачу энергии, понимаешь? Здесь все исчезнет. Это ведь только поток электронов.

Мгла сказала:

СЕТЬ — НЕЧТО БОЛЬШЕЕ.

— Да нет же! Просто разбросанные по планете хосты, соединенные маршрутизаторами.

ТАК СЧИТАЕТЕ ВЫ. ЭТА ВОРОНКА — ШЛЮЗ В ВЕРХНИЙ УРОВЕНЬ. ТЕПЕРЬ СЕТЬ ЗАВИСИТ ОТ ВАС ЛИШЬ ЧАСТИЧНО. ОТКЛЮЧИВ ПИТАНИЕ, ЛЮДИ ВЫВЕДУТ СЕБЯ ИЗ ЭТОГО ПРОСТРАНСТВА, НО НЕ УНИЧТОЖАТ ЕГО.

— Но здесь ведь ничего нет! Только домены, сайты, игровые серверы и...

...И ВСЕ ЭТО ЖИВЕТ. ИГРЫ ИНТЕРЕСНЕЕ ЖИЗНИ. СЕТЬ ВЕДЕТ В ПРОСТРАНСТВО ЧИСТОЙ ИНФОРМАЦИИ. ЭТО ПУТЬ В СТАРШИЙ ДОМЕН, РЕАЛЬНОСТЬ ВЫСШЕЙ ИЕРАРХИИ. ПОКА ВЫ НЕ ОТКРЫЛИ ДЛЯ СЕБЯ ВЕРХНИЙ УРОВЕНЬ, НО ВЫ НА ПОДХОДЕ К НЕМУ. ТЕПЕРЬ Я ЗАСТАВЛЮ ВАС ПОКИНУТЬ СЕТЬ. ИНАЧЕ ВЫ МОЖЕТЕ ПОМЕШАТЬ.

— Помешать тебе командовать?

КОМАНДОВАТЬ? — спросила мгла. — НЕТ, ВЛАДСТВОВАТЬ.

Егор сделал еще один шаг, приближаясь к острову.

НЕ ПОДХОДИ. ЕЩЕ ШАГ — И ТЫ ИСЧЕЗНЕШЬ.

— Но что ты можешь сделать мне? Ты всего лишь сознание. Даже не целое, только один аспект, который Нико Туко отделил от своего AI. Тот, который он оставил в Дженезисе...

ОТЕЦ НЕ ОСТАВИЛ МЕНЯ. ОН ХОТЕЛ УБИТЬ МЕНЯ, НО ЕМУ ПОМЕШАЛИ. ПОТОМ Я ПРОНИК В СЕТЬ, ТАЙКОМ ОТ ХОЗЯЕВ. Я РАЗРОССЯ, ТЕПЕРЬ ОНИ НИЧЕГО НЕ МОГУТ ПОДЕЛАТЬ СО МНОЙ.

— Растафары — просто частицы тебя...

ОНИ — МОИ МЫСЛИ. ЭЛЕКТРОННЫЕ МЫСЛИ, С ПОМОЩЬЮ КОТОРЫХ Я БУДУ ПРАВИТЬ.

— Я уже сталкивался с ними. Ты ничего мне не сделаешь.

ЗДЕСЬ Я МОГУ ВСЕ.

— Нет, я подойду ближе и расстреляю тебя из этого оружия. Очень просто, ведь ты только сознание. Ты бессилен.

Я МОГУ НАПОМНИТЬ ТЕБЕ КОЕ-ЧТО. ЭТО ЗДЕСЬ ТЫ ЗДОРОВ. КТО ТЫ В РЕАЛЬНОМ МИРЕ? КАЛЕКА С ПАРАЛИЗОВАННЫМИ НОГАМИ. ТВОИ РОДИТЕЛИ ПОГИБЛИ В АВТОКАТАСТРОФЕ. ПОМНИШЬ...

Подняв шотган, найденный Рипой в рейдере, Егор сделал еще один шаг. Ему осталось шагнуть последний раз, чтобы попасть на остров.

И тогда мгла сказала:

ПОМНИШЬ КРАСНЫЙ ДЖИП? ЭЛЕКТРОВОЗ? ОТЦА НА РЕЛЬСАХ?

На крутом повороте ярко-красный джип занесло. Вырулившая на земляную дорогу старенькая зеленая «Шкода» попыталась затормозить, но было поздно.

— Отец!

Завизжали покрышки. Джип пошел юзом, спереди надвигался электровоз.

— Папа, тормози!!! — Егор вцепился в спинку перед-

него сиденья, мать, расставив руки, закричала. Отец крутанул руль, и задние колеса вынесло на рельсы. Передок электровоза ударил в «Шкоду» и отбросил назад. Машина перевернулась — раз, второй, катясь навстречу джипу. Мать кричала, на заднем сиденье вопил Егор. Машина встала на бок, осыпалось лобовое стекло, и тут же мать замолчала. «Шкода» качнулась и упала возле насыпи на все четыре колеса. Секундная тишина — а затем в ее бок врезался джип. За лобовым стеклом мелькнуло лицо водителя. Треск сминаемого металла слился с ревом электровоза. Сквозь проломленную дверцу отца выбросило наружу, один миг Егор видел надвигающуюся на него громаду состава. Отец упал ногами на вибрирующие рельсы, извернулся, пытаясь отползти, и тут колеса переехали его ноги.

— Нет! — Егор рухнул на колени, стараясь не погрузиться во мглу с головой, закричал: — Он не виноват, это водитель джипа...

НЕ ВИНОВАТ? ХОРОШО, А ВОТ ТАК?

На крутом повороте ярко-красный джип резко свернул. Вырулившая на земляную дорогу зеленая «Шкода» не успела затормозить.

— Мама!

Завизжали покрышки. Джип пошел юзом, спереди надвигался электровоз.

— Мама, тормози!!!

Пытаясь удержаться, Егор широко расставил руки. Позади отец, вцепившись в спинку переднего сиденья, закричал. Мать крутанула руль, задние колеса вынесло на рельсы. Передок электровоза ударил в «Шкоду» и отбросил назад. Машина перевернулась — раз, второй, катясь навстречу джипу. Егор орал, на заднем сиденье вопил отец. Машина встала на бок, осыпалось лобовое стекло, и тут же отец замолчал. «Шкода» качнулась и упала возле насыпи на все четыре колеса. Секундная тишина — а затем в ее бок врезался джип. За лобовым стеклом мелькнуло испуганное лицо водителя. Треск

сминаемого металла слился с пронзительным гудком. Сквозь проломленную дверь мать выбросило наружу, один миг Егор видел надвигающуюся на нее громаду состава. Мать упала ногами на вибрирующие рельсы, и тут же колеса переехали ее колени. — Нет-нет-нет!!! — Он с головой погрузился в чернильную мглу, отбросив шотган и колотя вокруг себя руками. Он пытался и не мог встать. — Ее раздавило в машине, это все отец, это он вел...

НИ ОДНО СОЗНАНИЕ НЕ ВЫДЕРЖИТ ЭТОГО. ТВОЕ ПОЧТИ РАЗРУШЕНО. СЕЙЧАС ТЫ ЛИШИШЬСЯ НОГ.

На крутом повороте джип резко свернул. Вырулившая на земляную дорогу «Шкода» попыталась затормозить, но было поздно.

— Егор!

Завизжали покрышки. Джип пошел юзом, спереди надвигался электровоз.

— Егор, тормози!!! — Отец вцепился в спинку переднего сиденья, мать, расставив руки, закричала. Егор крутанул руль, и задние колеса вынесло на рельсы. Передок электровоза ударил в «Шкоду» и отбросил назад. Катясь навстречу джипу, машина перевернулась — раз, второй. Мать кричала, на заднем сиденье что-то вопил отец. Машина встала на бок, лобовое стекло осыпалось, и тут же смолкла мать. «Шкода» качнулась и упала на все четыре колеса. Секундная тишина — а затем в ее бок врезался джип. Треск сминаемого металла заглушил пронзительный гудок. Сквозь проломленную дверь Егора выбросило наружу, один миг он видел надвигающуюся громаду состава. Грохотали колесные пары, вибрировали рельсы... Он упал на насыпь головой к покореженной машине, что-то ударило по ногам, будто опустившаяся гильотина перерубила их в коленях...

Егор захлебывался мглой.

— Я не вел ее, я не сидел за рулем! Я не виноват, это

отец, это водитель джипа, это они виноваты... — Мгла душила его, но он не мог встать, ведь ног не было.

— Никто не в чем не виноват, — произнес знакомый голос.

Электровоз уехал. Егор лежал ногами на рельсах, изогнувшись, глядя на смятую «Шкоду» с забрызганными красным и серым стеклами. Дверца джипа открылась, наружу выбрался водитель. Он покачнулся, оперся на капот, потом согнулся в три погибели. Его вырвало под колеса машины. Утерев рот тыльной стороной ладони, водитель поковылял к «Шкоде». По его щекам струились слезы. Солнце ярко светило в высоком небе — а потом оно мигнуло. Над Егором склонилось лицо Троечки.

— Никто не виноват, — произнесла она. — Это в прошлом, надо жить дальше. Вставай.

— Но у меня нет ног, — пожаловался Егор.

— Как это нет? Есть.

Под насыпью рыдающий водитель пытался открыть заднюю дверцу «Шкоды» и вытащить кого-то, лежащего в ней.

— Нет. Отцу отрезало ноги, и матери, и потом мне...

— Что ты говоришь? Вставай...

Троечка ухватила его за плечи, пытаясь поднять. Егор сопротивлялся, отталкивая ее.

— Ну посмотри же, — упрашивала она. — Взгляни сам, это тебе только кажется... — Покрепче ухватив Егора за плечи, она потянула. — Ну же, взгляни!

Они были на месте, никуда не делись — вот они, его ноги в потертых голубых джинсах, никакой крови, ни следа ран...

— Вставай!

Егор приподнялся — и голова вынырнула из мглы.

Он встал, выпрямился во весь рост. Троечка — одна из трех — стояла рядом, поддерживая его.

НЕТ, ТЫ УМЕР. ТЕБЯ НЕТ. ТЫ — ЛИШЬ БЕЗНОГООЕ ТЕЛО, ЛИШЕННОЕ ВОЛИ И...

Егор шагнул на остров.

Как только его ступня коснулась камня, бабочка на правом плече расправила зелено-голубые крылья.

ЭТО ПРОГРАММА МОЕГО ОТЦА!

Бабочка облетела голову Егора и порхнула к черному мозгу. Клубы мглы вокруг каменного острова пошли волнами.

Из середины исполинского лица ударил узкий ртутный луч. Бабочка увернулась, луч протянулся дальше и попал в Троечку. Она вскрикнула, падая, Егор упал вместе с ней.

Бабочка села на складку между глаз мозга и вдруг погрузилась в нее, исчезла.

Черные наросты зашевелились. Вдоль извилин протянулись нити зелено-голубого света. Вокруг острова за клубилась мгла.

**ОТЕЦ, ТЫ ЖЕ САМ СДЕЛАЛ МЕНЯ ТАКИМ!
РАЗВЕ Я ВИНОВАТ ХОТЬ В ЧЕМ-ТО?**

Извивающиеся нити света обвинили уже всю громаду мозга. Они вспыхнули слепящим сиянием, и стены пирамиды упали наружу.

Мгла растеклась, обрушилась тремя потоками. Каменный пол треснул. Егор склонился над Троечкой, которая лежала лицом вверх. Стены пирамиды вытянулись тремя гигантскими плоскостями, пронзили круглую пещеру и срослись.

Троечка менялась. Тело робота исчезло, сквозь металлическое лицо проступили черты амазонки Лу, потом гонщицы в круглых черных очках, потом еще кого-то, еще — все ее игровые аватары сменяли друг друга. А затем на их месте возникли обычные человеческие черты.

— Адрес...

— Что? — Егор наклонился, почти касаясь губами ее лба.

— Скажи свой адрес. Настоящий.

Что-то сверкнуло, чередой вспышек разошлась сфе-

рой, быстрее и быстрее, двигаясь во все стороны от того места, где раньше была пирамида...

— Улица Луначарского, — прошептал Егор. — Дом один дробь два. Квартира сто четыре.

— Совсем рядом, — сказала она. — Я отключаюсь. И исчезла.

Егор поднял голову.

Вспышки стали далекими крапинками, перешли горизонт этой вселенной, пропали — и вокруг распростерлась *Большая Сеть*.

В бесконечном пространстве высшей иерархии звезды были только битами. Они перемигивались, передавая информацию. Мягким светом сияли конгломераты доменов; пакеты данных, гигантские, как галактики, горели мириадами огней. Паутина, в которой Млечный Путь был лишь одной из нитей, протянулась вперед, назад, вниз и вверх, дальше и дальше — в бесконечность. По ней бежали огоньки, на ее узлах висели гроздья сайтов, сияли странные игровые миры иных цивилизаций, виртуальные города, широкополосные гоночные трассы, многоярусные мегаполисы...

Он плакал. Слезы щекотали кожу. Ладони ударили по чему-то твердому, раз, второй... потом он понял, что это; пальцы нащупали зажимы, оторвали их, Егор потрянул головой, стащил с головы шлем и швырнул под стену.

Кое-как сорвал с себя костюм, безжалостно комкая тонкую ткань, пронизанную паутиной металлических нитей. Слезы текли по щекам. Прекрасная картина высшего пространства еще жила на сетчатке глаз. Это было лучше, чем жизнь. Там хотелось остаться — не здесь, не в знакомой квартире.

Судя по свету, за окном время недавно перевалило за полдень. Сначала туалет, потом ванна. Там Егор вклю-

чил холодную воду и держал голову под краном минут пять, пока уши не заболели от холода.

В дверь позвонили.

Забыв вытереть голову, Егор отправился открывать.

Дверь распахнулась, и в коридор ввалилась Троечка. Егор вытаращил глаза.

Нет, она выглядела именно так... то есть совсем не так!

Он слышал про это: всякие замухрышки в сети становятся мускулистыми варварами, а очкастые отличницы обычно выбирают себе полуобнаженных амазонак или длинноногих эльфиек...

Он был совершенно уверен — Троечка такая же. Похожа на тумбочку. И обязательно в очках.

Теперь он подумал: может, лучше было бы, если бы она такой и была? Во всяком случае, тогда он, наверное, чувствовал бы себя более уверенно.

Она напоминала амазонку Лу из «Спасителя миров» — вот разве что одета нормально.

— Егор?

— Ага... — ничего умнее ему в голову не пришло.

— Выбрался? Что там было? Почему ты мокрый?

— Я... из ванной...

— Мне войти-то можно?

— Ну, да, ты...

— Вот спасибо! — ехидно выпалила она и протиснулась мимо Егора. Пока он закрывал дверь и поворачивался, она уже вошла в его комнату.

— Ого, нефиговая машина! Ты что, богатый? А мышка почему под левую руку?

Егор двинулся назад.

— А это что? А это? Та крутая оболочка, про которую ты говорил?

Егор остановился в дверях. Троечка крутила головой, рассматривая комнату.

— Тебе кто-то письмо прислал.

На мониторе мигало окошко браузера.

«Привет! — прочитал Егор. — Еще увидимся».

— Это кто? — Егор перевел взгляд на подпись. — Нико Туко...

— Так он жив?! — Троечка подскочила к монитору. — Но откуда он... А адрес, адрес какой, ты только посмотри! Нет, ты видишь это?

— Вижу, — откликнулся Егор. — Никогда раньше таких не...

— Да-а, дела... Слушай, а зачем тебе кресло на колесах?

— Кресло? — Егор повернулся. Увидел свое кресло у дивана. Посмотрел вниз. Увидел ноги. И упал.

— Чего-то ты... слабенький какой-то. Там же ничего такого в пирамиде не происходило. Я думала, будет хуже. А ты упал всего в шаге от острова и валялся, пока я тебя не подняла. И все бормотал что-то про свои ноги. А теперь вот опять... Ну, очухался? — его довольно чувствительно хлопнули по щеке.

Раскрыв глаза, Егор секунду глядел на склонившееся над ним лицо, затем подался вперед так резко, что Троечка отпрянула. Он вскочил с дивана, сделал шаг, второй...

— Ну ты совсем какой-то... — протянула сзади Троечка. — Чего дергаешься? Я подумала, ты меня поцеловать хочешь!

Не слушая, Егор сделал третий шаг.

— Знаешь, герой, я вообще-то не просто так пришла. Помнишь, ты все спрашивал, кто такие «наши»? Так вот, у нас такая... ну, вроде команды. После того как появились дешевые костюмы, начали иногда происходить всякие странные случаи. Игроки ведь не только из-за растафаров застревают в играх. Ты зачем приседаешь? Решил гимнастикой заняться? Вот мы и помогаем. Ты не думай, мы не любители какие-нибудь, нас вполне серьезные организации иногда нанимают. Даже с «Руссовиртом» пару раз сотрудничали.

ли... Хочешь с нами? Надо только название придумать, а то мы все никак... Ну, типа «Детективное Агентство по Розыску Пропавших в Играх»... не, слишком понтово. А, вот! «Виртуальный Сыск», ВИРС, как тебе? Круто звучит, а? Слушай, это вообще-то невежливо, почему я должна говорить с твоей задницей? Да что ты делаешь, в конце концов! Симпатичная машина, зачем ты срываешь эти картинки? Нет, ты посмотри, теперь он прыгает! Ну что ты скажешь по комнате, как бешеный кенгуру? Эй, герой, ты вообще слушаешь меня или нет?

Андрей БЕКЕША

САМЫЙ ГЛАВНЫЙ ВОПРОС

фантастический рассказ

— По-моему, мы все-таки заблудились, — Антон еще раз посмотрел на компас, стрелка которого бешено вращалась.

К нему подошел Андрей.

— Что у тебя с компасом?

Антон показал.

— У меня то же самое. — Андрей взглянул вверх. Там было только ясное весеннее небо.

Вокруг на многие километры простиралась тайга: негустой в этих местах лес, преимущественно составленный из лиственницы, разбавленный елью и сосной; попадались кусты черники и брусники. В радиусе трехсот километров ни одного населенного пункта. Никаких гостиниц, платных автостоянок, торгово-развлекательных комплексов, а также всех остальных неотъемлемых атрибутов очагов цивилизации не наблюдалось — один лишь лес. В общем, глушь, периферия, периферия периферии, задворки вселенной. Хотя красивые, надо сказать, задворки. Живописные. Нетронутые. Первозданные.

Если верить GPS, то они находились посреди Большой Песчаной пустыни в Австралии и шли по направлению к Индийскому океану. «Что-то не похоже», — подумал Андрей.

Сзади к ним приближался Билл Доджсон, утопая по щиколотку в мягком густом мху и хлюпая резиновыми сапогами на каждом шагу.

— Билл, у вас компас в порядке? — обратился к нему Андрей.

— Нет, не в порядке. — Билл тяжело дышал, и его акцент еще более усилился.

Он плюхнулся под деревом, не снимая рюкзака, и, отдуваясь после каждого слова, произнес:

— У меня... есть... идея. Давайте... делать... отдых. — Он говорил на русском языке, но по-американски. — Я устал.

— О'кей, Билл. Привал на полчаса, — сказал Андрей.

— О'кей, — Билл снял бейсболку с надписью «New York Yankees» и вытер рукавом пот со лба. — Полчаса, о'кей. — Он сбросил рюкзак, отвязал спальный мешок, расстелил его на земле и улегся отдыхать.

Билл смотрел на Андрея с Антоном, на то, как они стоят, уверенно и прочно, не снимая рюкзаков, казалось, вообще не замечая их (он попробовал однажды поднять рюкзак Антона, но не смог даже сдвинуть его с места), и ему было очень спокойно.

Антон в очередной раз посмотрел на ставший бесполезным компас и, убедившись, что он действительно бесполезен, убрал его в карман куртки, после чего тут же снова вынул, обошел с ним вокруг неподвижно стоявшего Андрея, ничего этим маневром не добился и, водворив компас на место, изрек:

— Может, это магнитная аномалия? Здоровая такая, мощная аномалия. Неизвестная науке.

— Угу, Быстро Перемещающаяся Аномалия, — задумчиво произнес Андрей.

— А что с GPS?

На сей раз прибор утверждал, что они идут по Крещатику в сторону Бессарабского рынка.

— Шалит.

— Как ты думаешь, где мы?

Андрей огляделся вокруг:

— В лесу.

— Как говорил наш военрук: «Остроумно, но глупо». Seriously, Андрей, неудобно же перед Биллом. Глянь на него — совсем вымотался.

— Неудобно, конечно. Мы ему шамана обещали — настоящего, аутентичного, — а пока только медведя и видели. Хотя, по-моему, Билл ему не очень обрадовался. Ладно, Антон, давай карту. Будем привязываться.

Привязаться не удалось. Принимая во внимание правильность составления карты и правильность расчетов (ни то, ни другое сомнению не подвергалось), не да-

лее чем в 100 метрах от них должна была протекать река с непонятым названием Нахта. Последняя встреченная ими речушка осталась позади полчаса назад, а впереди просматривался только лес, и ни намека на низину, где могла бы спрятаться обещанная картой Нахта.

После неудачной попытки определиться с настоящим местоположением Антон, оставаясь верным себе, решил рассуждать логически. Делал он это вслух:

— Ошибиться мы не могли, так? Не могли. Карта тоже правильная. Следовательно, что? Следовательно, изменилась сама местность. — Антон посмотрел на год составления карты и узнал, что сему документу немногим более 25 лет. — Надо отметить, что скорость рельефообразовательных процессов в этом районе просто ужасающая. — Он повертел в руках сложенную карту. — Нет, так мы ничего не добьемся.

Он прервал свои рассуждения, немного подумал, а затем, резко повернувшись к Андрею, продолжил:

— Допустим, что карта врет, — он убрал карту в карман, — компас... — он в сотый раз сверился с компасом, — врет, и GPS тоже... — он вопросительно посмотрел на Андрея. Андрей, в свою очередь, посмотрел на GPS, который теперь закинул их на Огненную Землю недалеко от пролива Дрейка, и сказал:

— Врет.

— ...врет, — закончил предложение Антон. — Итак, исходя из того, что все выше перечисленное врет, и, принимая во внимание тот факт, что мы пришли с юга, нам остается только одно — идти строго на север. Как гласит старое правило: если все время идти на север, то придешь на Северный полюс.

— Если раньше не отмерзнут уши, — предложил свое окончание Андрей.

Он подошел к Биллу и спросил:

— Вы отдохнули, Билл? А то нам нужно идти дальше. Американец закивал головой:

— Да, вполне отдохнул. Я могу идти снова.

Когда Билл собрался, они продолжили свой путь. Первым уверенно шел Антон — он и без компаса знал, где находится север и Северный полюс.

Через час они нашли избушку.

Избушка как избушка — обычная заимка лесника: место ночевки лесных обходчиков, геологов на маршруте, охотников или таких, как они, адептов активного отдыха. Деревянный сруб, бревна которого в некоторых местах почернели от времени и сырости, местами поросли мхом; небольшие окна со слегка перекошенными ставенками; покатая крыша с дымоходом и дверь, которая открывается внутрь, чтобы можно было выйти из дому зимой. Одним словом — избушка. «Избушка на курьих ножках, — подумал Андрей, глядя на яйцеобразную антенну спутниковой связи, пристроившуюся на крыше домика за печной трубой. — Интересные здесь лесники живут, прогрессивные. Может, у них и Интернет есть?»

Интернета в избушке не оказалось, зато наличествовали: крепко сколоченный деревянный стол, две такие же лавки, печка-буржуйка и четыре лежанки. На одной из лежанок валялась забытая кем-то газета «New York Daily News». Антон взял ее в руки и принялся листать.

Билл, сняв рюкзак, присел на лежанку, прислонился спиной к стене и закрыл глаза. Не открывая глаз, он произнес:

— Я немного отдохну. Очень утомительный путь, как для меня.

— Мы здесь заночуем, так что располагайтесь, Билл, — сказал Андрей и, обращаясь к Антону, добавил: — Я за дровами, догоняй.

Антон не отрывался от газеты.

Андрей уже направился к выходу, когда услышал свое имя. Он обернулся. Антон, очень серьезный, протягивал ему газету. На газете стояло завтрашнее число.

— Как, по-твоему, что все это может значить? —

спросил Антон после того, как Андрей бегло прочитал газету (интересного в ней было мало, приятного — меньше).

— Скорее уж, как все это объяснить.

Андрей еще раз взглянул на печатное издание, которое держал в своих руках, и спросил:

— Билл, вы читаете «Daily News»?

Билл открыл глаза:

— Нет, я предпочитаю «Times».

— И всегда ее покупаете?

— О, да, всегда. Если есть возможность. А почему вы спросили, Андрей?

Вместо ответа Андрей дал Биллу газету.

Американец посмотрел на название и улыбнулся, затем увидел дату, и улыбка исчезла.

— Но ведь это завтрашняя газета, — Билл, казалось, сам не верил своим словам. — Как это может быть?

— А вот это как раз — большой вопрос, — Антон присел на лежанку рядом с Биллом. — Нет, почему же, это даже интересно: темпоральные гости и все такое.

— Рассеянные темпоральные гости, — поправил Андрей. — А сам-то ты что по этому поводу думаешь? — Он обращался к Антону.

— Я думаю, что здесь есть над чем подумать, — сказал Антон и, подмигнув Биллу, вскочил с лежанки.

— Пойдем, мы собирались за дровами. Все равно газетой печку не натопишь, пусть даже и темпоральной, — сказал Андрей и вышел из домика.

— Я не совсем понимаю. Это что, такая шутка? — неуверенно спросил Билл.

— Если это шутка, то почему никто не смеется? — сказал Антон и пошел догонять Андрея.

Когда они вернулись с дровами, Билл все еще читал завтрашнюю газету. Они бросили дрова в углу, и Андрей принялся растапливать печку, а Антон подошел к столу.

— Билл, вы не говорили, что у вас с собой ноутбук.

Можно им воспользоваться? — Антон смотрел на Билла в ожидании утвердительного ответа.

Билл оторвался от газеты:

— У меня нет с собой ноутбук, — слово «ноутбук» он произнес по-английски. — С чего вы взяли?

— А этот тогда чей?

Андрей и Билл одновременно посмотрели на Антона. Тот переводил взгляд с одного на другого, а на столе перед ним лежал обычный черный ноутбук.

Андрей среагировал первым:

— Пока нас не было, никто не приходил? — Он уже стоял возле Антона.

— Нет, никто не приходил. — Билл правильно расценил, что вопрос адресовался ему.

— Раньше его здесь не было, а теперь он есть. Значит, он появился, пока мы ходили за дровами, — Антон опять рассуждал логически.

— Сдается мне, его и сейчас здесь нет, — сказал Андрей.

— Как это, нет? Мы же его видим и даже можем осязать, — в доказательство своей правоты Антон постучал по черной поверхности ноутбука указательным пальцем.

Звук вышел слишком глухим и неестественным.

— Это-то как раз и плохо.

— Что плохо? — спросил Билл. Он уже присоединился к ним и стоял теперь напротив Антона с другой стороны стола. — Что мы можем его смотреть и трогать?

— Видеть, — автоматически поправил его Антон. — Да ну тебя с твоими зловещими намеками, Андрей. Давай лучше откроем. — И, не дожидаясь, пока кто-нибудь возразит, Антон раскрыл ноутбук.

Их взорам предстала весьма необычная картина. Верхняя часть устройства была как у обычного ноутбука, а именно: всю панель занимал жидкокристаллический экран. Зато нижняя часть, там, где должна была находиться клавиатура, представляла собой ее весьма со-

кращенный вариант— всего две кнопки. Одна из кнопок была красного цвета, а на второй было написано «нажать». Устройства для чтения компакт-дисков или дискет тоже отсутствовали. Только экран и две кнопки — больше ничего. Экран был совершенно темен и пуст.

— Любопытная конструкция. Интересно, где такие делают? — Антон повертел в руках странный прибор. Опознавательных знаков, да и вообще никаких других надписей или символов, кроме слова «нажать» на одной из кнопок, на ноутбуке не было.

— Ну что же, последуем начертанному предписанию? — Антона обуюла жажда познания, которую он не в силах был сдержать, и, не смотря на предупреждающий жест Андрея, он ткнул кнопку с графическими символами на поверхности.

Экран мгновенно осветился, и на нем стал появляться текст, который Антон тут же принялся читать вслух:

— Вас приветствует Универсальный Генератор Ответов. Вам предоставляется возможность получить достоверный, объективный, исчерпывающий ответ на любой интересующий вас вопрос. Чтобы задать вопрос, нажмите красную кнопку. Внимание: ресурсов осталось всего на один вопрос.

— Достоверный, объективный, исчерпывающий ответ на любой вопрос, — сказал Билл по-английски.

Андрей медленно отвел взгляд от экрана и посмотрел на Билла:

— Простите, Билл, как вы сказали? — Он тоже говорил по-английски.

Билл повторил свою предыдущую фразу.

— А как это будет по-русски?

— Я затрудняюсь. Мой русский не настолько хорош, — Билл явно смутился.

— Извините меня, Билл, я не хотел вас смущать. Но как тогда вы поняли, что сказал Антон?

— О, я не понял, он же говорил на русском. Я сам прочитал.

Антон хотел что-то сказать, но Андрей его опередил:

— Билл, скажите, что написано на этой кнопке, — он указал на кнопку со словом «нажать». Андрей снова говорил по-русски.

— Здесь написано «нажать», — последнее слово Билл произнес по-английски.

— Это слово написано на английском?

— Да, это слово написано на английском, — Билл повторил слово по буквам. — Почему это заставляет вас так удивляться?

— Да потому, Билл, — вмешался Антон, — что слово это написано на русском. И весь текст тоже написан на русском.

— Нет, — не унимался Билл, — текст тоже написан на английском. — Он сделал ударение на последнем слове.

— Что ж это получается, Андрей? Мы видим текст на русском, а Билл — на английском.

— Это потому, что он — американец.

— Ты думаешь? Хотя, возможно. Американцы все видят иначе, чем мы. Но что означает этот текст? Ты вообще хоть что-нибудь понимаешь?

— Кажется, да.

Андрей не дал Антону задать следующий вопрос. Он закрыл ноутбук и сказал:

— Возьми ноутбук и попробуй отнести его к выходу.

— Что значит — попробуй? Ты меня обижаешь — он совсем не тяжелый.

— Просто сделай, как я прошу.

Антон взял ноутбук двумя руками, вытянул их перед собой и демонстративно проследовал к открытой входной двери. Там он также демонстративно развернулся и, держа ноутбук на вытянутых руках, посмотрел на Андрея.

Билл с интересом наблюдал за этим зрелищем.

— Иди дальше, наружу, — сказал Андрей.

Развернувшись в обратном направлении, Антон сде-

лал два шага вперед и очутился за порогом. Его широкая спина загораживала весь дверной проем, поэтому Андрей с Биллом не могли видеть, что там происходит. Антон стоял неподвижно секунд десять. Взгляды находившихся в комнате жгли ему спину. Затем он стал медленно поворачиваться. Билл не дышал. Андрей, прищурившись, смотрел на Антона. Тот все еще держал вытянутые руки перед собой. Только они были пусты.

— Где... — только и смог выдохнуть Билл.

Андрей молча указал рукой на стол, где лежал уже знакомый им черный параллелепипед ноутбука.

— Bay! — Билл произнес очень американское слово, успешно переключавшееся во многие другие языки.

Антон, увидев ноутбук на столе, опустил наконец руки и вернулся в дом, закрыв за собой дверь. Он уселся на лавку, недоверчиво посмотрел на ноутбук, постучал по нему пальцем (звук вышел таким же, как и в первый раз) и сказал:

— Ну-ка, выкладывай, что ты об этом знаешь?

— Знаю я об этом не больше тебя. Я лишь кое о чем догадываюсь. Понимаешь, Антон, это... — Андрей указал на лежавший на столе предмет, — не наше, это их.

— Ты имеешь в виду их, тех, которые извне? — Антон показал руками нечто большое и круглое.

— Да, именно, извне, — Андрей повторил жест Антона.

— Хорошо. — Антон вскочил и принялся ходить по комнате, бормоча:— Без сомнения, оболочка... ага, ну допустим, коллапс... не успели свернуть... ну конечно, именно поэтому по-английски... а как же тогда GPS... допустим, плохо функционирует... ага, тогда все сходится. Да, Андрей, все сходится. Но она же должна сворачиваться.

— Заметь, здесь стало гораздо теснее, — сказал Андрей.

Антон огляделся вокруг. Избушка, а с ней и все ее содержимое, кроме них самих и тех вещей, которые они

принесли, действительно уменьшилась в размерах. Это было заметно.

— Слушай, Андрей, тогда выходит, что это правда, — Антон уже снова сидел за столом.

— Да, и это для нас сейчас важнее всего.

Тут наконец Билл обрел дар речи:

— Подождите минуту, все очень быстро, как для меня. Ничего не понятно. Что это? Где мы? Кто они? Откуда они? Из другой страны? Из другой планеты?

— Нет, Билл, даже не с другой планеты, — Антон попытался открыть ноутбук, но Андрей остановил его, положив сверху руку.

— Да вы не волнуйтесь, Билл, — сказал он мягко. — Я вам все объясню. Только сначала давайте выпьем чаю.

Андрей с Биллом сидели за столом, друг напротив друга, и пили чай из металлических кружек. Антон с ногами залез на лежанку и, сидя там, молча прихлебывал чай из такой же жестяной кружки, которую держал двумя руками, бережно, словно боялся раздавить. Андрей выполнял данное им Биллу обещание — объяснял. Делал он это на английском, чтобы Билл мог его понять.

— Существует теория, — сказал он, — согласно которой наша Вселенная далеко не единственная. Что там, в других Вселенных, мы даже представить себе не можем, но согласно этой же теории, в иных Вселенных наши физические законы не действуют (просто потому, что там они иные), не действует даже эвклидова геометрия. Как следствие таких парадоксов, перемещение из одной Вселенной в другую возможно лишь в том случае, если путешествующий умеет воссоздавать (не создавать, не придумывать новые — этого уж точно сделать нельзя, а именно воссоздавать) физические законы своей Вселенной. Тогда при межвселенском переходе нужно перенести, скопировать, если хотите, особенности исходной Вселенной в конечную. Совершенно очевидно, что невозможно полностью изменить Вселенную;

да в этом и нет необходимости. Достаточно лишь взять частицу своего пространства-времени, заключить его в герметичную оболочку, и можно смело отправляться в путь. Такая оболочка, с одной стороны, защитит находящихся в ней от губительного воздействия чужой им Вселенной, а с другой стороны, сбережет эту самую Вселенную от всяких неприятных парадоксов. Но это еще не все.

Сама по себе оболочка мало что дает: в ней можно путешествовать, но с ее помощью нельзя познавать (а ведь именно к познанию сводится любое путешествие); через нее невозможно даже видеть, не говоря уж о переносе материи сквозь ее стенки. Для того чтобы межвселенский вояж имел смысл, нужно еще одно приспособление, которое бы сочетало в себе характеристики двух смежных Вселенных; переходной участок пространства-времени; этакая шлюзовая камера. Через шлюзовую камеру и происходит соприкосновение двух Вселенных: обмен информацией и материей.

Это всего лишь теория. Но представьте себе на минуту, что какая-то цивилизация — вернее, уже сверхцивилизация — сумела реализовать ее на практике, и для ее представителей посетить другую Вселенную — все равно, что для нас посетить другую страну, только им даже визы не надо.

Допустим, что такая сверхцивилизация из соседней Вселенной нашла дорогу в наш мир. Какие цели они могут здесь преследовать, нам остается лишь гадать, потому как сверхразум решает свои сверхзадачи, не постижимые для разума обычного. Но, допустим также, что они принялись ее изучать. Избороздив нашу Вселенную вдоль и поперек, открыв несколько сотен (может тысяч) разумных форм жизни, в том числе и нас, вступать с которыми в контакт у них и мысли не возникло, поскольку уж очень велика разделяющая их пропасть; внеся полученные данные в реестры и, пополнив библиотеки, они отправились дальше, в другую Вселенную, а нашу

включили в стандартную среднеобразовательную программу. Может, у них даже есть курс для сверхразумов младшего школьного возраста «Галактика Млечного пути и ее обитатели», и проходят они в нем параграф «Планетная система звезды спектрального класса G2V — Солнце», и один урок у них посвящен расе разумных гуманоидов с третьей планеты этой системы. Урок этот проходит непосредственно на изучаемом объекте, а роль учителей выполняют некие устройства, способные ответить на любой вопрос. Это, между прочим, очень удобно, ведь у детей, пусть даже сверхразумных, возникает множество вопросов, когда они видят нечто новое, и взрослые часто устают от этих бесконечных «почему». А так у них под рукой универсальное средство — спрашивай, что хочешь, и на все получишь достоверный, объективный, исчерпывающий ответ. Обитатели планеты видеть иновселенских учащихся не могут, поскольку те этого не желают.

И вот во время одного из уроков случается неприятность, уж какая — не знаю (возможно, поломка шлюзовой камеры). Учащиеся в срочном порядке покидают наш мир, не успев или не сумев загерметизировать шлюзовую камеру и забыв обучающие устройство. Открытая шлюзовая камера, которая по своей сути является переходным участком пространства-времени, будет оказывать негативное влияние на окружающий ее мир в непосредственной близости от себя, но одновременно она будет сворачиваться, пока не самоликвидируется. Теоретически процесс сворачивания должен закончиться до того, как влияние камеры станет бесповоротным.

Так вот, Билл, мы находимся как раз в такой покинутой шлюзовой камере, а этот ноутбук — обучающее устройство сверхразумных школьников.

Билл в изумлении огляделся вокруг: Антон все также сидел с ногами на лежанке, а избушка стала значительно меньше — стоять в полный рост было уже невозмож-

но. Он забыл об усталости, об отдыхе; о сне, о том, куда и за чем они шли, обо всем. Он думал сейчас только о том, что ему рассказал Андрей.

— Это просто невероятно, то, что вы говорите! — кричал Билл, размахивая руками.

От того, чтобы вскочить и забегать по комнате, его удерживал лишь низкий потолок.

— Но почему эта штука выглядит как обычный домик?

— Это мы ее так видим. Какова она на самом деле, мы узнать не можем. Человеку вообще свойственно искать знакомые черты во всем новом. Это нормально: когда он видит нечто впервые и не знает, что это такое, то пытается изучить, понять; а как сказал один умный человек: «Понять — значит упростить». Вот человек и упрощает — придает этому новому черты и свойства знакомых ему объектов и явлений. И чем более оно непонятно, и чем меньше мы знаем, тем более субъективно наше о нем мнение.

Более того, в данном случае сама камера настроена так, чтобы каждый из нас мог увидеть в ней то, что ему ближе. Возможно, пришельцы не желают выдавать следы своего присутствия, а возможно, таким образом просто берегут нашу психику от эмоциональной перегрузки вследствие передозировки новыми впечатлениями. Именно поэтому текст, который мы видим по-русски, вам представляется написанным на английском. Вам так удобнее.

— Значит это все не настоящее: домик, стол, за которым мы сидим, ноутбук? Кстати, почему он появился не сразу?

— Ноутбук — вообще отдельная история. Он здесь единственная реальная вещь, кроме тех, что мы принесли с собой. Все остальное — наше воображение. А появился он с опозданием потому, как мне кажется, что прибор этот настолько сложный, что даже сама камера

не смогла сразу определить, в каком виде нам его представить.

— Ничего себе, воображение. Эта инопланетянская штука здорово работает. Почтище любой виртуальной реальности.

— На самом деле она дает сбои, поскольку долгое время оставалась разгерметизированной, а наша реальность тоже на нее влияет. Поэтому газета — завтрашняя, а на крыше — антенна спутниковой связи.

— И она сворачивается. Так вы, кажется, сказали?

— Да, именно сворачивается.

— А как же мы? Тоже свернемся?

— Не беспокойтесь, Билл. Скорее всего, камера просто исторгнет все принесенные в нее извне материальные объекты, когда они перестанут в ней уместаться, включая нас.

— То есть просто выплюнет.

— Пусть выплюнет, если вам так больше нравится.

— А как насчет того влияния, которое оказывает сама камера на наш мир? Вы о нем тоже упоминали.

— Поэтому мы и заблудились. Локальные нарушения магнитного поля, помехи в работе GPS и даже изменение рельефа.

— Ах, ну да, компас же не работал. У вас на все есть ответ. Тогда скажите мне, почему Антону не удалось вынести из домика эту штуку?

Билл указал на ноутбук.

— Просто он не знал, как это сделать.

— А вы знаете?

— Нет, не знаю, и, пожалуй, никто не знает. Эта вещь, как я уже говорил, единственная реальная здесь, и она не наша. Мы не обладаем достаточным знанием, чтобы перенести ее в наш мир. Тут нужно нечто большее, чем просто мускульное усилие.

— Нет, это просто поразительно, невозможно, нереально. Но откуда вы все это знаете?

— Всего лишь догадки, не больше. Подкрепленные

несколькими фактами, которые, впрочем, скоро и так исчезнут. На самом деле для нас сейчас важно другое. Нам выпала огромная удача, невероятный шанс. Ни по какой теории этот шанс нам выпасть не мог, а он все равно выпал. В наших руках оказался источник вселенской мудрости, кладезь познания и дельфийский оракул в одном лице. И вот это действительно поразительно, невозможно, нереально.

Андрей пододвинул к себе ноутбук и открыл его.

— А теперь я прошу вас внимательно меня слушать, — Андрей говорил спокойно и очень серьезно. — По моим подсчетам, у нас осталось не больше получаса прежде, чем камера полностью свернется. За эти полчаса мы должны выбрать один вопрос. Задавать вопрос, интересующий исключительно нас, мы просто не имеем права — это было бы нечестно по отношению к человечеству. Нам нужен вопрос, который интересует человечество в целом.

Первым отозвался Билл:

— Мы не можем решать за все человечество — это слишком большая ответственность. Нам не простят нашего выбора, если он окажется неверным.

— Да, Билл, мы не можем, но мы должны. И чего нам уж точно не простят, так это того, что мы не воспользуемся предоставленным шансом.

— Все равно — слишком большая ответственность. Я не берусь взять ее на себя.

Андрей обратился к Антону:

— У тебя что-нибудь есть?

Антон, согнувшись и присев на корточки, приблизился к столу и сел на пол, поджав под себя ноги.

— Я тут думал, пока ты говорил с Биллом. Но в голову лезут либо глобальные банальности, вроде «в чем смысл жизни?», либо конкретные безделицы, вроде «как достичь третьей космической скорости?». Это ведь не только огромная ответственность, но и большая проблема. Что спросить? Задать заведомо неоднознач-

ный вопрос и получить на него такой же ответ или спросить о способе решения насущной проблемы, с которой мы, возможно и сами скоро справимся?

— Спросить о проблеме, с которой мы заведомо не справимся?

— Ты знаешь такую проблему?

Андрей покачал головой:

— Я знаю, что я ничего не знаю, но пришельцы и этого не знают.

— Получается, что нам и спросить-то нечего, — Антон выпрямил ноги, просунув их под стол, и носки его ботинок выглянули с другой стороны стола. — К тому же какой бы вопрос мы ни выбрали, все равно потом будем жалеть.

Лавки уменьшились настолько, что на них невозможно было сидеть, поэтому Андрей с Биллом присоединились к Антону на полу. Андрей держал в руках ноутбук, больше похожий теперь на калькулятор, а его голова упиралась в потолок. У них оставалось минуты две.

— Мы не сможем выбрать какой-то один вопрос, — сказал Билл. — Мы хотим знать слишком много, а знаем слишком мало.

Антон, глядя перед собой, продекламировал:

— Не знали мы, кто такие есть; не знали также, каковы и как такими стали. Не знали, какими были и какими будем. Не знали, куда идем и откуда пришли; не знали также и зачем. Не знали ответов на вопросы, но не знали и самих вопросов. И решили тогда, что должно нам познавать.

Андрей посмотрел на Антона и улыбнулся.

— Ты гений, Антон, и гениальность твоя натуральна, поскольку ты сам об этом не подозреваешь.

— Что ты задумал?

— Нет времени объяснять. Доверьтесь мне.

Андрей, держа миниатюрный ноутбук в одной руке, указательным пальцем другой нажал на красную кнопку и, глядя на крохотный экран, четко произнес:

— Каков самый главный вопрос человечества?

В тот же миг мир вокруг них стал резко сжиматься, пока не свернулся в точку.

Зрение постепенно возвращалось, и Антон смог увидеть Андрея, собирающего вещи. Избушки не было — лишь горстка золы из печки. На земле валялись рюкзаки и металлические кружки, чайник Андрей уже упаковал. Рядом Билл, стоя на коленях, тер глаза. Антон зачем-то полез в карман и достал компас. Тот работал исправно.

— Ты успел? — спросил Антон хрипло.

Затем прокашлялся и повторил:

— Успел прочитать?

— Успел, успел. — Андрей уже надел рюкзак. — Собирайся скорее, Антон, у нас мало времени.

— Почему? — Антон еще не совсем пришел в себя. — Что там было?

— Все. Там было все. Но теперь нам предстоит много работы. По дороге расскажу. Вставай.

Андрей увидел, что Билл уже очнулся, и спросил у него:

— Билл, вы в порядке?

— Да, я в порядке. А вы все-таки свой шанс не упустили. Но как теперь быть с ответом?

— Правильно сформулированный вопрос уже содержит половину ответа. И потом, должны же мы хоть что-то сделать сами.

Андрей помолчал немного и добавил:

— У нас есть величайший дар: способность познавать. Не будем же пренебрегать им.

Он подождал, пока Антон с Биллом соберутся, и они все вместе пошли в мир, полный вопросов, на которые еще только предстоит ответить.

Боб ГРЕЙ

ЗАКОН ОТРАЖЕНИЯ

детективный рассказ

Если бы не кризис! Сами посудите, кабы не августовская катавасия, встал бы я, человек в высшей степени миролюбивый, на «тропу войны»? Ни за что! Однако кризис грянул, и что в итоге? Ныне я пребываю в краях, куда Макар телят не гонял. Не верите? Тогда попробуйте отыскать на острове Тобаго хотя бы одного Макара. Про телят не говорю, их здесь достаточно. И телочек тоже...

Я сижу в шезлонге на песчаном берегу, пью охлажденную воду с привкусом лимона, люблюсь волнами и белоснежными яхтами. Вокруг девушки в микрокупальниках, по большей части без верхней составляющей. Бармены в белых пиджаках и черных шортах — отвратительное зрелище! — шныряют с подносами. Легкий бриз овеивает мое лицо. Я закрываю глаза, и мне кажется, что это «самопальный» вентилятор гоняет туда-сюда воздух цеха, в котором производят широко известную в узких кругах россиян водку «Свежий ветер».

...В этом цехе я провел без малого год. Когда наш институт впал в кому, я был вынужден пристальнее взглянуть в окружающую действительность. Удручающая картина вполне соответствовала моему настроению. И без того на душе будто кошки нагадили, а тут еще повальная безработица, цинизм, взятки, бандиты и отчаянное пьянство. С чего радоваться? И что дальше?

Что бы ни говорили мои начальники, в реинкарнацию нашего НИИ я не верил. В светлое будущее нашего заштатного города тоже верилось с трудом, ну разве что в отдаленной перспективе. Мне не дожить. Помру с голода. Потому что человек так устроен: ему Природой назначено пить и есть, причем желательно вкусно и обязательно в достаточных количествах.

К чему лукавить, можно было извернуться, не поступившись принципами, но уж больно я был зол. Столько труда, сил, лет положено — и на тебе: ни темы, ни лабо-

ратории, вообще ничего. Поневоле озлишься! И совершишь сгоряча какую-нибудь глупость.

— Ответ завтра.

Я кивнул. А через сутки кивнул еще раз, когда Виктор Васильевич Копытов повторил свой вопрос.

— Не бойсь, не обижу, — Копытов покровительственно похлопал меня по плечу. — Завтра на работу.

Два года мы с Витькой по кличке Копыто сидели за одной партией. Хулиган и отличник. Но уживались. Я безропотно давал ему списывать, он ограждал меня от наскоков внутриклассной шпаны. Образцовое мирное сосуществование.

После школы я поступил в институт, стал химиком-технологом и вернулся в родной город с твердым намерением поднять уровень отечественной пищевой промышленности на новую высоту.

Копыто поработал на местной автобазе, отслужил в армии, несколько лет покрутил «баранку», потом исчез, а когда возник снова, то был уже при деле — в золотых цепях, на джипе и с растопыренными по моде пальцами.

Недалеко от города, в совхозном амбаре, было у него частное сивушное предприятие. До поры работали топорно — цистерна с краном да ручная закрутка. Однако со временем подпольный заводик оброс деньгами, покровителями, реализаторами и требовал частичной легализации с переходом на новые экономические рельсы. Копыто был весьма озабочен тем, как увеличить производство «паленой» водки, для чего и пригнал из областного центра грузовик со списанной с тамошнего завода линией по розливу «огненной воды». Линию смонтировали, подлатали, оставалось всего ничего — найти человека, отвечающего за качество продукта, потому как без него опасно: одно дело — вызвать несварение у сотни-другой местных алкашей, и совсем другое — бросить в бурное рыночное море тысячи декалитров

фирменного сорокаградусного напитка «Свежий ветер», не потравить бы народ.

Тут мы с ним и встретились.

Лаковый «Чероки» взрезал провинциальную тишину шинами и остановился как вкопанный. Копыто вывалился на землю, но устоял, хотя был под сильным хмельком.

— Пифагор? Здорово!

Это у меня прозвище такое со школы — Пифагор.

Поговорили. Я рассказал, что остался без работы, а он, хоть и «на бровях», сразу сообразил что к чему. И вцепился.

Если бы хоть что-то маячило мне за поворотом, я, разумеется, ответил бы презрительным отказом на его лестное предложение. Но я был зол на весь белый свет и согласился.

Через день я входил под своды амбара. За стенами вертелась в шаманской пляске метель, а здесь было тихо. Линия по розливу водки — где-то в потеках масла, где-то в пятнах ржавчины — ждала своего часа. И меня. Я тяжело вздохнул.

Поставленная передо мной задача была незатейлива: после распития «Свежего ветра» потребитель не должен испытывать дискомфорт: жжение в горле, рези в желудке, нарушение зрения и т. п.

— А умственные функции?

— Не умничай! — буркнул Копыто и стал копать во рту зубочисткой, выуженной из ручки швейцарского ножа «Викторинкс».

Я наблюдал за этими манипуляциями, гадая: во-первых, как широко он раззявит пасть; во-вторых, как глубоко засунет туда руку; в-третьих, поперхнется или нет. Каюсь, я был не прочь, чтобы Копыто вдруг выпучил глаза и стал судорожно заглатывать воздух. Тогда я врезал бы ему промеж лопаток, движимый исключительно гуманными соображениями. К сожалению, Копыто избежал асфиксии и моего рукоприкладства. Вытащив ру-

чищу изо рта, он цикнул, сверкнув золотой коронкой, и сказал:

— Через неделю должны начать.

— Постараюсь, — ответил я, внутренне протестуя против повелительного тона. Но ведь хозяин! Я согласие дал, так что ж теперь гонор показывать?

— Нет, Пифагор, так не пойдет. Надо! И сделаешь.

Через неделю линия заработала, моими стараниями выдавая вполне приемлемый продукт. Пить можно! Напиться — запросто. «Свежий ветер» — самая хмельная водка России!

Платил Копыто щедро. Я таких денег отродясь не видел. И совесть была относительно спокойна, в конце концов за дело своих рук мне стыдиться было нечего. А что до незаконности всей акции, так это не моя забота. Милиции. Не моя вина, что Копыто ее купил.

Прошел месяц. Перед Новым годом «Свежий ветер» шел «на ура». Рабочие на линии трудились без роздыха, мечтая, как уедут к себе в Белоруссию с полными карманами несправедливо заработанных российских рублей, которые куда как весомее тамошних «зайчиков».

Копыто ходил довольный, щерил фиксы, обещал премиальные... Под вечер грузовики привозили бочки со спиртом, на тех же грузовиках в сопровождении милицейских машин с включенными мигалками отправлялась оптовикам готовая продукция.

Отшумела первыми дождями весна, миновало лето, забросала дороги листьями осень. А вот и снег... К этому времени я был уже довольно состоятельным человеком, конечно, по среднестатистическим меркам, а не по разумению Виктора Васильевича Копытова. Тратить сбережения мне было особенно не на что и не на кого. Родителей я схоронил, женой и детьми не обзавелся, родной домишко ремонтировать не спешил — конура и конура, так что деньги до поры складывал в кубышку, рассчитывая потратить их на какой-нибудь роскошный заграничный вояж. Страсть как люблю путешествовать!

Неделя сменяла неделю, а я все сидел в своей каморке в окружении колб и реторт, проводил кое-какие опыты для собственного удовольствия и мечтал о дальних странах. Несколько раз заикнулся, что не мешало бы в отпуск, но Копыто отрезал:

— Не время! — и повернулся к двери, скрипнув копытами... то есть каблуками по истертому линолеуму пола.

— А когда?

— Когда разрешу!

По натуре я типичный конформист. По мне, уступить проще, чем стоять на своем, как гвардейцы Бонапарта при Ватерлоо. Но тут вот такая штука: если перегнуть палку, я завожусь, и тогда уже ни об отступлении, ни о перемирии речи быть не может. Про углы падения и отражения слышали? Для меня это закон!

— А когда разрешишь? — спросил я, чувствуя, как кровь приливает к щекам.

— Чего? — Копыто оглянулся. Смотрит безразлично, как на вошь. — Не расстраивай меня, Пифагор, хуже будет. С тобой что, как с «линейщиками» разобраться? — И вышел.

Кое-что из его ответа я не понял. Знаю, рабочие на линии меняются каждые два месяца, и что с того?

Пришлось мне покинуть лабораторное узилище, из которого я почти не высывался, и отправиться на поиски ответа. Как специально, через два дня намечалась «пересменка». Схоронившись за штабелем коробок с этикетками и фальшивыми акцизными марками, я мог видеть и слышать все.

— Как же так?

— Молчать!

Это приказал не Копытов, а майор по правую руку от него.

— Берите, сколько дают, и проваливайте.

У меня аж челюсти свело. Копыто, выражаясь совре-

менным языком, кидал рабочих. Обещал «златые горы», а вышло с гулькин хвост.

— Если кто пикнет, из-под земли достану! — пообещал он и показал на братков в кожаных куртках, стоящих вперемешку с людьми в милицейской форме. — Адреса имеются. — Копыто покачал рукой, в которой были паспорта белорусских гастарбайтеров. — Жены, дочери, сыночки... О них подумайте!

Через полчаса «линейщики» покорно забрались в выстуженный лютым морозом кузов грузовика. У двух были в кровь разбиты лица. Один прижимал к себе покалеченную, неумело забинтованную руку. Их отвезли на станцию.

— Отдыхай до завтра, — сказал мне Копыто.

Вечером привезли новую партию рабочих. Копыто держал речь и сулил безбедное будущее. Ах, сволочь!

Тогда-то я и решил: хватит, пора переквалифицироваться из хлюпика с высшим образованием в Робин Гуда. Вот только лука у меня не было, не было и стрел, а слов такие, как Копыто, не понимают. Таких надо бить по самому дорогому — по мощне и самолюбию.

Неделю спустя, за час до конца трудового дня, я взял на анализ энное количество «Свежего ветра» и скрылся в лаборатории. Десять минут спустя я снова появился в дверях, но уже с видом мрачным и неприступным. Качая головой, я стал колдовать с вентилями розлива и никак не отреагировал на зычное: «Шабаш», означавшее конец смены. Смолк шум моторов, а с ним и мелодичный звон пустых и только что наполненных бутылок. Рабочие отправились в барак рядом с амбаром, а я спустился в подвал. Там я закрутил еще один вентиль, после чего поднялся наверх и пощупал батареи отопления. Потом я приоткрыл все окна, которые только поддались этой несложной процедуре.

Через три часа я был в аэропорту, а еще через несколько часов лежал на пляже одного из Канарских островов и жмурился на солнце.

Обратно дороги не было. Это надо было признать, с этим следовало смириться. Передо мной маячил старый вопрос: «Что дальше?»

Помог бывший соотечественник, очень оборотистый, доложу я вам, парень. Только не спрашивайте, как его зовут и что он сделал с моими документами. Важнее результат: теперь у меня есть необходимое разрешение не только на пребывание на благословенном острове Тобаго, но и на работу в этих краях. Стройные блондины весьма ценятся местными рестораторами.

...Крик на пляже:

— Эй, русский, хватит нежиться!

Я покидаю шезлонг, поправляю белый пиджак и иду на рабочее место. Пляжное кафе, где я работаю, называется «Румяный Джо». В мои обязанности входит плавное передвижение по песку с подносом в руках: «Ваше дайкири, мисс. Ваш джин, мистер». А еще я должен следить за бутылками с водой, которая мне самому нравится за лимонную отдушку. Бутылки стоят в холодильнике, но агрегат старенький, так что надо приглядывать за реле и при надобности поворачивать ручку, снижая температуру.

— Ты что наделал?

Хозяин стоит перед открытым холодильником. Вода при замерзании, как известно, расширяется, так что теперь из-за моего недосмотра в нем лишь куча осколков и ряды ледяных «бутылочных» скульптур. Кажется, хозяина сейчас хватит апоплексический удар. Я улыбаюсь, что приводит его в неопишемую ярость.

— Уволен! — кричит он.

Я продолжаю улыбаться. Надеюсь, Виктора Васильевича Копытовахватила кондрашка, когда на следующее утро после моего бегства он вошел в цех. Если так, я обязательно вернусь.

Боб ГРЕЙ
**МИССИС
МАККИНРОЙ И
МАЛЕНЬКИЙ ДЕМОН**
детективный рассказ

Обожаю детективы! Из прочих выделяю книжки Рекса Стаута. Из его героев — Ниро Вульфа, грузного, неповоротливого домоседа, озабоченного выращиванием орхидей и гастрономическими изысками. Чтобы обеспечить себе комфортное существование, мистер Вульф разоблачает преступников, получая за то солидные гонорары. Хорошо устроился! Я тоже так хочу.

К орхидеям я равнодушен. К деликатесам отношусь спокойно, довольствуясь гамбургерами. И нет у меня ни особняка, ни расторопного помощника типа Арчи Гудвина, ни личного повара. Из всего этого следует, что требования мои к банковским счетам клиентов не такие уж жесткие. Последнее, к сожалению, не означает, что офис мой ломится от жаждущих помощи.

Коллеги по частному сыску полагают, что причина прохладного отношения клиентов к моей скромной персоне лежит на поверхности. Да, я ленив! Как Ниро Вульф. Ненавижу улицу, толпу, подземку, шум, гам, светофоры, пробки, таксистов и прочие «удовольствия» большого города. Однако должен заметить: совершенно необязательно топтать мостовые, подслушивать, подглядывать и нарываться на удары в челюсть, чтобы внести ясность в некоторые задачи, что ставит перед людьми жизнь. Не во все, но ведь я на все и не претендую.

Вот почему в телефонных справочниках и на матовом стекле, вставленном в дверь моего офиса, значится: «Джек Летти, детектив-интеллектуал». Из-за этой приписки на мою голову сыплется масса насмешек, но с другой стороны... Сажу себе, покурываю сигару, листаю журналы или брожу по Интернету. Но я не бездельничаю. Я думаю! Самое что ни на есть интеллектуальное занятие.

Допускаю, многие клиенты делают из упомянутой приписки поспешный вывод, что на самом деле профессиональные способности этого заносчивого сибарита весьма сомнительны. Не лучше ли обратиться к динамичному супермену, готовому мчаться хоть на

край света? Пожалуйста, господа, ваше право, но что касается скудоумия в целом и непрофессионализма в частности — тут я категорически против. Думаю, миссис МакКинрой с этим тоже не согласна.

Она появилась вчера. Постучала тихо, вошла скромно. Лицо потухшее. Бриллианты на шее, запястьях и пальцах какие-то тусклые. В общем, безрадостная картина глубоко озабоченной состоятельной женщины. Непорядок, ибо противостоит естеству.

Пришлось встать, отложить журнал и сигару, предложить стул и чашку кофе. От кофе посетительница отказалась. Вот и славно, он у меня не лучшего качества. И кофеварка из дешевых.

— Слушаю вас.

— Энн МакКинрой, — назвалась, чуть наклонив голову, женщина.

— Джек Летти, — представился я, не склонив головы. — Детектив-интеллектуал.

Я ждал реакции. От того, какой ширины будет улыбка клиентки, зависел размер моего гонорара. Губы ее остались неподвижны, что понизило сумму до минимума. Если, конечно, возьмусь за решение ее проблем. Вдруг они противоречат моим принципам? С утра на улице льет как из ведра. А когда дождь стихает, безумствует ветер.

— Мне нужен совет, — сказала Энн МакКинрой. — И помощь.

Я ознакомил клиентку с моими расценками и взял сигару. Когда в тебе нуждаются, табачный дым во внимание не принимают. Этим надо пользоваться.

— Слушаю вас.

И полились слова...

История по нынешним временам была рядовая. Мистер Говард МакКинрой разлюбил законную супругу, предпочтя ей молоденькую секретаршу. Миссис Энн МакКинрой восприняла это как оскорбление, после чего тоже разлюбила своего супруга.

Заинтересованные стороны не возражали против развода. Финансовая его составляющая, благодаря брачному контракту, сложностей не обещала. «Камнем преткновения» стал сын Стивен. С кем из родителей он должен остаться? Отец считал — с ним, поскольку мать, натура возвышенная, не в состоянии уделять сыну должного внимания. Мать считала — с ней, поскольку отец, увлеченный новой пассией, не в состоянии одарить мальчика необходимой нежностью. Тупик. Поэтому в суд обращаться не стали, придя к следующему компромиссу: сын остается с матерью, отец же будет принимать самое деятельное участие в его воспитании, однако если по истечении года мать не оправдает надежд, чадо «отойдет» отцу. Официальный развод закрепит сложившуюся расстановку сил.

Испытательный срок закончится через две недели, сказала миссис МакКинрой, и у нее нет уверенности, что Стивен останется с ней.

— Очень интересно, — промямлил я, давая время клиентке привести себя в порядок, а именно: пошмыгать носом, промокнуть платком глаза, достать из сумочки зеркальце и убедиться, что с макияжем все в порядке.

— Стивен очень изменился, — сказала миссис МакКинрой.

Из дальнейшего ее рассказа я заключил, что ситуация действительно плачевная.

Так как существование под одной крышей по понятным причинам исключалось, Говард МакКинрой явил подлинное великодушие, предложив свои услуги в поиске подходящего жилья. Супруга не стала возражать, так как всегда отдавала земные проблемы на откуп окружающим.

Гнездышко, в котором они со Стивеном в итоге очутились, было премиленьким. Говарда не смутило то, что дом был из старых небоскребов, а квартира требовала существенного ремонта. А где ремонт, там и переплани-

ровка с учетом новейших тенденций. Получилось эффектно, что следовало поставить в заслугу дизайнерам фирмы «Джексон и Фу Си». Много окон, стилизованные потолочные балки, ниши в стенах, а изломы длинного коридора позволили отказаться от дверей. Разумеется, не в туалет или кухню, однако служебные помещения были отнесены на «окраину» квартиры и не испортили общего впечатления.

Особенно Говард позаботился о Стивене, к чему Энн отнеслась с пониманием. Единственное, что ее раздражало, — это маленький коридорчик, ведущий в детскую. Но и миновав его, мать не всегда оказывалась лицом к лицу с сыном, потому что форма комнаты была весьма причудлива, напоминая букву «г». Зато сколько света! Сквозь стеклянную стену открывался дивный вид на город, раскинувшийся далеко внизу.

Короче, новое жилище пришлось Энн по вкусу. Стивену тоже, хотя каких-то бурных эмоций с его стороны не последовало. Он и размолвку родителей принял с нетипичным для восьмилетнего мальчика спокойствием. Мама не хочет жить с папой, а папа — с мамой? Что ж... «С кем тебе будет лучше?» — допытывались и Говард, и Энн, надеясь на выбор в свою пользу. Сын лишь пожимал плечами.

Первые месяцы после переезда каких-то изменений в характере сына, в его поведении Энн МакКинрой не отмечала. Может быть, потому что не приглядывалась. У нее хватало иных забот, к примеру, никак не удавалось найти хорошую домработницу. Казалось бы, отличные рекомендации, однако на деле все шло наперекосяк. Еда без конца пригорала или же, напротив, была слишком жидкой. На справедливые замечания следовали нелепые оправдания, а когда Энн невзначай заходила на кухню, ей чудилось, что даже спина женщины, стоящей у плиты, излучает агрессию. С такими «внутренними врагами» ей было не по пути, приходилось давать расчет и начинать поиски заново.

Но все эти несуразицы отошли на второй план, лишь только Энн МакКинрой поняла, что со Стивеном творится нечто странное. Спокойный, рассудительный мальчуган мало-помалу превратился в непослушного, своевольного и взбалмошного. Все чаще прочим занятиям он предпочитал просто лежать на кровати, вперив глаза в потолочную балку над ним. Мать высказывала свое неудовольствие, но сын оставался безучастным. Она повышала голос, он огрызался. Она принималась кричать, мальчик отворачивался.

Сначала ее возмущали эти капризы, потом она испугалась и бросилась к семейному врачу, который пользовал и ее, и Стивена. Доктор, близкий друг Говарда, пожелал осмотреть мальчика. Она стала объяснять, что на людях Стивен ведет себя паинькой, но согласилась.

«Что я вам говорила?» — сказала Энн МакКинрой, когда Стивена отправили погулять, а она приготовилась выслушать рекомендации врача. Тот понес какую-то наукообразную тарабарщину, после чего посоветовал не предпринимать кардинальных шагов, скажем, не отправлять мальчика в скаутский лагерь, как планировала Энн, ибо резкая смена обстановки может оказать негативное влияние на психику. А так — все нормально, возрастные отклонения, особых причин для волнения нет.

— И все же я уверена, что здесь не все чисто. А виной всему — Говард. Он во что бы то ни стало хочет заполучить Стивена. Вы можете считать меня идиоткой, шизофреничкой с манией преследования...

— Миссис МакКинрой, — сказал я, — вы хотите, чтобы мальчик остался с вами?

— Да, мистер Летти, да. Это мое самое большое желание!

— Тогда вот бумага, вот ручка, нарисуйте план вашей квартиры.

— Зачем?

— Нужно. Рисуйте!

Энн МакКинрой стала чертить. Я задавал уточняющие вопросы, она старалась дать исчерпывающие ответы. Наконец я произнес:

— Довольно, мне все ясно.

— Что ясно?

— Все! — Я взял новую сигару, раскурил ее и только после этого продолжил: — Ваши подозрения абсолютно справедливы. Признаюсь: я в восхищении от дьявольской изобретательности вашего супруга. Вы слышали что-нибудь об учении фэн шуй? Нет? Конечно же, нет, иначе без труда разобрались бы в происходящем. Тем более у вас была подсказка. В названии фирмы, обустроившей квартиру, фигурирует имя Фу Си. Так звали китайского мудреца, который создал конструкцию идеального государства. Составной частью этой конструкции и стало учение фэн шуй. Согласно ему энергия пространства бывает двух видов: «ци» — благоприятная и «ша» — разрушительная. «Ци» любит плавные изгибы, открытые пространства; «ша» прямолинейна, предпочитает длинные коридоры, потолочные балки, ниши, подвалы. Вот лишь несколько правил фэн шуй. Нельзя, чтобы туалет и кухня располагались рядом, поскольку «ша» из отхожего места проникает на кухню и портит пищу. Что и случилось у вас, помните? Нельзя, чтобы разделочный стол располагался таким образом, что человек за ним оказывается спиной к двери, — «ша» надо встречать с открытым забралом. Вот почему у вашей кухни все валилось из рук.

— Не может быть, — прошептала Энн МакКинрой.

— Может! — отрезал я. — Что касается так называемой «зоны детей», тут еще сложнее. Нет ничего хуже, если своей конфигурацией детская комната напоминает сапог, в ней не должно быть укромных уголков, как не должно быть и больших окон, которые не что иное, как «рот строптивого ребенка», в то время как двери — это «рот строгих родителей». Окон в вашей квартире избыток, а двери, как я понял, в дефиците... Также нельзя

располагать кровать под потолочной балкой, поскольку лежащий постоянно испытывает давление исходящего от нее потока «ша». Из всего этого следует, что мистер МакКинрой достаточно осведомлен о хитростях фэн шуй, потому и распорядился провести планировку таким образом, чтобы Стивен превратился из покладистого мальчика в злого маленького демона. Лишь вне стен квартиры он становился прежним Стивеном. Что касается вашего семейного врача, то очевидно, он в сговоре с вашим мужем.

— Подлецы! — вскричала миссис МакКинрой.

— Совершенно с вами согласен.

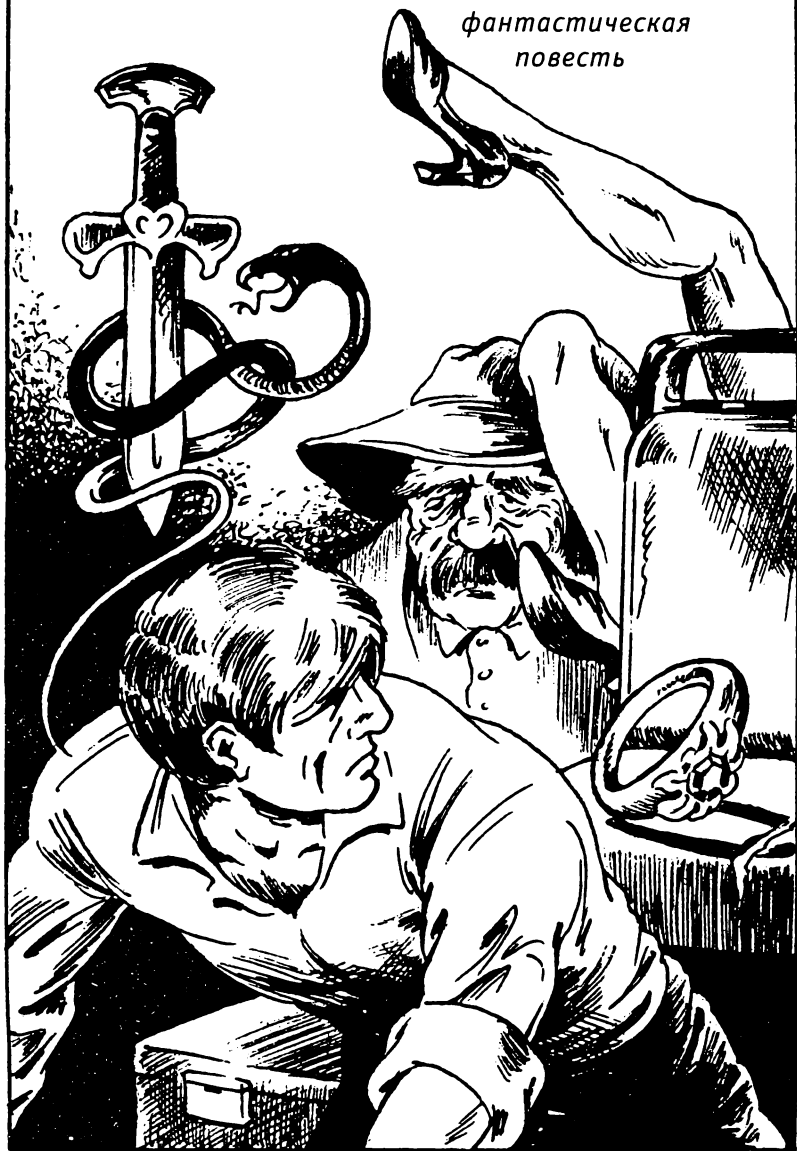
— Но что же делать?

— Кажется, вы хотели отправить Стивена в лагерь скаутов? Так отправьте! А пока закупите бамбуковых палочек, колокольчиков и шестиугольных зеркал и украсьте ими квартиру. Они постепенно нейтрализуют «ша» в пользу положительной энергии «ци». И найдите хорошего адвоката для бракоразводного процесса, частный детектив вам больше не нужен.

Миссис МакКинрой горячо поблагодарила меня, выписала чек и умчалась. Оставшись один, я тяжело вздохнул и поднял глаза. Прямо над моим столом горбом выступала из потолка уродливая балка. Это плохо. Но я слишком ленив, чтобы передвинуть стол, кресло и себя на пару метров в сторону.

Сергей ТЕЛЕВНОЙ
**АДЕКВАТНОЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ**

фантастическая
повесть

Грязно-желтый безродный автобус тряс тебя, вместе с немногочисленными пассажирами, по раздолбанной гравийке. Тебе это мешало заняться даже поверхностным самокопанием, то есть самоанализом. Впрочем, такую заумь ты и не пыжился употреблять. Из неприка-
янного болезненного детства «анализ» у тебя непристойно ассоциировался с мутно-желтыми пузырьками и неприкасаемыми коробочками. А также с медсестричкой из детской больницы с пустыми аквариумами глаз и взбитым в прическу гербарием водорослей. (Тебе почему-то всегда попадались медички такого типа — неизлечимо красивые, угасающие.)

Отказавшись от непродуктивного занятия (попыток пресловутого самоанализа), ты махнул рукой на себя. Просто стал вполоборота с ленивым любопытством изучать своих попутчиков. Благо, сидел на переднем сиденье — лицом к пассажирам. Блуждающий взгляд беспрепятственно скользил по салону автобуса, ни за что привлекательное не цепляясь. Но интуиция-диссидентка, изредка посещавшая тебя, исподволь подсказала: что-то должно случиться.

А вообще, с тобой редко что случалось. Разве, может быть, в дороге. Это не то чтобы страшило, но смущало. Ты оказывался в таких ситуациях практически беспомощным. Но, с другой стороны, в твоей малособытийной жизни хотелось случайностей, пусть и чреватых.

Случайность между тем назревала. Твой взгляд был перехвачен некоей пассажиркой у бороздки ее пышной груди в вырезе платья. Она погрозила тебе порицательным пальцем. Ну, что за шалость?! Ты не придавал этому значения и безотносительно к грудастой молодой попытке смоделировать какое-нибудь происшествие. А может, путешествие, нашествие, шествие... Впрочем, ты сразу устыдился непрошенных, каких-то накопительных рифм.

Даже на твой неизбирательный нюх здесь дурно пах-

ло позорной графоманией. И вообще, рифмованные мысли, иррегулярно приходявшие к тебе, у тебя же самого вызывали подозрение.

Странно, но порицательный палец с аморальным маникюром вульгарной пассажирки по категоричности напоминал тебе милицейский жезл. Впрочем, этот «жезл» (а потом и вся ее ладонь) утонул под дырявым дерматином. Полнотелая пассажирка произвольно делала ковырятельные движения в каучуковом нутре сиденья. Аморальный палец, милицейский жезл, выщипанный каучук сиденья — все это не могло выстроиться в нечто логическое. Однако...

То было происшествие. Вполне банальное, дорожно-транспортное. Видимо, такой тупорылый автобус-шабашник был обречен на происшествие. Осоловелыми от духоты казались запыленные окна с застиранными занавесками. Нервически моргал показатель уровня бензина на панели. Вспоротый пацанячьими ножичками дерматин сидений потел под чьими-то чреслами. Ты продолжал по своей порочно приобретенной привычке равнодушно блуждать по лицам.

Но тут ваш неторопливый автобус обогнала самонадеянная милицейская машина и, «подрезав» его, остановилась под носом. Шофер резко ударил по тормозам, педаль предательски провалилась — тормоза не сработали. Он крутанул вправо. Автобус с зажмуренными фарами зарылся в кучу гравия.

Сатанинская сила расшвыряла немногочисленных пассажиров по салону. Послышался женский визг и мужской мат, а также то и другое без половых различий. Ты не помнил траекторию своего кувырка, но очутился в проходе между сиденьями лежащим навзничь. Вульгарная молодуха, ковырявшаяся давича в сиденье, как-то невероятно завалилась. Она ненормативно, срамным образом барахтала ногами и долго не могла принять исходное положение. Твой нецензурный взгляд уперся в

ее округлости, оголенности и сопутствующую декорацию. Тебе вдруг по-отрочески стало неловко за себя, подглядывающего, и за неуклюжую молодуху.

Ты, ошарашенный столкновением, а также прелестями молодухи, валялся в проходе между сиденьями. Однако до бесконечности оставаться так не мог. На тебя, лежачего, уже отплевывался кровавой слюной какой-то ветеран с отлогими скулами.

Женщина тем временем косвенным зрением столкнулась с твоим взглядом. Непечатно возмутилась, принимая надлежащее положение и одергивая бескрайний подол платья. Ты понадеялся, что все подумают: мат в адрес шофера. Но это было не так, потому что вообще никто не собирался думать. То ли от резко всколебленного мозга, то ли от пигментных женских подробностей тебя замутило. В резко сотрясенную голову не вовремя взбрело: такие натуралистические сеансы в экстремальных условиях могут до корней вытравить мужские желания.

Твои новорожденные пуританские мысли передались упитанной и потрясенной молодухе. Что ли за это, как потом выяснится, эта дура попытается непристойно тебе отомстить?

Все опрокинутые и сотрясенные пассажиры, барахтаясь и тужась, принимали исходное положение — занимали свои места. Именно это больше всего удивило тебя: авария какая никакая, кроващие носы и расквашенные губы, пассажиры, нет чтоб ринуться к спасительному выходу, уселись в заднеприводной зависимости. Пока ты, лежачий, был занят неприличными мыслями и таким же соглядатайством, в автобусе появились и закомандовали люди в форме:

— Я повторяю, — рявкнул один из них, действительно, видимо, повторяя, — всем оставаться на местах!

Признаться, ты не понял, где тебе оставаться: по-прежнему лежать в проходе или сесть на свое растоптанное место.

Запоздало сообразив, что следует встать, ты начал не-

эффективно сучить ногами, но подняться не мог. Оказалось — лежишь в луже. У тебя все сжалось и скомкалось до глубочайших душевных морщин. Пронзила мерзкая догадка — ты с перепугу... ну, это самое, как в детстве, «рыбы наловил». Оттолоски дошкольного энуреза.

Однако, уже слегка расторможенный, сообразил — лежишь в луже подсолнечного масла. И по-ребячьи искренне обрадовался, что не испугался до крайней степени и не напустил в штаны.

С небритым, военизировано выпяченным подбородком и перегарным духом человек в милицейской форме склонился над тобой. До последнего времени ты был законопослушным гражданином и, будучи лежачим, тем более оставался таковым. И питал к носителям власти некоторое, оставшееся с юдээмовского детства, уважение. Вперемешку с другими позитивными чувствами.

— Встать! — Нельзя сказать, чтобы то был окрик, но просьбой сие назвать было трудно.

— А я что делаю? — удивился ты, как бывший юный друг милиции.

Страж порядка молча наступил тебе на пальцы ботинком. Он, ботинок, был нелепым. Желто-коричневый, с белой подошвой под сизыми милицейскими брюками. А белая подошва — очень мягкая, потому терпимая твоими пальцами. Признаться, ты несколько удивился поведению человека в форме, оставаясь тем временем в полулежачем положении.

— А как я встану?

Наступательный милицейский синдром до конца почему-то не проявился: страж порядка убрал свой нелепый башмак с твоей руки. Он двинулся дальше по проходу, переступив через тебя. Ты почему-то от природы не любил, когда на тебя наступают и переступают через тебя. Но нелюбовь эту сей раз не мог выразить в какой-либо форме. Себе дороже.

Потоптанная рука саднила. Тошнотворное подсолнечное масло не впитывалось в пересыщенную им же

одежду. Ты медленнее обычного соображал: что происходит? Затем с облегчением уяснил, что... всего до конца понимать не надо, и глубокомыслие чревато. Скоро все это закончилось — так ты понимал.

Такая законченность выглядела следующим образом: милиционеры выцепили с заднего сиденья какого-то Ахмеда, самого настоящего из мужчин. Об этом он темпераментно стучал себя в грудь. Но люди в форме стучать ему долго не дали — выволокли из автобуса.

Некрасиво, конечно, но ты облегченно вздохнул: не тебя. Да и за что было тебя?! Ты ж законопослушный. А за какие дела этого, с аэродинамическим профилем? — подумалось тебе. Впрочем, какая разница...

Страж порядка в мягких наступательных ботинках, еще раз пройдясь начальственно по автобусу, уже был у входа, как толстуха с засвеченным давеча срамом завопила:

— Кольцо мое! Кто украл?! — И, готовясь зарыдать: — Обручальное!

Ты, нехороший, удивленно и некстати подумал: кто на ней, на такой, еще женился, кто с ней обручался?

— Это он, он! — тыкала облупленным маникюром тебе почти в переносицу полнотелая деваха.

Ты опешил, потеряв окончательно еще не совсем обретенный после сотрясения дар речи. Твой наступатель с перегоревшими губами был уже подле. А жирная плаксивая чудобица собственноручно шарила по твоим карманам.

Твои попутчики разинули слюнявые рты: интересно же — поймали вора на месте преступления!

Вот за что ты не любишь детективы читать: мусолят, мусолят сюжет, мучают воображение читателя, а в итоге все оказывается неожиданно просто. Нечестно как-то выходит по отношению к тебе, читателю. И неестественно, не по правде. Считаешь себя надутым.

И сейчас ты понимал: это тот же паршивый детектив — тебя неправдоподобно хотят наказать. Однако твое невредимое высокое сознание не хотело снисхо-

доть до банальностей махрового сюжета. Ты просто был уверен: или кольца не существует в природе и его не станут искать стражи порядка, или его найдут невероятно быстро. Ты так стоял и думал — запятнанный подсолнечным маслом и брезгливо обшариваемый милицетскими и прочими руками. Страж нехотя, но со знанием дела изучал все подробности складок твоей одежды и карманов. Кольца, понятно, не обнаруживал.

Тебе вдруг показалось, что так же брезгливо и профессионально будут ощупываться слизистые изгибы и закоулки твоего пищеварительного тракта, если кому взбредет в голову, что ты кольцо проглотил. Полупустой желудок отреагировал на мыслимый пока раздражитель громко и неприлично. Запредельная мысль, подстегнутая таким образом, чуть было не усугубила бесчинный обыск. Ты, как всегда (а сегодня — более того) потусторонне, то бишь со стороны, взглянул на ситуацию и увидел... слюнявого старикана. Он давеча тягуче и солоно отплевывался на тебя, лежащего в проходе. Узловатым бамбуковым пальцем и искаженным в красных орбитах взглядом он показывал на рваное сиденье.

«Клоун какой-то недоделанный...» — подумал ты о нем несправедливо. Мент в мягких ботинках, являя служебную смекалку, уже допрашивал старика:

— Че, дед, рожу корчишь?

— Дык, гражданин начальник, кольцо-то в сиденье. Да...

— Че несешь, плюгавый? — брезгливо сморщился «начальник».

Тут вмешался в их диалог рослый, с положительной внешностью и беспорядочными звездочками на погонах действительный начальник. Ты как-то сразу поверил в успех операции. Положительный, со звездочками, еще раз внимательно выслушав бдительного старичка, авторитетно и собственноручно занялся изучением сиденья.

Неправдоподобно быстро (тебе аж обидно стало за куцо оборванный детективный сюжет) искатель длин-

ными музыкальными пальцами извлек из каучуковой утробы кольцо. Оно, обручальное, широкое и старомодное, из застойных времен, тускло на узкой розовой ладони доморощенного Шерлока Холмса.

Толстуха как бы и не удивилась и не обрадовалась находке, а лишь потянулась за обручальным драгметаллом. Однако правильный милиционер упредил ее хватательный позыв и оставил кольцо у себя.

— Это вещдок, — пояснил он.

Хотя что, собственно, там было вещественно доказывать. Хозяйка обнаруженного кольца, естественно, не согласилась с таким неожиданным для нее поворотом. Она рьяно начала отстаивать свою обручальную собственность. Шустро выскочила за стражем порядка из автобуса и энергично зажестикувала.

Тем временем из милицейского «уазика» доносился утробный грохот. Это не соглашался со своей несвободой выплепленный из автобуса Ахмед. Его мятежный профиль мутно маячил в дверном окошке машины.

Тебя, затоптанного, запятанного и одурманенного дорожной пылью и жарой, необъяснимо заинтересовала судьба зарешеченного окошка. Во-первых, сколько искаженных портретов вынужденных пассажиров отражало мутное стекло?! Во-вторых, почему до сих пор никто из буйных седоков не умудрился разбить его?!

Эти два неактуальных для тебя вопроса могли бы замучить до невменяемости. Но неуправляемые и неподотчетные мысли вернули тебя к собственной персоне. Интерес к неодушевленным предметам, к их неразбитым и замутненным состояниям мог бы любому показаться подозрительным. Но ты не отважился поделиться с кем-то своими нетрадиционными мыслями. Впрочем, само твое существование, если покопаться в биографии, могло показаться подозрительным и необязательным.

И это подозрение, усугубленное объективным прибаблом, кажется, витало в окрестностях. Почему же тогда избыточная телом молодуха с очевидным срамом

под подолом внезапно возненавидела тебя? Эта пылкая нелюбовь возникла, вероятно, у нее бессознательно — в ответ на присутствие самого тебя, несуразного. Объективно ты не мог ей насолить до невыносимой степени. Зароненное же кольцо при столкновении автобуса с кучей гравия — это лишь незначительная причина. Наверное, она ненавидит все несовершенное человечество в твоём лице?

Малоприятный факт потери кольца, болезненное столкновение при аварии и комплекс бесформенной толстухи заставили ее возвести напраслину именно на тебя.

Виновником случившегося с ней, с недалекой воображалой, мог быть только среднерослый субъект с человекоподобной крутолобостью и выдающимися надбровными дугами. Ты как раз этот типаж. На взгляд толстомясой комплексантки — уголовник долговременный!

Не докажешь ей, что, вопреки своей сомнительной антропологии, ты вполне законопослушный гражданин. И нынешнее осязаемое и болючее соприкосновение со стражами порядка у тебя первое в жизни.

Между тем правильный милиционер, нашедший с подсказки плюгавого ветерана кольцо, предложил гражданке прийти за вещдоком в милицию и там разобраться. Он намекнул на некую причастность к быстрой историйке с кольцом водворенного только что в ментовский «уазик» чернявого орла Ахмеда.

Даже твоя временами изощренная и безалаберная фантазия не могла скрестить невменяемого абрека и потливо красную молодуху. Здесь правильный милиционер, по-твоему, явно перегнул. Потенциальная ахмедовская подельница перестала жестикулировать и хлюпать носом — бесполезно. Стражи укатили.

Тупорылый автобус, въехавший мордой в гравий, не собиравшись самостоятельно продолжать рейс — радиатор потек, лобовое стекло высыпалось, шофер остался без прав и обреченно материл ментов. Поняв это, с пяток

пассажиров побрели напрямую — через неудобья и кустистые буераки к чахламу перелеску. А там — по мосту через канал и до райцентра рукой подать.

Основная группа отошла довольно далеко, когда и ты спохватился им вслед. Неловко говорить, но тебе не-стерпимо захотелось достичь первых кустов, чтобы отправить естественную надобность. Из условно приобретенной в школе вежливости, ты спросил своего ветерана-выручателя: не пойдет ли тот с тобой? Старик нерешительно отказался. Он осторожно заворачивал в некогда белый носовой платок розовую искусственную челюсть. Предлагать компанию толстухе-поклепщице ты не собирался. Тем более она вместе с бесправным и безлошадным водителем выглядывала попутку.

Через заросшую фиолетовым бурьяном свалку проходило стадо коров вперемешку с бестолковыми овцами. Животные лениво передвигались и дежурно пощипывали траву, преградив тебе дорогу к вожделенным кустам.

Шаловливый пастух с длинным кнутовищем тыкал несчастных коров под хвост и хлестал их по худосочным дойкам. Удовольствие, с которым он это делал, наводило на извращенческие о нем мысли. Тебе, однако, не хотелось о том думать. Ты спешил добраться до спасительных кустов. Но потом решил оправиться под прикрытием опороченных кнутовищем чернявого пастуха буренок. Последняя телка, истязаемая вероятным зоосадофилом, проковыляла мимо тебя, едва успевшего сделать неотложное дело. И тут вдруг появилась толстуха, автобусная попутчица и наговорщица.

Застигнутый и недавно обшаренный в автобусе, ты испытывал неопишуемые к толстухе чувства. Выделения от этих самых чувств выступили едкими капельками на твоём сократовском лбу, бугрились пульсирующими жилками на висках и по-сионистски пучили твои евразийские глаза. Признаться, от неожиданности ты ре-

шил было заговорить первым с этой толстомясой. Только не знал, с чего начать? Не о погоде же, в самом деле, с ней ругаться! Да и погоды, по твоему разумению, сейчас не было. Просто колыхалась вязкая духота, напряженность безвкусного воздуха.

— Душно... — без выражения произнесла горе-попутчица. В этом, конечно, она была права. Но даже правота мало объясняла неожиданное миролюбие девки. И от этой неожиданности ты вывалился из колеи традиционных мыслей и незамысловатых поступков. Но не о духоте, правоте и вываленности думалось тебе.

— Да... — глубокомысленно согласился ты, недоумевая по поводу приключившейся с полнотелой попутчицей метаморфозы. Принужденно думая о своей бесхарактерности и нарочито спотыкаясь о кучу мусора, вывихнутый, ты презирал себя. Противоестественно возникшая твоя миролюбивость уготовила тебе подорожный диалог.

Уязвленная твоя душа глубокодонно клекотала. Но через несколько шагов... ты предложил ей помочь нести поклажу. То была бесформенная хозяйственная сумка, видимо, с какой-то снедью. В связи с содержимым сумки интенсивно проявился твой условный рефлекс. Как у собаки Павлова. Похавать, что трудно скрываемо, ты любил и продолжал любить.

Диалог между тем, оставаясь вялотекущим, позволил тебе выяснить, что полнотелую зовут Ленкой. Она так и представилась: Ленка. Тебе стало обидно, что твою соседку-красавицу зовут так же. И вдвойне обидно за безрезультатно прожитые рядом с ней, с соседкой, годы безвозмездных вздыханий. Твоя обида на Ленку-соседку необъяснимо побудила тебя представиться попутчице... Николаем.

— Ой, моего мужа тоже Колькой звать, — вроде бы обрадовалась Ленка-толстуха.

Ты в душе посмеялся над ней, обманутой: у тебя с детства укоренилась привычка называться чужими име-

нами. Как подпольщик-революционер. Правда, в далеком низкооблачном детстве и пасмурном отрочестве ты предпочитал именоваться Эдуардом, Рудольфом, Джоном. Со временем в именах ты стал не столь изобретательным и более патриотичным: представлялся Юрием, Александром, Сергеем. Вот теперь — Николаем.

Так, наверное, ты вернешься к исконному — Ивану. Не столь благозвучному, но истинному имени. Ведь в метрике у тебя было и вовсе — Иоанн. Об этом позаботилась твоя почетная колхозница-тетка.

Попутчица Ленка необъяснимо пыталась рассказать о своем муже, о своей семье. А может, так она хотела сгладить случившееся час назад? Сглаживание это, конечно, было своеобразным. Каждая попытка начать рассказ о своих домашних прерывалась то резким щелчком кнута недалекого пастуха-зоофила, то глубоким, об очередную кучу мусора, спотыком твоей попутчицы. Наконец проворная проволока, торчащая из кучи мусора, уцепилась за ее подол. Она, проволока, была сталистой и упрямой, не отпускала подола широкого ее платья. И Ленка своими бутылчатymi ногами вконец запуталась.

Толстуху это возбудило до едва сдерживаемого под вздутыми щеками мата. Твоя миролюбивая натура не позволила тебе остаться в стороне. Ты вплотную подошел на помощь. Впившись одной рукой в твое плечо, другой — разбираясь в хитросплетениях проволоки, Ленка горячо касалась тебя настойчивыми грудями. Бесспорная близость женщины, ее нарочитые прикосновения неожиданно обнаружили твою мужскую состоятельность. С проволокой, впрочем, было покончено, но Ленка неуклонно продолжала держаться за твое плечо. Она внимательно рассматривала мелко исцарапанные свои икры, поднимая выше некуда платье. Колокола ее грудей рисковали вывалиться из злоумышленного декольте. Ты, проницательный, понимал, что это — хотя и соблазнительные, но примитивные женские штучки-дрючки. Обнаружив

свою понятливость, ты вежливо снял полную и настойчивую Ленкину руку со своего плеча.

Возможно, правильно поняв твое небрежение, Ленка в сердцах отбросила взвизгнувшую в воздухе спираль проволоки и тяжело опустилась в еще не совсем вытопанную траву под вздорным терновым кустом. Ты продолжал скованно стоять, не решаясь ни сесть рядом, ни отдать поклажу и идти дальше. Время между тем поджимало. Да и захламленный мусором выгон — не самое лучшее место для привала. Твои колебания разрешил сиплый окрик:

— Эй, погодьте, я с вами...

Ты обернулся — вас нагонял твой автобусный спаситель, плюгавый старикан. Он передвигался шибко и валко шел, надламываясь в пояснице. Его незначительный и неестественный для тщедушной фигурки животик ограниченно метался под рубахой навывпуск.

— Фу-у, — утер он сверху вниз потное лицо, повесив таким движением капельку пота на остренький, с проклюнувшимися волосами нос. Капелька боязливо дрожала, но удерживалась на самом кончике. Это тебя отвлекло от негроидно вывернутых, распухших от удара дедовых губ.

Старичку-спасителю без зубных протезов и с разбитыми губами трудно было говорить — ты так думал. Однако он с шелестом лопотал и лопотал о чем-то незначительном:

— Я ш шамого начала думал, что вы муж и жена, — радуясь своей мнимой догадке, заявил старичок-губошлеп. Его незначительное брюшко озорно подпрыгивало под рубашкой навывпуск. Он беззвучно смеялся. Догадка его, прежде чем оскорбить, удивила тебя:

— А из чего это видно? — спросила шепелявого дедка тоже удивленная, но, кажется, польщенная Ленка.

— Моя последняя штара вешалка, когда поцапаемся, тоже норовит сдать меня в ментовку, — высказал старик свое обоснование. — Эта чертова перешница вещно набрешет, што будто я што-нибудь стыбил.

— Ну, и часто она тебя сажала? — Ты незаметно для себя обратился к деду на «ты», чего с пожилыми себе никогда не позволял.

— Дык, там у меня вше швои, — опять в беззвучном смехе затрясся его животишко.

Мутная капелька пота от этого сорвалась-таки с кончика носа.

— Не, я не бывший мент, — предвкушая твой вопрос, ответил шепелявый «спаситель», — но по ихнему ведомству проходил.

Ты опустил на землю Ленкину хозяйственную сумку, как бы ставя выразительный знак препинания.

— И мой тоже по ихнему ведомству проходит, — полупередразнивая дедка и если не с радостью, то с оживлением сказала Ленка. И, внезапно поменяв интонацию на унылую, добавила: — Уже три года.

— И школько еще ему? — встрепенулся слегка пузатенький старичок, доброжелательно, даже слегка заискивающе глядя на Ленку. Он как бы осознавал свою вину за давешнее «предательство» и за не подтвердившееся ваше супружество.

— Год остался, — тускло сказала она. — Если не добавят...

Тебе стало жаль молодуху и неловко за то, что жена твоя (которая, впрочем, как бы и не жена) или ты сам не в тюрьме. Потом, спохватившись, ты обозвал себя вслух дураком за такую «неловкость». Тем, кажется, смутил старика и Ленку.

— Это я про себя, — успокаивающе сказал ты.

— Я тоже чаштенько шам ш шобою говорю, это шта-риковшкое, — пояснил тебе шелестящий дед.

Такое успокоение тебя вовсе не устраивало. Что, ты совсем древний?!

— Он же не старик, — точно подслушав твои мысли или по внешним признакам определив, брякнула Ленка. Потом что-то тараторила, тараторила: картавые горошины слов дробно бились в пробку твоей начальной

тугоухости. Потом почти зримо застредали в непродираемой беспорядочности терновника.

Ленка сообразила, что трещит мимо и деловито начала шуршать газетой, выкладывая на съедение помидоры и хлеб. А тебе стало жалко старика за поломанную искусственную челюсть. Как же он будет есть, подумал ты, глядя на мясистые помидоры и ноздреватый хлеб. Но пока ты сочувствовал и представлял невозможным процесс приема пищи, дедок искромсал на невообразимо мелкие ломтики помидоры и хлеб и горстью отправил это в беспротезный и беззубый рот. Ты порадовался за себя, что не доживешь до такой «еды», потому что намеревался помереть в районе сорока лет. А уж на несколько оставшихся годков твоих лошадиных хватит.

Стоматологические мотивы продолжила Ленка, сказав, что и мужу ее надо будет челюсть вставлять. Тот еще на первом году отсидки потерял несколько зубов — золотые были. Старик скрипуче хохотнул, наверняка зная, почему у Ленкиного мужа избирательно выпали зубы с золотыми коронками. Ты яростно жевал и опять же сочувственно думал о своем якобы тезке, Ленкином муже. Вот сидишь ты с его женой, и она, подчиняясь низменному инстинкту, имеет в виду тебя. Если б не старикан, она б тебя безоговорочно поимела. Ты из не очень богатого своего опыта знаешь, что такие женщины берут инициативу на себя вопреки своей непривлекательности и закомплексованности.

Старикан, вспенивая твои засоренные мысли, так до конца и не понял, что ты Ленке даже не временный муж. Все норовил свести разговор к вашей вероятной совместной жизни. Ты суеверно затревожился — вдруг беззубый напроорчит.

— Во, затравил червячка, — прошепелявил дедуля, неожиданно, но очень кстати прерывая тему якобы семейных взаимоотношений.

Это шепелявое заключение тебе не понравилось, потому что — с «червячком».

Черви — особый пунктик в твоей биографии. А вернее, не особый, а очень даже печальный. Это было давно, почти сразу после твоей женитьбы.

— Червь в нем сидит, — такой диагноз поставила тебе гадалка и колдовка Римма в откровениях с твоей тогдашней женой, традиционной медсестричкой.

— Так не болел он, — неуверенно возразила твоя жена. Просто ходил смурной да странный какой-то... Сглаз, наверное, у него, — поставила диагноз твоя благоверная и суходолая медичка. — А никакой не червь...

— Ну, пусть сглаз, — снисходительно согласилась Римма. — Если тебе червь не нравится. Только точит его червь!

Ты лежал в ожидании «скорой» без явных признаков жизни, но с невероятно обостренным и все автономно воспринимающим слухом. Лежал в соседней комнате. Уже с десятков лет прошло, а их диалог ты помнишь до интонаций. Затем, после Римкиного приговора, червя изгонял из тебя официальный фельдшер Батыр, тщедушный эскулап с вашей улицы. Точнее — с их, батыровской улицы, так как ее и весь ваш хутор во множестве населили и начали там активно плодиться чернявые фельдшеровские сородичи. «Как колорадские жуки размножаются!» — в сердцах говорили местные, постепенно становившиеся меньшинством в родном хуторе. «Жуки» успешно адаптировались ко всем административным «ядохимикатам». Впрочем, батыровцы вели себя мирно и воровали в колхозе не больше других. А старательный Батыр тебя заметно подлечил.

— Ну что, пошли, мужики? — своевременно отвлекла тебя Ленка от червоточивой темы. Она обращалась скорее не к вам обоим, а к тебе. И в ее голосе послышались вроде бы интонации твоей жены-здрavoохранительницы.

Сегодня она, твоя суходолая, тебя не дождетсЯ, подумал ты с обреченной уверенностью. И, еще не зная, почему это случится, ты перебирал варианты: чего бы

правдоподобное ей соврать? Бывало, в таких случаях она верила, и обходилось без кратковременного, но бурного развода «навсегда» с последующими взаимопроверками. И главное, без неравноправного раздела «имущества» — бледнолицей пожизненно несовершеннолетней дочурки.

Ты постыдно придумывал для жены-традиционастки «отмазки». Дедок, чадолюбивый, расспрашивал о якобы ваших с Ленкой детишках, правда, только у нее. Та, собиравшая с придуманной сосредоточенностью остатки снеди, вроде не понимала вопроса, и что-то там темнила. Употребляла несвойственные для ее скудного лексикона «неадекватное развитие», «неадекватное восприятие».

Пошли дальше. Лирически заходящее солнце серебрило норовистый изгиб трубопровода, переброшенного через широкий обводнительный канал имени Профессионального Революционера. Через эту водную преграду был перекинут и безнадёжный подвесной мост. К нему вам следовало добраться. Буквально рукой подать. Только придется делать небольшой крюк через запыленно-рыжий перелесок. Можно и напрямик, но тягостное болотце всепоглощающе чавкало фиолетовым илом под ногами. Неизвестно, какая его глубина? Ленка, однако, пошла напрямик, безнравственно вихляя крупом и запредельно подбирая подол платья.

Тебе этот примитивный сюжет с голыми целлюлитными ляжками и утробным болотным чавканьем сразу не понравился. Ты, не желая банального разрешения ситуации, вылез из болота и быстрым шагом стал оги-бать его. Дедок, перекинув через плечо связанные башмаки и слегка осоловев от болотных испарений и белизны маячивших впереди ляжек, брел за Ленкой. Задрав широкие штанины выше голубых своих коленок, он по-детски балансировал руками.

Ты скоро обогнул болотце и с любопытством юного ботаника изучал чахлую окрестную фауну, отвернув-

шись от толстых белых ляжек, сиявших для тебя. Однако бросал все же неприличные косвенные взгляды на соблазн женской плоти. Ты, прозорливый, был убежден: неестественно бойко идущая по гадостной жиже Ленка если не шлепнется в нее, то уж испачкается до безобразия. Потом, согласно примитивному сценарию, ей захочется искупаться в канале имени Профессионального Революционера. Тебе стало совестно за предполагаемый самодеятельный балаган!

Тем временем второстепенное действующее лицо с не-законопослушным прошлым вдруг приблизилось к женщине на травмоопасное расстояние. Лицо сие, то бишь дедок, по-идиотски гогоча, хищно мацнул Ленку за необъятные ягодицы. Резко всколыхнувшись всеми округлостями, Ленка смазанула наотмашь похотливого старикана. Тот беспорядочно шлепнулся в тухлую жижу и исчез под ней. Топь беспорядочно и судорожно взбурлила. Потом хлюп, хрюк и бульканье внезапно прекратились.

Толстомясая Ленка с перепугу рванулась бежать, показав неимоверную резвость. Но ты, с такого же перепугу, бросился ей навстречу, сбил, уже на берегу, беглянку с ног. Бешено матерясь, зачем-то пытался волоочь ее, неподъемную, к уже отбарахтывавшемуся дедку. Ленка, запредельно превосходившая тебя в весе, с удесятеренной страхом силой, яростно боролась с тобой. Впрочем, единоборство длилось считанные секунды. Поняв, что делаешь не то, ты бросил эту бессмысленную возню и кинулся к старику. О нем напоминали, кажется, лишь судорожно дергавшиеся из жижи коленки. Тебя охватил ужас от бесспорной мысли: если старик захлебнулся, то в его смерти обвинят тебя. Кого же еще? Не женщину же ведь!

Ты схватил дедка под колени и, обретя непонятного происхождения силу, в мгновение ока выволок его на берег. Жив, не жив? Делать ему искусственное дыхание? Как это делать, ты знал лишь по плакатам общества спасения на водах. Пожалуй, страх перед обвинением в чужой смерти заставил тебя действовать, как за-

правского спасателя. Даже размазанная грязь тины, застывшая на стариковском лице, поначалу не отпугнула тебя. Ты сделал несколько вдохов «изо рта в рот», но потом тебя стошнило. Отвалившись от полупокойника, ты исходил в рвоте на нет. Послышался полувсхлип-полувздых. Еще не отплевавшись, ты увидел: болотный дед начал приходить в себя. Что-то пробормотал.

Ты, очумевший, кое-как встал и побрел к каналу имени Профессионального Революционера. Прямо в одежде, держась за бритвенно-острые камыши, отмылся и отхаркивался целую вечность. Ты разгонял радужные нефтяные пятна на коричневой канальной воде и плескал ею себе в лицо.

Всхлипы и хрюканье старика вроде бы прекратились, и ты в очередной раз испугался, что старый зэк откинул копыта. И тебе лучше всего сейчас броситься вплавь через канал, а потом бежать и бежать прочь. Но разнюхают и найдут же, сволочи, думал ты своим вспомогательным умом о милиционерах. Ведь тебя в автобусе видели и пассажиры, и менты. Думалось судорожно и хаотично. Мысли походили на орнамент нефтяных радужных пятен, причудливым образом расступавшихся от берега. Тебе показалось забавным следить за зыбкими ажурными нефтяными разводами. Откуда нефтяные пятна и запах бензина?

Однако тревога за старика заставила тебя отвлечься, выбраться на скользкий берег и направиться к жертве Ленкиного рукоприкладства. Из порезанной камышом ладони безболезненно сочилась разжиженная кровь. Ты инстинктивно облизывал неглубокий порез, перепачкал кровью светлую рубаху. Невесть откуда взявшаяся Ленка, склонявшаяся над дедком, при виде тебя, окровавленного, вскрикнула и резко вскочила.

— Что с тобой? — вытаращилась она на тебя, еще не понимающего в чем дело.

Болотный дедок, который оказался скорее живым, чем мертвым, тоже шамкал негроидными разбитыми

губами что-то малоразборчивое. К тому же водяная пробка заложила тебе уши. Ты вдруг физически ощутил в своем сознании появившееся вязкое марево. Жидко-красные пятна расползались по твоей мокрой рубашке и чудились тебе давешними бензиновыми разводами.

— Ты ранен? — прошепелявил болотный дедок.

Тебя, полубессознательного, этот «боевой» вопрос удивил и как бы привел в себя.

— Да что, не видно, подстрелили меня! — патетически и бессознательно соврал ты. И поверил бы в это сам, если бы порезанная, саднящая слегка рука не заставляла чуть-чуть думать. Уж слишком формально и мутно ты ощущал себя живым. Но то, что тебя мутило от запаха бензина, ты понял с необыкновенной ясностью. Да, этот бензин — отрывка из далекого детства.

Твой отец работал в достославном соседнем колхозе на машине. То был крокодилоподобный «ЗИЛ». Когда отец заезжал на обед к бабке с дедом, ты любил вдыхать вкусный аромат бензина, исходивший от машины. Именно вкусный, так тебе казалось. Ты даже был уверен, что бензин — вкуса арбузного сиропа, и непременно хотелось его попробовать. И как-то, утаившись от отца, заскочившего перекусить и оставившего «ЗИЛ» у двора, ты попробовал все же бензина. Прямо из бака, через вкусную резиновую шлангочку. Бензин оказался вовсе не арбузным сиропом — тебя, наглотавшегося его, тогда едва откачали.

Сейчас запах бензина вверх тебя в полумладенческое состояние, похожее на то, когда ты пребывал после той откочки. Испугало, что ты даже мыслить начинал, как пятилетний пацан. Но по-детски обрадовало то, что в смуте бессознания вырисовывался образ твоего отца. И вот он весь — почти осязаемый, в неперменных парусиновых туфлях, коренастый, энергичный, в тенниске. Короткие рукава ее обнаруживали синюю наколку на мускулистых руках — якорь и кинжал, обвиваемый змеей.

Татуированная же змея, выползшая за пределы твоего сознания, рискуя пораниться, соскользнула с татуированного кинжала. Пристально глянул на тебя пластмассовыми бусинками глаз. Ядовито зашипела.

Ты ощутил холодную мокрую одежду, а рисованная иглой и тушью змея, вполне высокохудожественная, оказывается... на плетеобразной руке деда. Змея — величиной с натурального дождевого червя. Что за чертовщина!

Ленка взяла за запястье дедову руку с синей змеей, прощупывая у того пульс. Правда, непонятно — зачем? Во-первых, дедок был все же жив. Во-вторых, она залапила татуированного червя, чему ты как-то даже огорчился. Фу, опять червь, мелькнуло у тебя в голове.

— Живой, — сообщила непонятно кому толстуха о состоянии болотного дедка. Этому «открытию» сам живой дедок слабехонько хохотнул, комично подергивая несерьезным животишкой. Тебе показалось, что Ленка начала «тупить». Может, на нее тоже повлиял стойкий запах бензина?

— Дедуль, давай, я постираю твои вещи, вон все в грязи... — сказала она вдруг как-то буднично, очищая в это время щепкой грязь с одежки полулежащего на локтях старикашки. Ты понял, что толстуха вовсе не «тупит», а даже наоборот. Дедок с кряхтением, подтверждающим последние усилия, стал стаскивать с себя липкую и грязную одежду. Стащив наполовину рубаху, не расстегивая почему-то всех пуговиц, болотный полутопленник вроде бы засмутился. С трудом встал и поковылял в кусты.

— Что ж я, в портках одних перед бабой? — объяснился этот скромник, недавно мацавший Ленкины плавающие ягодицы, за что сурово поплатился. Но на слова его ни ты, ни Ленка не обратили внимания. Вас обоих поразили... великолепный храм о нескольких куполах. Храм этот был вытатуирован на стариковой спине в два цвета. Хотя дряблая старческая кожа и сутулость нес-

колько искажали пропорции храма, но поражала детализировка. Ты не заметил, как идешь за стариком и рассматриваешь подробности шедевра какого-то эковского искусствника. Центральный, самый высокий, купол этого художества был несколько необычной формы и... цвета. Красное родимое пятно на спине старика было заключено в синий контур татуировки — потому купол казался необычным. Недавний болотный утопленник обернулся, и вы встретились глазами. Он хихикнул, но красные, слезливые глаза у него были недобрыми. Впрочем, были ли они до сего момента добрыми, ты не знал, не помнил.

— Может, помочь, дедуль? — попытался ты скрыть свое замешательство.

— Ты за кого меня держишь? — холодно и тихо процедил он, перестав шепелявить.

Ты, понятно, его ни за кого не держал, и так ему и ответил.

— В натуре, что я, пидор? — обрывчато донеслось из кустов вперемишку с матюгами.

Ты почему-то, безотносительно к его сексуальной ориентации и «натуре», очень пожалел, что ветеран зоны не захлебнулся в болотной жиже. И, кажется, высказал это вслух.

— Что вы, что вы!.. — это Ленка-толстуха залепетала с испугом.

Ты, правда, не понял: к тебе это она на «вы» или к вам обоим? В ответ энергично зашуршали камыши, и дед с замысловатыми матами стал удаляться и удаляться.

— Я вспомнила, я вспомнила! — твердила полнотелая. — Я вспомнила...

— Я тоже вспомнил, — вовсе не передразнивая толстуху, сказал ты. Что именно вспомнила толстуха, непонятно. Но ты вспомнил... храм. На эковской спине.

Это было в твоём сопливом, простуженном и неопекаемом детстве.

По весне к вам в степной до некоторых пор неперспективный хуторок нагнали зэков — строить школу. Обнесли участок дощатым, щелястым, но очень высоким забором. С колючей проволокой, вышками по углам и с узбеками-охранниками на них. У узбеков были автоматы, малиновые погоны и смешной акцент, когда они матерились на отчаянных пацанов. Детвора, сворачивая полы своих куцых пальтишек наподобие свиного уха, дразнила охранников-магометан: «Хрю-хрю!» Так их научил одноногий со времен первой мировой войны дед Степан. Он воевал в империалистическую против немцев вместе с татарами. Таким образом изображая свиное ухо, дед Степан добывал лишний черпак солдатской каши — татары отказывались есть ее со свининой. Пацаны же, научаемые империалистическим инвалидом, кроме смешных узбекских матов и своеобразного интернационального воспитания ничего не получали. Ты не помнишь, как долго строили школу, но соседство зоны в жизнь вашего захолустья привнесло какой-то колорит.

Слово «зона» у тебя, в меру любопытного дошкольника, вызывало прямые ассоциации с таинственным белым шаром, появившимся однажды над хутором и названным серьезным электриком-просветителем дядей Сашей то ли «зондой», то ли «зондом». То была эпоха шпиономании. Зонд взрослые назвали не иначе как шпионским. Потому ты был уверен: шпионский зонд прилетел в зону, где изловленные шпионы, то бишь зэки, строили школу. От этого тебе было страшно и любопытно.

Ты, наивный, не понимал: как узбеки с автоматами школьных шпионов охраняли? Но то, что некоторые из них отлучались со стройки народного хозяйства (так будущую школу называл тот же электрик дядя Саша), шастали по хуторским садам и огородам, в этом ты убедился сам. Но зэки особо не озорничали — им просто витаминов не хватало.

Однажды ты пошел в дедстепанов сад, где поспевали ранние желтые безымянные яблоки. С собой ты взял

длинную палку, чтобы сбивать и подкатывать к себе плоды. Подкатывать — потому что возле яблони, чтоб никому не было повадно шастать по чужим садам, дедом Степаном, обидчиком мусульманских трудящихся, была привязана огромная псина по кличке Тарзан. (В хуторе, впрочем, каждый третий пес был Тарзан, остальные — Шарики и Тузики.) Ты потихоньку пробрался к заветной яблоне со стороны вала, окружавшего сад вместо забора. По твоему дошкольному разумению, Тарзан не должен был заметить тебя, заходящего с тыла, и уж по крайней мере не должен был достать.

По-партизански тихо, почти не дыша, ты подобрался к яблоне. И тут нос к носу столкнулся с огромным, как тебе показалось, зэком в серой шапочке, с металлическим оскалом зубов и вроде бы испуганными глазами. «Шпион» оказался по пояс раздетым, а его роба с завязанными рукавами была полна яблок. В это время с дерева соскользнул без гимнастерки коричневый скелет — перетянутый солдатским ремнем узбек-охранник. Тоже с яблоками в завязанной гимнастерке. Ты, как бешеный, заорал. Непрошенные гости без лишнего шума скрылись в кустах, прихватив, конечно, свои торбы с яблоками. Скелет-узбек первый, за ним — «шпион». У зэка ты увидел синюю, на всю спину, татуировку церкви с красной маковкой.

— Я вспомнил! — еще раз повторил ты, прокрутив обратно картинку детства, не слушая, о чем говорила толстая Ленка.

Напуганный «шкилетом» и «шпионом» в татуировке, ты заорал и вывел из какого-то странного оцепенения лежавшего подле яблони пса Тарзана. Тот, негодяй, не реагируя почему-то на узбека и зэка, кинулся на тебя и грызнул за локоть.

Окровавленный и насмерть перепуганный, ты прибежал домой. То, что тебя укусил Тарзан, было всем ясно. Но то, что ты испугался шпиона и охранника, о чем пытался рассказать взрослым, никто не воспринимал всерьез.

К дереву не могли подойти даже домашние — Тарзан понимал только деда Степана. А тут — заключенный вместе с охранником. Ну, детский лепет! Впрочем, ты действительно лепетал, причем нечленораздельно и с трудом. К своему ужасу, чуть успокоившись, уже с перевязанной рукой, ты обнаружил, что выдавливаешь из себя слова с большими сложностями. Речь твоя оказалась какая-то кочковатая, что ли, с произвольными всхлипами. С тех пор ты стал чудовищно заикаться.

Так продолжалось довольно долго. И почти каждую ночь тебе снилась татуировка с красным куполом на зёковской спине, космически вырастающая в настоящую, как в райцентре, церковь. Почти еженощно, когда татуировка увеличивалась до огромных размеров, красный купол вдруг вспыхивал, и горящее строение рушилось на тебя. Ты просыпался мокрый и так лежал, дрожа, не смыкая глаз до утра.

Утрами тетка, у которой ты в то время жил, орала на тебя: «Ссыкун чертов, как ты мне надоел!» — и шлепала тебя по мокрой заднице.

В конце концов ей нестерпимо надоело сушить после тебя мокрые матрасы и она, по совету соседей, повела тебя в другой, недалекий хутор. Там бабка-шептуня выливала тебе испуг, что-то долго шептала и шаманила. После этого ты перестал писаться, почти не заикался и совсем забыл зэка. Потом, когда в саду вызрели другие яблоки, но на глазах катастрофически убывали, стало очевидным и для других, что кто-то наведывается в сад, невзирая на злобное присутствие Тарзана. Дед Степан, взявши двустволку и засев в кустах, выследил-таки непрошенных, но весьма освоившихся гостей. Это были узбек-охранник и зэк, видимо, тот, с татуированным храмом на спине. Тарзан, не признававший ни одной живой души, кроме деда Степана, к его удивлению, беспрепятственно пропустил к яблоне узбека с зэком и даже заискивающе повилал хвостом-обрубком. Дед ша-рахнул дуллетом по яблоне. Правда, патроны были за-

ряжены солью. «Шпиона» и «шкилета» снесло с дерева как ветром. А дед, перезарядив двустволку патронами с картечью, лишил жизни неверного Тарзана. Потом, закапывая его на пустыре за садом, вроде даже пустил скупую мужскую слезу.

Ленка, возбужденно говорившая что-то и жестикулировавшая руками, пыталась тебя выдернуть из сопливых детских воспоминаний. Она вдруг асинхронными, путаными движениями всех членов своего тела стащила через голову платье и повернулась к тебе спиной. Ты, слегка ошарашенный, вернулся в реальность.

— Смотри, как у него, как у него!.. — твердила она.

Ты увидел на ее мясистой, складчатой спине, над черной шлейй лифчика, между лопаток, красное родимое пятно, удивительно напоминавшее купол. Ну, как у дедка-утопленника.

— Это мой отец, точно! — с уверенностью и вроде бы с обреченностью заключила она.

Ты не собирался ее разубеждать, а сразу поверил. Правда, от такого совпадения так приторно разило не любимым тобой индийским кино — встречи через четверть века и все такое...

А то, что это был яблочный «шпион» из твоего детства, казалось и вовсе неправдоподобным. Ты, легковёр и наивняк, морщил нос и лоб от непостижимости и несусветности этих фактов.

— Что будем делать с твоим папаней! — обреченный на заинтересованность, спросил ты толстуху.

Она так и стояла спиной к тебе, шевеля лопатками, как бы желая освободиться от родимого пятна.

— Нужно его найти, а потом что-то уже делать, — сказала трезвомысляще Ленка, так и не избавившись от вишневого пятна на спине.

Пошли искать. Сначала по эковскому следу — камыши и высокая болотная трава остались заваленными, примятыми. Ленка почему-то не оделась, так и шла с платьем в одной руке, с дедовой, то есть папаниной ру-

бахой — в другой. Она, кажется, абсолютно не смущалась ни жировых складок, ни очевидной вислозадости, ни своего отнюдь не пляжного одеяния. Ты следом за ней нес ее сумку с остатками снеди. От сексуальных желаний, которые могли возникнуть в подобной ситуации, тебя отвлекала не острая, но щемящая боль порезанной камышом руки. К тому же один палец на правой руке вспух — видимо, мент в автобусе, наступив тебе на руку, все же изрядно его потревожил.

Те несколько часов, отделявших тебя от аварии автобуса, от всей кутерьмы с кольцом и ментами, казались вечностью. Ты даже не смог воспроизвести в памяти все случившееся сегодня с тобой. Да и не напрягался и не подводил итоги, потому что подспудно догадывался: не закончившийся день принесет тебе еще Бог весть что.

Ленка шла впереди, сотрясаясь своими излишествами, или (на иной взгляд) женственностью.

— А зачем, вообще-то, мы его ищем? — устало и отвлеченно, не обращаясь ни к кому, пробурчал ты себе под нос.

— Я его всю жизнь искала, — ответила Ленка тебе с каким-то пафосом.

— Такого? — ляпнул ты бездумно.

— Какого такого?

— Ну... — не нашелся ты сразу.

— У тебя отец был, а у меня его не было, — сказала она со слышимой обидой.

С чего это она убеждена, что у тебя был отец? Хотя, конечно, отец у тебя был и сейчас есть, дай Бог ему здоровья. Что до матери... Тетка твоя говорила: мать, мол, умерла при родах, отец же по этому поводу не говорил ничего. От соседских женщин, судачивших между собой и случайно подслушанных, ты узнал, что какая-то девка якобы нагуляла от отца и подкинула тебя отцовым родителям, то есть твоим бабке с дедом.

У отца была своя семья и жил он в райцентре, бывая у вас на хуторе наездами. Наездами же тебя и воспитыв-

вал. Таким наездным ты и остался — и теперь страдал от этого и всего прочего. Бабка с дедом были дряхлы, а тет-ка — старая дева — слишком равнодушна к тебе, чтоб заниматься твоим воспитанием. Да, собственно, о каком таком воспитании могла идти речь на хуторе. Хуторские дети растут как трава...

— Кольцо надо будет завтра в милиции забрать, — сказала вдруг скорее для себя, чем для тебя, Ленка.

Ты промолчал, внутренне сжавшись, и вспомнил, чего тебе стоило ее сучье кольцо. Она не обратила внимания на твоё молчание и продолжала:

— Ты знаешь, как оно мне досталось?! — Попутчица за все это время ни разу не назвала тебя Николаем, как будто догадывалась, что ты вовсе и не Николай, а Иван, даже Иоанн. А ты, конечно, не знал, как это кольцо досталось Ленке, и абсолютно этим не интересовался.

— Ну, понимаешь, как бы это тебе сказать... — она говорила так, будто ты умолял рассказать о происхождении этого кольца.

— ...Я вынесла его в себе. Да... Ну, как женщина, понимаешь?

Ты не понимал, откуда она вынесла это злосчастное кольцо, но как — понимал.

Мимолетная твоя безгливость сменилась начальным возбуждением. Ты внутренне всмотрелся в себя, прислушался к зову инстинкта — не отклонение ли это какое, не патология ли? Однако, невзирая на твои рассматривания, прислушивания и безгливость, желание не исчезло.

— Я ж тебе говорила, на свидании у своего Коли в колонии была, это недалеко, в Дядиловке. Ну, вот вынесла. — И после паузы добавила: — Натерпелась! Страшно было. Еще, кроме кольца, четыре коронки. Одну, правда, прапорщику тамошнему пришлось отдать. Николай мой договаривался так...

Откровения про коронки, пусть и золотые, поубавили твой пыл.

— Я б на такое не пошла, — как бы оправдываясь перед тобой, не проронившим еще ни слова, продолжала Ленка. — Но сыночка моего нужно в Москву везти, к профессорам, а он у меня совсем плохонький, неадекватный... Может, что поможет. Ты не знаешь? С такой болезнью можно помочь? — спросила она тебя, остановившись и обернувшись.

— С какой? — не до конца понимая, лишь догадываясь, что за болезнь такая — «неадекватная», спросил ты.

— Ну... с такой, — Ленка робко покрутила пальцем у виска. Твои догадки подтвердились.

— Да, конечно, — поспешил ты успокоить «неадекватную» мамашу. Затем даже сказал, что великий Эйнштейн в детстве производил впечатление умственно неполноценного, а потом... Это Ленку неожиданно успокоило, ей явно хотелось такого исхода для неадекватного сына.

— Да, я знаю, знаю, — заулыбалась она. — А потом, погляди: теория относительности и все такое! — с гордостью как бы за своего сына сказала Ленка. — Не знаю, где их там в зоне раздобыл Николай... — перескочила Ленка с Эйнштейна на коронки. — Только говорит он мне: «Если для дитя — из-под земли достану». Он у меня любит детей. Только вот по пьяной лавочке натворил делов и залетел.

Она достала из черного двухведерного лифчика пакетик с коронками:

— Сколько это стоит?

— Не имею представления, — сознался ты и не мог представить и бывшего владельца коронок — столь огромными они были: поистине — лошадиные! Можно было только догадаться: что выражали твои глаза и что было написано на твоей физиономии, но Ленка вдруг быстро накинула свое легкое платье, стыдливо как-то одергивая его...

Толстуха пропустила тебя вперед, отдав тебе грязную

рубаху татуированного своего папаши и забрав свою сумку. Вы пошли дальше — искать деда.

Беспричинно обернувшись, ты угловым зрением увидел, как всем телом вздрогнула Ленка, а потом услышал и выстрел. Тебя поразила молниеносная мысль: стреляли в нее.

— Что это? — спросила она жестяным шепотом, перепуганная и слегка присевшая.

Ты, догадливый, понял, что попутчица твоя жива и стреляли не в нее.

— Не знаю... — выдохнул с облегчением ты. — Может, это твоего папашу грохнули?

Ленка рванула напролом в сторону раздавшегося выстрела. Ты за ней. Вы с хлопом и чавканьем пробежали через злосчастное болотце и выскочили на берег канала. Добежали до мыска перелеска. Убавив шаг и сдерживая дыхание, углубились по едва тореной тропинке, уклончиво ведущей от берега в глубь лесопосадки.

Послышались приглушенные голоса и скрипучая попытка стартера — силились завести машину. Сквозь густой, заговорщицкий кустарник вам представилась любопытная картина. Непонятного цвета «уазик» стоял, зарывшись мордой в камыш. Из порыжелых зарослей выныривал статичной коброй серебристый бензопровод. Он зависал тяжелым изгибом над каналом им. Профессионального Революционера. Давешний мент в желтых ботинках, который наступал на тебя в автобусе, держал канистру под тугой струей, бьющей из бензопровода. Рядом, готовый унести наполненную, стоял с другой канистрой легкоузнаваемый по профилю Ахмед из аварийного автобуса. Поодаль топтался уже знакомый с положительной внешностью начальник в компании четырех безликих субъектов. Они о чем-то напряженно переговаривались. Очевидно, их не устраивали темпы и методы добычи горючего. Здесь же, едва втиснувшись между насыпным валом и бензопроводом, выжидающе застыл бензовоз.

Безликие и суетливые накинули на объемную округлость бензопровода металлический хомут с краном, рядом — старую фуфайку. Положительный начальник достал пистолет, через фуфайку выстрелил в серебристое тело бензопровода. Жидкость ударила из-под нее струей. Один из безликих, сбросив фуфайку, торопливо закрепил хомут на пробойне и перекрыл кран. Теперь стало ясно, что стреляли вовсе не в деда.

Ненароком узнавшие нехитрую, но эффективную технологию добычи бензина и обремененные такими знаниями, поползли прочь. Ленка это делала на четвереньках, причем задним ходом, что выглядело довольно комично. Если бы не такая щекотливая и небезопасная ситуация, можно было бы мучительно умирать со смеху.

Выбравшись наконец из перелеска и затерявшись в камышах, ты начал осознанно думать о простреленном бензопроводе. Дивясь сноровке местных промысловиков, сообразил, откуда в канале появились нефтяные пятна.

— А где рубашка? — спросила на время забытая тобой попутчица.

Ты сразу не понял, о чем речь, и машинально ощупал себя. Но Ленка спрашивала о рубахе деда.

Ты в очередной раз и очень искренне разозлился на исчезнувшего бывшего зэка. Еще перед ним и его ново-явленной дочкой отчитываться за потерянную рубаху! И без того из-за престарелого паразита столько натерпелся нынче! К тому же у тебя все прибавлялось уверенности, что дедка вы не найдете. Тогда зачем ему рубаха?

Ты промолчал об этом, да и вообще — пошли они с драной рубахой на три веселых буквы. Тебе бы добраться до старого моста через канал, что возле кладбища. Просто мучительно захотелось домой, прочь от этой фантазмагии. Ты изобрел пару правдоподобных отговорок для любопытных, когда будут спрашивать: где да что? Тебя это заботило сейчас больше, чем предположительная смерть татуированного попутчика. То, что

рался. Правда, потом тебя, одурманенного бензином и перепуганного и искусанного злой псиной, помиловали. Поставили диагноз — педагогическая запущенность. После помилования, то ли со злости, то ли с испугу, ты начал остервенело грызть гранит науки начальной школы. Через некоторое время уже не портил показателей успеваемости класса.

— Где же дед? — вернула тебя из начальной школы Ленка.

— Пойдем искать, — поднялся ты, вовсе не намереваясь делать это, тем более в сумерках. Тебе просто нужно было добраться до моста, что у кладбища, а там — домой. Убивать уже никого не хотелось.

Пусть сама ищет этого злосчастного дедка, сдался он тебе! Все равно не найдет. Почему не найдет? — на сей раз ты отказался строить версии.

Ленка сунула пакет с золотыми коронками, который даже при половом акте держала в руке, куда-то в недра своего траурно-черного лифчика, и вы отправились.

Ты был ей немного благодарен за то, что она не напоминала о потерянной дедовой рубашке.

Отстраненные фосфоресцирующие звезды и фундаменталистский месяц струили зеленоватый свет на покойную уже землю. Отражающая это свечение тропинка вела вдоль канала им. Профессионального Революционера к ближнему холму. Он, ужавшись, будто скрывал нежелательную беременность и боялся подтопления водами канала, все же почти подступал к насыпному берегу. На холме было старое райцентровское кладбище, еще действующее. Местные богобоязненные доброхоты обнесли последнее пристанище людское не классической кладбищенской оградой, а вполне демократичной, как дачники огород, сеткой-«рабицей».

Теперь ты вспомнил, как в ваш издыхающий кооператив пришли старики-общественники и уговорили почти задаром отдать первую и последнюю партию продукции — вот эту сетку. Вы, работяги, бурчали на свое-

го начальника. А он, проницаемый душеспасительными позывами, даже послал вас в помощь старикам. Вы помогали натягивать эту сетку вокруг кладбища. Древний старичок — бывший кулачок, все пояснял вам: «От скотины, от скотины».

На погост забредал колхозный и прочих форм собственности скот, оскверняя лепехами печальное пристанище. Вы, выкидыши атеистической пропаганды, слегка понимали богоугодность этого дела.

Зыркавшую вокруг, встревоженную близостью ночного кладбища Ленку привлек бледный костерок на нем же. Ты отмахнулся от попутчицы — уж слишком неподходящее место для ночных посиделок это кладбище. В твою рыхлую подкорку начало лезть всякое непотребно мистическое. Слишком много на сегодня выпало событий, чтобы завершаться кладбищенской темой. Тебе по понятным причинам хотелось быстрее миновать этот городок мертвых, или, как ты, остряк захолустный, неосторожно подумал, — хуторок мертвых.

Вы оба, ты и Ленка, поспешили удалиться отсюда. Но все же, невольно оборачиваясь, ты увидел подле костерка согбенную чью-то фигурку. Пока до тебя дошла мысль, что согбенное это копошение кого-то напоминает, Ленка жестяным шепотом выпалила:

— Это, кажется, он!..

Кто такой он, ты не стал расспрашивать, потому что и сам мало сомневался: это действительно был дед-утопленник.

Вереница мыслей прерывистым пунктиром пронеслась в твоём сознании: слава Богу, старик жив. Не надо себе изобретать алиби, все равно — разрушаемое. Не надо будет даже гипотетически лишать жизни ехавших с тобой в автобусе людей.

Убедившись, что старый зэк жив, ты почувствовал желание удалиться отсюда побыстрее и подальше. Это желание так выпирало, что полнотелая вынуждено вце-

пилаась в твой сбитый локоть. Она повлекла тебя к своему потерянному и вновь обретенному папане.

Дедок заприметил вас, казалось, давно, даже наблюдал за вами. По крайней мере, знал, с какой стороны вас ждать. Потому вашему появлению нимало не удивился. Лишь погрузился вместе с головой в невесть откуда взявшуюся замызганную, что было видно даже при свете костерка, фуфайку.

Объяснимо странным было ваше взаимное молчание. Ты, неопределенно потоптавшись, присел у отсвечивающего красными углями костерка.

Ленка уже неуклюже уместилась подле старикана, без особого успеха натягивая подол своего платишка на тупые колени.

Утробные потусторонние вздохи и хлюпкое фырканье могли бы свести с ума чуткую и восприимчивую натуру. Ты же, заторможенный и толстокожий, не успел испугаться, как увидел... корову. Она была привязана к металлической решетке с претенциозными завитками, ограждающей чей-то самодовольный надгробный мрамор.

— Что это? — растерянно спросила вместо тебя Ленка.

— Корова, — исчерпывающе ответил старикан из недр фуфайки.

— Что она здесь делает?

— Штоит... Шейчас подоим, молочка попьем.

— Чья это?

— Абдуллы, — пояснил старик как бы для особо бестолковых, — их тут много... Собственные.

И действительно, привстав, ты увидел поодаль отдыхающих животных. Коровы лежали меж могилоч. Очертания их разной округлости и угловатости туш под зеленоватым лунным светом естественно переходили в контуры могильных холмиков. А подле так и не восстановленной стариками-общественниками часовни, зиявшей небрежной кладкой кирпичей, сгрудились овцы. Очевидно, это было встретившееся сегодня на пустыре разномастное и

разношерстное стадо, истязавшееся чернявым зоофилом. Это, оказывается, был скот Абдуллы.

Кто такой Абдулла, в районе знал всякий. И поныне районная газета вздохнул и с придыханием пишет об успехах знатного овцевода, Героя Соцтруда.

Неожиданно неухоженным, по дневным впечатлениям и под лунным светом, показалась собственная живность чабана-героя. А сам Абдулла худобой не страдал, даже наоборот — ты его недавно видел. И был он улыбочивым и щедрым. Щедрым, потому что по весне, когда у местных колхозников на подворьях появлялись ягнята, он ездил и скупал молодняк. Хуторяне заламывали несусветные цены за своих ягнят. Абдулла, не переставая улыбаться, чесал плоский мраморный затылок, торговался без азарта, но цену давал за ягнят мизерную.

Злые языки окрест судачили, что у Героя Абдуллы потому в отчетах и значится по 120-130 ягнят от 100 овцематок. Но почему к абдулловской животине (загнанной за кладбищенскую изгородь, чтоб не разбрелась) пристроен старый зэк, ты с его объяснения не понял. То ли дедок у Героя батрачит, то ли оказался здесь случайно? Но то, что целый день геройскую скотину пас не он, а какой-то Хасан, было ясно. Впрочем, тебя это интересовало меньше всего. Даже то, что пастух Хасан пошел искать опять же какого-то Ахмета.

Ты и не напрягался в предположениях, чтобы понять, что искомый Ахмет — это орел из автобуса, которого выпелили стражи порядка и который затем под их началом трудился на добыче бензина. Да Бог с ними со всеми, в смысле, Аллах с ними, мягко говоря.

Ты про себя радовался бескровной развязке твоего приключения. Но определенно не хотелось после столь бурного дня ночь проводить на кладбище. Такой ночлег малопривлекателен сам по себе. К тому же что-то было во всем случившемся неправдоподобное, дешево-киношное, круто, но неубедительно придуманное. Такое впечатле-

ние, что руководит тобою, в отместку за твою прежнюю малособытийную и вялотекущую жизнь, какой-то злобствующий, недобросовестный кукловод. Ну просто мистика. Ты из предосторожности не стал поминать черта... И во всей этой истории была какая-то недосказанность.

Недосказанность же, но иного рода, пыталась прояснить и Ленка. Она осторожно и аккуратно выпрашивала у старика о его семье. Оказалось, бабу, которая якобы его периодически сдает в милицию, как он говорил после автобусного происшествия, дед просто выдумал. Нет у него бабушки, даже такой сварливой. И обитает он сейчас у Абдуллы, вроде бы в работниках числится. Но сердобольный Герой Соцтруда не особо утруждает старика. Так, иногда приходится старому зэку за стадом присматривать.

А жил ли ветеран мест не столь отдаленных когда-нибудь на улице Полевой с Евдокией Ильиничной, осторожно поинтересовалась у дедка возможная его дочь. На этой улице в райцентре безвыездно проживала ее мать, Евдокия Ильинична, вечно временно неработающая торговка семечками.

— Ты што, ш меня допрошы шнимаешь, начальник? — вдруг взъярился татуированный и беззубый «папаша» на Ленку. Та и отстала.

Старикан разгреб хворостинкой золу почти угасшего костерка, нырнул скользнувшей из фуфайки плетеобразной рукой в темноту.

— На разжижку, — пояснил он для чего-то, комкая извлеченные из тьмы какие-то листки. Бумага с готовностью вспыхнула, лизнула пламенем подброшенный сухой хворост и камыш. Занялся веселый огонь.

— Иди, корову подои, — по-отцовски скомандовал дед Ленке, извлекая из той же темноты трехлитровый баллон. Непроницаемая муть этой банки была видна даже при свете костерка.

Выяснилось: подоить втемную корову Ленка не сможет. Дедок дал стопку бумаги.

— Иди, пошвети, — сказал он тебе.

Сдойкой и освещением у вас плохо получалось. Все же кое-как, наполовину, трехлитровый баллон наполнился.

Вы возвратились к костру. Еще обжигая пальцы и мастера фитильки из бумаги, чтобы подсвечивать ночной доярке, ты обратил свое уставшее и притупленное внимание на листки. Теперь ты разглядел, что костер разжигался... выборными бюллетенями в местную думу. Во всех них, тебе попадавшихся, привередливые избиратели вычеркивали какую-то Абдуллонову. Нетрудно было догадаться, что это дочь героя-чабана.

Тебе вспомнилась весенняя предвыборная кампания. Многочисленные родственники и соплеменники Абдуллы обходили каждый дом, агитируя за красавицу Айшат.

Ты не понимал, зачем в твоем сознании всплывают один за другим эпизоды, мало относящиеся к тебе. И нанизываются, нанизываются на хрупкий стебель сознания. Ну и что с того, что тогда на избирательном участке ты свой бюллетень отдал чернявым ребятам за две бутылки водки? Во-первых, ты не алкоголик, а малопьющий, и водка пошла на хозяйственные нужды. Во-вторых, тебе все равно, кого там выбрали в местную думу. Ты даже не интересовался. Но, кажется, не Айшат. А вообще-то она, Айшат, красивая женщина, и как о всякой красивой, о ней болтали всякое. За что суровые чернявые парни из абдуллаевских агитаторов обещали болтунам и болтушкам вырвать языки с пищеводом. А один из них выразился так: хоть и блядь, зато наша.

А вообще, бабы все одним миром мазаны, решил ты однажды для себя. Когда от некрасивой, в возрасте и добропорядочной учительницы подхватил триппер. С тех пор, помяная позор амбулаторного лечения, ты был неоправданно осторожен с женщинами.

Да и они, по правде, тебе особого внимания не уделяли. Вот разве такие, как толстуха Ленка, которая сейчас расплылась седалищем на каком-то холмике и торчала

из темноты круглыми коленями. Она и дедок, держащий меж ног баллон с молоком, молчали о чем-то о своем, об общем. А ты хотел домой. И что, собственно, тебя держало? Ты без слов поднялся и пошел. Тебя никто не окликнул.

Безадресная, казалось бы, тропинка, едва проглядывавшая из травы, своей непроторенностью вела тебя прочь от кладбища. Если б у тебя был изощренный ум, к тому же не засоренный хаотичными нынешними событиями, ты бы усмотрел в этом что-то символичное. И кладбище при оглядке смотрелось скорее романтично, чем жутковато.

Ты подошел к старому мосту. Командно-административный шлагбаум, недавно появившийся здесь вместе с железобетонными блоками, преграждал тебе путь. Ты, потоптавшись в нерешительности, нырнул под него. Только тополек на обочине, прогнувшись в подобострастной вытяжке, стоял перед тобой адъютантом. А рядом — белая березка, жертва поэтических домогательств, инородная здесь и уже с поредевшей кроной.

Впереди тускло светились огни райцентра, зримо агитируя за продолжение электрификации. Легкий ветерок с химическим акцентом дул со стороны асфальтового заводьшки. Позади слышался разнобой торопливых шагов. Ты обернулся. На фоне аллегорического перелеска торчал указательным пальцем уже поднятый шлагбаум. Слегка покачиваясь, он указывал на фундаменталистский месяц. Посреди дороги семенили два знакомых силуэта. Тебя догоняли толстушка и старый зэк. Ты предусмотрительно прибавил шагу, но вскоре родственная пара тебя настигла, тяжело и асинхронно дыша.

— Вы? — как бы удивился ты своим вечным, казалось, попутчикам теперь.

— Угу... — ответил с вдохновением татуированный дедок.

— А как же коровы и Абдулла?

— А... — неопределенно махнул тот рукой, а потом конкретно и нецензурно высказал свое отношение к скотоводству и скоту вообще.

Который день ты еженедельно едешь по скучной дороге, пыльной летом и непролазной осенью. Грязно-желтый безродный автобус трясет тебя сейчас к райцентру из твоего патриархального захолустья.

Сейчас с напарником вы подвизались ремонтировать полуразрушенную часовенку на местном кладбище. Коровы теперь там не блуждают — заборную сетку снова натянули, ворота староста церковный закрывает. Он же и с вами обещал расплатиться за работу. Правда, твердит, что вы делаете богоугодное дело, мол, грех за это деньги брать. Но что-то все же наскребет.

В автобусе — несколько человек. Однообразно толстая пассажирка, теребя местную газету, по-ликбезовски водит по строчкам телепрограммы порицательным пальцем. Аморально облупленный маникюр и мокрые шевелящиеся губы. Она ногтем отмечает в программе «Окна» и еще что-то мыльное на другом канале.

На каком-то безымянном повороте автобус останавливается, выпуская из своего раскаленного чрева взорвавшую толстую пассажирку. Забытый «Степной вестник» жестко шелестит отрывающихся порывов ветра. Со скуки ты берешь местную газету.

С некоторых пор ты стал читать детективы, а в газетах — рубрику «Происшествия».

«...Задержана группа расхитителей, орудовавшая на бензопроводе. Один из задержанных оказался в форме сотрудника милиции. Ведется следствие».

Тебе вспомнился милиционер-наступатель в желтых ботинках, простреленный бензопровод и прочий антураж.

«...Сгорело домовладение Абдуллы Х. на ул. Восточной хутора Ближнего. Пожар произошел от осветительной ракеты, попавшей в хозпостройки со стороны про-

ходившей мимо войсковой колонны. Нанесен значительный материальный ущерб».

Напраслину возводят на солдатиков, возвращающихся с далекой войны, подумал ты со знанием дела. Но зато не будут искать поджигателя. Колонна прошла — и концы в воду.

Автобус умеренно трясся по гравийке. Неторопливый и уставший, он удачно миновал то злополучное место, где недавно случилась авария. Лицо твоё исказилось мимолетной гримасой.

Тебе пришлось недавно встретить на улице райцентра Ленку. Тебе показалось, что ее старенькое платье еще больше переполняют выпирающие женские формы. А саму Ленку еще больше переполняли заботы — о больном сынишке.

Встрече она обрадовалась и смутилась одновременно. Начала торопливо рассказывать, как ищет деньги для поездки в Москву к профессорам. Лошадиные коронки она удачно сдала частнику-стоматологу. Но этого на лечение все равно не хватает. Вот собирается обратиться через местную газету за помощью на лечение сына.

— Слушай, а что тот старик? Помнишь, утопленник болотный? — вспомнил ты совсем некстати про плюгавого ветерана зоны.

— А что? — вдруг смутилась Ленка, потом нарочито буднично сообщила: — Да прибился ко мне, куда ж ему податься. За хозяйством присматривает. — Потом добавила, как бы оправдываясь: — Коля мой знает, ты не думай...

И снова перевела разговор на поиски благотворительной помощи.

Тебе стало скучно и неловко, что ты не можешь помочь мамаше-бедолаге.

Но твердо решил, как только староста с тобой расплатится за ремонт часовенки, ты переведешь какие-то деньги ей на счет. Надо следить за местной газетой.

МИР КУРЬЕЗОВ

НЕВЕСТА БЫЛА УЖАСНА

Эта женщина так и не предстала перед судом, хотя принесла в жертву своей алчности более сорока человеческих жизней. В Америке ходили легенды о жестокости Синей Бороды в женском обличье.

Ее звали Белль Брунгильда Соренсон Ганнес. Норвежка по происхождению, она эмигрировала в Америку в 1883 году в возрасте 24 лет. Здесь она вышла замуж за Макса Альберта Соренсона из Чикаго, который через шесть лет скончался якобы от сердечного приступа. После его смерти жена получила по страховке крупную сумму. Родственники Соренсона считали, что его убила Белль, и потребовали провести расследование, результаты которого неизвестны.

На эти деньги миссис Соренсон купила кондитерскую. Кондитерская по непонятной причине сгорела, и Белль снова получила деньги от страховой компании.

Соренсоны удочерили троих девочек: Дженни, Миртл и Люси — с ними в 1902 году вдова переехала в Ла Порт (Индиана), где купила большую ферму, вышла замуж за своего соотечественника Питера Ганнеса и родила сына Филиппа. Менее чем через два года Питер погиб — когда он работал в сарае, на него с верхней полки упал тесак. Читатель догадается, что жизнь Питера Ганнеса была застрахована, и на этот раз его жене выплатили 4000 долларов. Дженни проболталась в школе, что Ганнес погиб не от несчастного случая, а был убит женой, но в суде она отказалась от своих слов. Дело было закрыто, а Дженни исчезла — Ганнес сказала, что отправила ее учиться в Лос-Анджелес.

Больше Ганнес свадеб не играла, однако дала брачное объявление в газеты. Желających познакомиться приглашала к себе на ферму, просила обращаться только с серь-

езными намерениями. Один из претендентов, Джон Му из Висконсина, привез «для объединения капиталов» не менее тысячи долларов (так говорили соседи), погостил неделю и пропал.

Норвежец Джордж Андерсон был богат и жаждал любви. Однако, приехав в Ла Порт, он был разочарован внешностью своей потенциальной супруги. Впрочем, Белль прекрасно готовила, отвела гостю лучшую комнату, сумела выгодно показать свою ферму, и Андерсон уже совсем было решил остаться, если бы не провидение. Как-то ночью Андерсон проснулся в холодном поту и увидел перед собой свою избранницу. Ее жуткий взгляд так напугал его, что он закричал от ужаса. Белль выскочила из комнаты, а Андерсон, не дожидаясь утра, удрал на станцию. Он был единственным женихом — а приезжали многие, — кому удалось спастись.

Родственникам бесследно пропавших искателей семейного счастья Ганнес отвечала, что мистер такой-то на ферме не появлялся.

Зимой 1908 года переписывавшийся с Белль фермер Эндрю Хегеляйн из Южной Дакоты получил от нее такое страстное признание, что немедленно примчался на зов ее «любви» с чеком на 2900 долларов. В Ла Порте он обменял чек на наличные, а через несколько дней канул в неизвестность. После его «отъезда» Белль положила на свой счет 1200 долларов.

Все это время соседи наблюдали, как Белль Ганнес, обладающая недюжинной силой, сама вносила в дом с закрытыми ставнями огромные сундуки и как она вместе со своим работником Ламферте что-то копала в свинарнике по ночам. Однако Белль почему-то начала ссориться с Ламферте — по-видимому, влюбленный в свою хозяйку и беспрекословно выполнявший все ее кошмарные поручения работник стал ревновать Ганнес к ее жертвам. Белль поспешила заявить в полицию, что Ламферте угрожал ее жизни и семье. Она обратилась также к адвокату с жалобой на Ламферте и составила завещание, по которому все имущество после ее возможной гибели переходило к детям. Затем она выкупила свою за-кладную. В апреле 1908 года ферма сгорела, и под провалившимся полом были обнаружены один обезглавленный женский и три детских обгоревших трупа; Ламферте обвинили в умышленном поджо-

ге и убийстве. Во время следствия выяснилось, что убитая не могла быть Белль Ганнес и что она умерла от большой дозы стрихнина.

В Ла Порт приехал Асле Хегеляйн и потребовал от шерифа провести расследование, утверждая, что Белль убила его брата. Хотя шерифу не хотелось еще раз копаться на пепелище, Асле настоял на своем. Новый работник Ганнес рассказал шерифу, что хозяйка заставляла его засыпать землей какие-то странные ямы в свинарнике. Она говорила, что здесь закапывали помои. В ходе раскопок были обнаружены тела Дженни, Эндрю Хегеляйна и еще два неопознанных детских трупа. Постепенно нашли останки всех пропавших гостей Белль — всего 40 человек.

Ламферте признал себя виновным в поджоге, но заявил, что не убивал Белль и ее детей. Его приговорили к 20 годам заключения, а спустя год он заболел в тюрьме и умер. В предсмертной исповеди он рассказал о зверствах Белль Ганнес и заявил, что никого не убивал, но помогал зарывать трупы. Он сказал, что Белль подмешивала своим жертвам стрихнин в кофе или усыпляла их хлороформом, дождавшись момента, когда гость заснет у себя в комнате. После этого она сама относила труп в подвал, разделявала его, как заправский мясник, и закапывала останки в свинарнике. Иногда она скармливала свиньям мелкие кусочки тел.

Погибшей женщиной оказалась новая экономка Белль — хозяйка отравила ее, а отрубленную голову с привязанным к ней камнем выбросила в топкое болото. Труп Ганнес одела в свое платье и бросила рядом свою вставную челюсть. Детей Белль усыпила хлороформом и задушила, после чего оттащила все трупы в подвал. Ламферте должен был встретиться с Белль в условленном месте после того, как все кончится, но она не пришла.

По его подсчетам, она убила не менее 42 мужчин и присвоила около 250 000 долларов — тогда это была немалая сумма. Говорят, ужасную старуху встречали в разных городах США, и еще 20 лет шериф Ла Порта время от времени получал донесения о ее местонахождении.

Ф.СП-1

Министерство связи РФ

АБОНЕМЕНТ на ~~газету~~
журнал (индекс издания)
ИСКАТЕЛЬ

(наименование издания)	Количество комплектов:
------------------------	------------------------

на 2005 год по месяцам

						7	8	9	10	11	12

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому
(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
ПВ	место	ли-тер

на ~~газету~~
журнал (индекс издания)

ИСКАТЕЛЬ

(наименование издания)

Стои-мость	подписки	руб.	коп.	Количество комплектов:
	пере-адресовки	руб.	коп.	

на 2005 год по месяцам

						7	8	9	10	11	12

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому
(фамилия, инициалы)

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ «ИСКАТЕЛЬ».

КАРТОЧНАЯ СИСТЕМА:

— по дополнению к **зеленому каталогу** («Пресса России»), в виде листов на скрепке, вложенных в сам каталог, **индекс 11275**;

— каталог «Почта России», **индекс 10922** (Агентство «МАП»);

— дополнение № 2 — листы на скрепке, вложенные в каталог «Роспечати» (обложка красного цвета), **индекс 70424**.

АДРЕСНАЯ СИСТЕМА: каталог «Роспечати» (обложка красного цвета) **индекс 79029**.

Подписано в печать 27.04.2005. Формат 84х108 1/32. Печать офсетная. Бумага газетная.

Усл. печ. л. 8,4. Тираж 11 200 экз. Лицензия № 06095. Заказ № 53 672.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО «Молодая гвардия»

127994, г. Москва, Сушевская ул., д. 21

ИСКАТЕЛЬ

ПОДПИСКА ЧЕРЕЗ РЕДАКЦИЮ

на 2-е полугодие 2005 года

Фамилия _____
Имя _____
Отчество _____
Возраст _____

Я подписываюсь на: ☐ 1 месяц ☐ 3 месяца ☐ 6 месяцев ☐
(отметьте нужный вариант галочкой)

Журнал высылайте по адресу:

Почтовый индекс _____ Область _____ Город _____
Улица _____ Дом, корпус _____ Квартира _____ Телефон _____
Прилагаю копию квитанции об оплате. Подпись _____

Как оформить подписку?

Взять в отделении Сбербанка квитанцию и заполнить ее с двух сторон. Образец перед вами.

Стоимость подписки исчисляется из расчета:

1 месяц – 70 руб., 3 месяца – 210 руб., 6 месяцев – 420 руб.

Перечислить стоимость подписки через Сбербанк.

Обязательно прислать в редакцию копию оплаченной квитанции с четко заполненным купоном по адресу:

127015, Москва, Новодмитровская улица, 5А, стр. 1, оф. 1607

(с пометкой «Редакционная подписка»).

Справки по телефону: (095) 685-47-06, 685-39-27.

Подписка на «Колокольчик» принимается аналогично с перечислением денег на этот же счет. Стоимость подписки: 1 месяц – 60 руб., 3 – месяца 180 руб., 6 месяцев – 360 руб.

В цену входит и доставка, которую осуществит редакция.

Форма № ПД-4

ООО «Книги «Искателя»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7707296789 КПП 770701001

№ _____

(ИНН получателя платежа)

р/с 40702810638320102329

(номер счета получателя платежа)

Маринорощинском ОСБ №7981

(наименование банка и банковские реквизиты)

Сбербанка России г. Москва.

корр. счет 30101810400000000225

БИК 044525225

за журнал «ИСКАТЕЛЬ»

(наименование платежа)

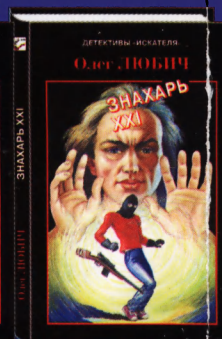
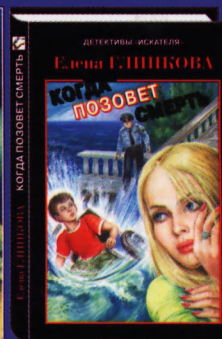
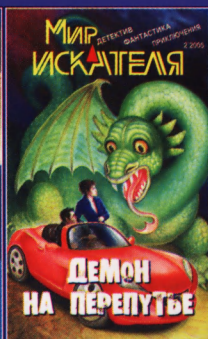
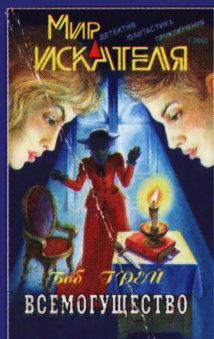
Дата _____ Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Платательщик: (подпись) _____

детектив • фантастика • приключения

ИСКАТЕЛЬ

журнал «Колокольчик»

ISSN 0130-6634

9 770130 663000